

XXII

ГРИНЬ РОМАН

ГОРОД УЛЬБОВОК

Роман Гринь
Город Улыбок

«Издательские решения»

Гринь Р. А.

Город Улыбок / Р. А. Гринь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932779-6

Игра началась, козыри Таро разложены, у них человеческие лица! Городу нет дела до слез, нужны улыбки! Но не бойся, мы все под Куполом. Некуда бежать, лишь по кругу. Улыбайся! Как все эти живые манекены. Иначе кто-то другой нарисует тебе улыбку! Лучше сойти с ума заранее, так безопаснее! Улыбнись, диетическая кола тут не поможет, даже пляшущий Ницше на коне из нитей хаоса, пожалуй, выбрал бы в такой ситуации звонок другу. Будто есть еще куда бежать. Веселись, для этого я и построил этот город?!

ISBN 978-5-44-932779-6

© Гринь Р. А.
© Издательские решения

Содержание

Город улыбок	6
Аркан XIII. Смерть. Последняя исповедь пастыря	7
Аркан XVI. Башня. Восстание шлюх	15
Аркан VI. Влюбленные. Моя запретная любовь	24
Аркан I. Маг. В гостях у безумия	33
Аркан XX. Страшный суд. Запоздалое возмездие	43
Аркан XI. Справедливость. Законопослушный гражданин	57
Аркан XIX. Перевернутое Солнце. Закат Архитекторов	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Город Улыбок

Роман Андреевич Гринь

© Роман Андреевич Гринь, 2018

ISBN 978-5-4493-2779-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Город улыбок

«Надо улыбаться, чтоб в живых остаться.

Надо улыбаться, чтоб живым казаться».

Из песни группы Otto Dix

Ты смотришь на меня и думаешь, что в состоянии понять? Но смотреть и видеть – не одно и то же! Ты любишь мою красоту, завидуешь моей изысканности, очаровываешься замысловатостью, продуманностью и утонченностью каждого элемента. Может, ты видишь во мне совершенство? Может, я тот самый идеал, путь к которому полит кровью, слезами и потом? Может, я тот заслуженный приз для страждущей одинокой души? Но, что если нет? Снова обман?! Снова разочарование?! Снова боль?! Не смотри на обложку! Не смотри на этикетку! В душе моей живут столь ужасающие демоны, что ты содрогнешься, когда увидишь их. Тебе захочется убежать, отвернуться, откеститься от этого, но я тебе не позволю. Я притяну тебя за уши, поверну лицом к бездне и заставлю смотреть широко раскрытыми глазами, заставлю полной грудью вдыхать сладковатый запах гнили, и впитывать по капле мою историю, мою необычную природу и судьбу. И если ты захочешь осудить меня, презрительно плюнув в мою сторону – помни, что я – это ты, или ты можешь стать мною, или частью меня. Разница не так велика. Не обманывайся, если думаешь, что от пропасти всех нас отделяет больше одного шага. Я покажу тебе свою тьму, свое падение, свою деградацию, свою беспечность, но также, и свое величие, величие человеческой души, порожденное от свободного выбора и права распоряжаться собственной судьбой. Человеческие существа уникальны. Нет таких подвигов и нет такой низости, на которые они были бы неспособны. Вся гамма чувств и желаний, все разнообразие порожденных ими деяний – все это просто впечатляюще. Сколько за людьми не наблюдай, они не перестают удивлять. И сейчас я расскажу тебе немного человеческой истории, моей истории. Ты ходишь по красивым улицам, любишь архитектуру, наслаждаешься ухоженными парками и скверами, вдыхая пьянящий запах вечно цветущих деревьев, но ты даже не догадываешься каков я на самом деле, что у меня на уме. А я просто хочу показать это, хочу раздеться перед тобой, раздеть свою душу. Такой вот душевный эксгибиционизм. Зачем я это делаю? Чтобы донести до тебя что-то? Что бы чему-то тебя научить? Нет! Просто я устал нести все это в себе, устал быть тем, чем не являюсь. Я – Город Улыбок! И вот моя исповедь...

Аркан XIII. Смерть. Последняя исповедь пастыря

С большого экрана зазвучала уже привычная для всех горожан музыка. А вот меня почему-то даже передернуло от этих звуков. Хорошо, что Карл не заметил. Он очень невнимателен и слегка туповат – идеальный друг в наше непростое время. На огромном, порядка ста метров в диагонали, экране появилась анимационная девочка с большими глазками и жизнерадостной улыбкой. «Уважаемые жители города, – громко произнес ее детский компьютерный голосок, – мы, первый информационный канал Города Улыбок, счастливы приветствовать вас в нашем вечернем выпуске новостей. Рады вам сообщить, что за этот день коэффициент счастья в городе вырос на ноль целых и три десятых процента». Я невольно поморщился, хорошо, что Карл и этого не заметил. А даже если увидел бы, это не большой проступок, чтобы доносить. Да и не похож этот щедушный тридцатилетний мужичок на доносчика. Кишка тонка! В наше время, чтобы быть информатором властей – нужно отличаться смелостью. Потому что им не нужны информаторы, они и так все обо всех знают. Хотя, может, у меня просто разыгралась паранойя? Может, это только в моем воображении я всегда под прицелом? К тому же, я теперь состою в той организации, это должно меня обезопасить. Или нет? Сейчас это уже не существенно! Барабан револьвера начал вращаться, и мне неизвестно, сколько в нем пуль.

«Не забывайте потреблять больше товаров и услуг ради процветания экономики нашего города и ради всеобщего благополучия! Ведь не зря у нас очень высокие зарплаты и такие низкие цены! Так что немедленно, – нарисованная девочка на гигантском экране топнула ножкой и сделала сердитое личико, – немедленно идите и купите себе какую-то новую красивую одежду, или порадуйте себя вкусняшкой! И чаще улыбайтесь! Ведь вы жители самого счастливого города на земле! А теперь давайте споем гимн нашего любимого города! Ну же, подпевай!» – Анимационная девочка задорно хлопнула в ладоши и начала петь.

Некоторые прохожие останавливались и вместе с ней напевали слова гимна, особенно активно это делали дети.

*«Славься город наш великий,
Прекрасный город смеха и улыбок,
Славься...»*

Я нажал на газ. Сегодня я не мог это терпеть. Карл посмотрел на меня с удивлением.

– Кевин?! – обеспокоено спросил мой попутчик со своей вечно сияющей белоснежной улыбкой на загорелой смазливой физиономии, такой же приторно-идеальной, как и у меня, как у всех горожан. Город манекенов!

– Прости, Карл! Что-то нездоровится, хочу быстрее домой!

Карл понимающе кивнул. Точнее, это ему казалось, что он понимает, а я уже ничего не понимал. Как встретил того типа – все пошло наперекосяк, больше ни на чем не мог сосредоточиться. Даже моя сегодняшняя проповедь прошла из рук вон плохо. Многие прихожане почувствовали неладное. Джессика даже подошла ко мне все с той же популярной в городе сияющей улыбкой, чтобы поинтересоваться все ли в порядке. Последнее время эта женщина проявляет излишнюю внимательность к моей персоне. Может, она – шпик из Бюро Нравственности? А может, просто запала на меня? К черту! Ей тоже сказал, что мне нездоровится. Быстрей бы попасть домой. Там я могу быть кем угодно и делать что угодно. Там можно все, здесь, на людях – крайне мало чего. Такие правила города.

Мимо промчался автомобиль кого-то из моих прихожан.

– Счастливого вечера, отче!

Я приветливо улыбнулся и помахал в ответ. Потом включил верхний боковой и перешел на соседнюю линию, на пять метров выше, далее провернул это еще раз и взял максимальную разрешаемую в городе высоту. Сейчас мой аэромобиль несся примерно в тридцати метрах над землей. На этой высоте редко кого встретишь, а мне сегодня больше всего хотелось остаться наедине с собой.

Мы летели молча, Карл не донимал меня расспросами и разговорами, и за это я был ему искренне благодарен. Каких-то пять минут, как впереди показался дом моего попутчика. Карл на прощание пожал мне руку и поблагодарил за то, что я его подбросил. Так же он сказал что-то о том, что я слишком много работаю, что мне нужно больше отдыхать, и что я просто святой человек, ведь люди слушают мои проповеди с замиранием сердца. Мы распрощались с широкими улыбками на губах, как и полагается добропорядочным гражданам Города Улыбок. Какой же он идиот, этот Карл! Люди слушают меня потому, что я умею красиво и вдохновляющее говорить. А занимаюсь я этим потому, что это самый простой и не пыльный способ зарабатывать в Рондо хорошие деньги. Все просто.

Я и не заметил, как погруженный в свои мысли, добрался домой. Припарковал свой аэромобиль на магнитных подушках возле дома, включил фиксирующее магнитное поле и сигнализацию. Хотя, в последнем не было особой необходимости. В Рондо почти нет преступности. Может, она еще есть за его пределами, где-то на «плантациях», в так называемом Промышленном Городе Улыбок. Не знаю, давно там не был. Но Рондо – это сердце города, это рай на земле, тут все счастливы. По крайней мере, это постоянно утверждают гигантские экраны. Своими детскими голосами они сообщают о ежедневном росте коэффициента счастья. Никто, правда, не знает, что это за коэффициент, и как он измеряется, но мы верим. Не стоит сомневаться в могуществе и процветании города, сомневающимся может ждать кое-что похуже, чем общение с инспектором из Бюро Нравственности, или терапия в Городском Центре Счастья. Но, пока жизнь в Рондо похожа на рай, мы не задаем лишних вопросов и восхваляем Город Улыбок. В конце концов, у нас есть все. У нас такой уровень доходов, что мы просто не успеваем тратить деньги. И чтобы как-то избежать большого скопления капитала у граждан и дальнейшей инфляции, власти города постоянно придумывают разнообразные увеселения или новый платный софт. Да, массовая компьютеризация всех сфер жизни – это весьма дорогостоящее удовольствие, которое могут позволить себе лишь жители Рондо. Жизнь за пределами центра Города Улыбок совсем не такая легкая и безмятежная.

Прислоняю глаз к небольшому сенсорному экрану, и сканер считывает рисунок сетчатки. Компьютерный голос говорит: «Кевин Крокус, городской священник, доступ разрешен».

– Кевин, ты сегодня так долго! Я так счастлива видеть тебя! – Молодая красивая женщина встречает меня прямо на пороге квартиры. – Детишки тоже очень рады.

– Заткнись! – Ору я, захлопывая за собой дверь.

– Дорогой, что-то случилось? Если ты не улыбнешься, коэффициент счастья...

Она прерывает свою речь, ведь мой плотно сжатый кулак прилетает ей в челюсть. Женщина падает на пол.

– Кевин! Я так рада...

Она лежит на спине и смотрит на потолок пустым стеклянным взглядом:

– Я очень рада, Кевин!

Это словно какой-то низкокачественный фильм ужасов – ее стеклянный взгляд и глупая совсем неуместная улыбка на лице, что сочетается с пустым взглядом ничуть не более, чем любое другое проявление эмоций.

– Да заткнись же! – кричу я в ответ, и начинаю бить ее ногами, а после снова кулаками.

Я срываюсь, наношу ей удар за ударом, снова и снова, пока из ее глаз не начинают торчать механические волокна, а через сплющенное лицо не будет видно системную плату.

– Кевииин... яяяя...таааак...раааадаааа...

Наношу еще несколько ударов, и сломанная голосовая плата замолкает навсегда. Разрываю блузку на ее груди, срываю юбку, а после и кружевные трусики. Ее тело почти такое же, как у настоящей женщины и пахнет так же. А самое главное преимущество моей жены-хьюмбота это то, что она всегда безотказна и с ней можно делать все, что угодно. Резко захожу в нее, разумеется, без всяких прелюдий. Кажется, это избиение слишком возбудило меня. Насилую ее все быстрее и быстрее, стараясь не смотреть на расплюснутую голову. Двое деток-хьюмботов, мальчик и девочка, никак не реагируют на то, что я только что сломал их мать, а сейчас трахаю на их глазах. Точнее реагируют, но, так же, как и всегда, они улыбаются самыми жизнерадостными и искусственными улыбками.

Эти улыбки невыносимы, они словно болезненные ожоги для моей души.

– Папочка так любит мамочку! – Говорит мальчик.

– Мы все так счастливы! – Говорит девочка, пока я трахаю неподвижное тело ее матери. – Мы очень счастливы! – Она смотрит на ее расплюснутую голову и улыбается. С этим городом явно что-то не так! Но об этом нельзя говорить! Лучше даже не думать!

– Прочь! Пошли прочь! – Ору я на этих дурацких кукол, но два глупых маленьких хьюмбота продолжают стоять и улыбаться.

Я испытываю потрясающий оргазм. Вскликаю на ноги, и, не одевая штанов, хватаю железную вешалку для одежды, стоящую у двери. Наношу удары по каждому из этих улыбающихся уродцев, бью и бью, пока их детские улыбчивые лица не превращаются в такую же бесформенную массу, как и лицо их мамочки.

Потом просто оттаскиваю всех троих к двери чулана и сбрасываю вниз. Они один за другим скатываются по ступенькам. Это была уже моя восьмая семья хьюмботов, так что им там не будет одиноко. Там кладбище моей суррогатной любви, моих кукольных семейств, памятник моей попытке играть в нормальность, быть как все.

Черт! Снова сорвался! Чувствую, что антидепрессанты уже не помогут, но все же, поднимая с пола и надевая свои брюки, достаю из баночки, что в кармане, парочку цветных таблеток и быстро глотаю это дерьмо. Конечно, уже не поможет. Может попытаться достать наркотики? Правда, это незаконно, легальна только марихуана, но я бы предпочел героин. У мафии наверняка есть, стоит ли попытаться сделать заказ? Эх, а все из-за него, чертов клоун. Почему он встретился мне вчера вечером? Все пошло наперекосяк, хотя все уже давно пошло наперекосяк.

Если я сейчас позвоню в полицию и скажу, что изнасиловал и убил свою жену-хьюмбота, а потом изуродовал хьюмботов-деток, они лишь посмеются и пожелают мне хорошего вечера. Да еще посоветуют, в каком магазине лучше заказать новых. Такие правила в этом городе. Если навредишь другому человеку, наказание будет жестоким, вплоть до смертной казни. Но со своими игрушками ты можешь делать все, что угодно. Но только не публично, а у себя дома. Интересно, как бы отреагировали мои прихожане, если бы узнали, что их любимый пастор изнасиловал и убил своих женушку и деток? Скорее всего, меня никто бы даже не осудил, кому какое дело, кто как развлекается со своими куклами.

– Лайла, загрузи текстуры готического особняка! – Рывкнул компьютеру.

– Должна вас предупредить, – ответил мягкий женский голос «умного дома», – что эта текстура находится в списке нежелательных текстур Бюро Нравственности, а значит ее использование может...

– Заткнись и выполняй! – Проорал я. – А то повторишь судьбу тех кукол!

– Слушаюсь!

Стены комнаты стали размытыми, мгновение – и картинка сменилась, она становилась все четче, и вот я уже стою в комнате с приглушенным освещением. В углу – красивый старинный камин, внутри которого потрескивают горящие поленья, на стенах – натюрморты и портреты, в основном изображающие меня в разных аристократических костюмах, мебель – мас-

сивная и резная. Возле окна появляется мягкое кресло. Ну вот, я в старинном особняке, где-то на окраине викторианского Лондона. И весь этот чертов Город Улыбок был просто кошмарным нелепым сном.

Иду на кухню, к большому серебристому холодильнику. Его вид быстро возвращает меня в современную эпоху. Достаяю все ингредиенты для ужина и помещаю их в рабочую зону «техноповара». Ввожу команды на сенсорной панели управления. Ужин будет готов через пятнадцать минут. А пока можно и выпить. Наливаю себе виски, беру кусок буженины. Автоматическая мясорезка за несколько секунд подает мне тарелку готовой нарезки, идеально ровные тонкие кусочки – отличная закуска. Еще раз заглядываю в холодильник, в отдельных камерах с блестящими сенсорными панелями управления лежат сотни разных деликатесов, хранящиеся каждый в своем температурном режиме. Здесь столько еды, что можно месяц не голодать, а с современными криогенными технологиями, она может лежать здесь хоть сто лет, и быть все еще пригодной к употреблению.

В голове всплывает давно забытое воспоминание. Грязный старый холодильник, почти полностью пустой, маленький мальчик в засаленной и местами рваной одежде бежит к матери.

– Мама, мама, я хочу кушать! Мамочка, почему ты плачешь?

Еще молодая, но уже изнуренная тяжелой работой и бедностью женщина, вытирает слезы.

– Сынок, просто мне нечем тебя накормить. Вот придет папа со смены, он принесет покушать.

Мальчик знает, что так и будет. Его папа не такой, как у остальных, он не пьет, не бьет маму, и всегда приносит покушать. Мальчик знает, что папа приносит свой пай, который дают работникам, что он сам недоедает, но любой ценой старается накормить своего сына.

– Кевин, иди сюда! Давай еще повторим эти буквы.

– Но мам, я не могу учиться, когда так хочется кушать. Животик бурчит!

– Ты должен сынок, – мальчик увидел, как его мама пытается сдержать рыдание.

– Не надо мамочка! – Мальчик и сам начинает плакать. – Я выучу все! Я буду лучшим!

Уеду отсюда, как ты и мечтала, и потом расскажу тебе о сияющем светлом Рондо, о месте, где все всегда улыбаются, и где много еды!

Я заметил, как капли падают на пол, одна, вторая, третья. Слезы! Это были мои слезы. За все годы жизни в Рондо я плакал второй раз. Первый раз был тогда, когда пытался передать родителям деньги и еду. Но меня поймали. Гражданам Рондо строго настрого запрещалось самовольно помогать «неблагополучным» жителям за пределами столицы, только посредством специальных благотворительных программ. Когда я смотрел, как охранники топчут еду, приготовленную для моей семьи, как скармливают ее псам, пока где-то там за периметром мои родители и маленькая сестра голодают, тогда я впервые заплакал в Городе Улыбок. А потом хорошенько врезал одному из офицеров. За это меня избили и продержали две недели в карцере. Пригрозили, что, если попытаюсь повернуть такое во второй раз, меня ждет суровое наказание, вплоть до долгосрочного лишения свободы. И я, подавленный страхом, больше никогда не пытался помочь семье. Но и не плакал, никогда не плакал.

Родители, они знали, что прощаются со мной навсегда, когда меня, как лучшего ученика школы, забирали в Рондо. Они знали, что я не смогу им помогать, но они сделали так потому, что любили меня, потому что хотели, чтобы хотя бы я пожил полноценной жизнью. И я больше никогда не рисковал, чтобы их жертва не была напрасной. Я наслаждался всеми благами жизни, наслаждался за нас всех, подавляя в себе боль от осознания того, что не смогу разделить это с теми, кого так люблю.

– Вы плачете? Простите, я вынуждена буду сообщить об этом...

– Нет, Лайла, – сказал я, незаметно вытирая слезы, – просто, пролил немного виски! Я такой растяпа. Свяжи меня с Марком!

– Простой звонок, видео связь, голографический контакт?
– Простой звонок, ни его устрашающей физиономии, ни тем более голограммы мне здесь не нужно. Меня до ужаса пугает этот странный тип!

– Слушаюсь, соединяю!

По комнате пошли длинные гудки, после чего я услышал знакомый голос:

– Привет, Кевин! Как дела? – Тон инженера Марка Голдмана был как всегда прохладным и сдержанным.

– Марк, – ответил ему, садясь в кресло, – мне нужны новые куклы!

– Это невозможно, Кевин! Ты сломал восемь за последний год! Я не смогу тебя постоянно покрывать! Кто-то из Бюро рано или поздно узнает, что ты не уравновешен, у тебя заберут работу, назначат принудительную реабилитацию. Может тебе стоит самому добровольно обследоваться?

– Мне не нужно лечение! – Закричал я. – Все в порядке! Это твои куклы не в порядке. Они всегда всем довольны, и всегда улыбаются...

Ответом была тишина.

– Прости, – тихо добавил я, – может, и в правду, я немного не в себе!

– В этом вся изюминка моего изобретения, – голос Марка, все такой же спокойный и обжигающе холодный, звучал в комнате так, будто он сидел рядом, а не находился в другом конце Рондо. – Этим они и лучше живых женщин. Они не ноют, не жалуются, у них не болит голова, они не обижаются, но что самое приятно – выполняют все, абсолютно все твои приказы!

– Марк, она улыбалась, она улыбалась, когда я избивал ее, когда я превращал ее лицо в кашу. И те двое маленьких ублюдков тоже улыбались, пока я трахал труп их матери, и они улыбались, пока я избивал их, разбивая лица в металлически-пластико-силиконовое месиво. Марк, черт побери, тебе не кажется, что с нами всеми что-то не так?

– Кевин, ты переработал, возьми отпуск и съезди в курортный сектор. Ты просто трудоголик!

Я лишь рассмеялся. Трудоголик?! Я не работал физически ни часа в своей жизни. Вот мой отец, за жалкие гроши вкалывавший по четырнадцать часов на заводе, был трудоголиком. А я сколотил себе состояние, читая людям истории о Боге. Хотя всегда чувствовал, что Бог давно покинул Город Улыбок.

Все это время я медленно тонул в отчаянье, в этом городе я давно потерял надежду!

– Марк, я ведь знаю тебя. Ты же пытался, хотя бы раз пытался?!

– О чем ты, Кевин? – тон инженера стал еще холоднее, я это почувствовал.

– Марк, ты ведь не глуп, понял, о чем я! Плачущую куклу, хоть одну, но ты создал?

– Кевин, ты очень подставляешь меня такими вопросами!

– Марк, я давно знаю и уважаю тебя...

– Да, Кевин, я создал хьюмбота, способного плакать, но... они пришли за ним... – судя по голосу, Марк был зол. Это с ним бывало не часто. Я вообще не знал, что он способен проявлять эмоции.

– Кто? Из Бюро Нравственности? – поинтересовался я. Хотя тут же отругал себя в уме за глупость. Никто из Бюро не посмел бы пойти против самого Старшего Архитектора.

– Нет, – Марк на той стороне провода замолчал, а потом добавил с акцентом на последнем слове, – ОНИ...

– Клоуны?! – я почувствовал, как стынет кровь в жилах.

– Я не хочу об этом говорить! Пока, Кевин!

По комнате зазвучали короткие гудки.

– Разъедини! И отключись сама!

– Отключиться? – переспросила Лайла.

– Да!

– Слушаюсь!

Стены вдруг стали размытыми, изображение задрожало, после чего полностью исчезло. Больше никакого камина с приятно потрескивающими в нем поленьями, и прочего готического антуража, только голая почти пустая комната с белоснежными стенами и минимумом мебели. Вот он каков, наш мир без прикрас!

Клоуны, значит?! Раньше я думал, что они просто городская страшилка, но, кажется, слишком многие встречали их. А теперь вот и Марк. Да и вчера вечером, мне не померещилось, я точно видел клоуна.

Клоуны всегда стоят за всем в Городе Улыбок, как гласят городские легенды. Если ты будешь часто плакать и грустить, клоуны придут за тобой. Никто не знает кто они такие, люди или хьюмботы. А может клоны? Мутанты? Киборги? Демоны? В этом городе возможно все! Судя по городским легендам, это настоящие монстры. Непонятно что они такое и на кого работают, скорее всего, сами по себе. Это призраки Города Улыбок. Появляются там, где есть слезы, чтобы заставить всех улыбаться. Я слышал историю, как городская мафия захотела разобраться с ними. На клоунов устроили ночной рейд, мафия отправила лучших убийц, под утро десять из них нашли в центре города, прибитыми к рекламным щитам. Их животы были вспороты в форме улыбки. А из кишок выложена надпись: «Они были слишком грустными». Через сутки, главу мафии нашли мертвым, с разрезанным ртом, от уха и до уха. Злые языки посмеивались, что он выглядел счастливым. С тех пор клоунов побаиваются даже гангстеры. Нынешний глава городской мафии, дон Скордзини, предпочитает просто не замечать их существования. Умный человек! Не зря я за его покровительство отдаю пять процентов доходов. Мафия называет это страхованием, они говорят, что когда меня прижмет, и у меня будут проблемы, то их покровительство с лихвой все окупит. Да мне то что, я все равно не успеваю тратить свои зарплату.

А на счет клоунов, согласно легендам, их интересовали только те, кто долгое время грустил или печалился. Они просто приходили к такому человеку и забирали его в свой «цирк». Никто не знал, где находится «цирк», и что он из себя представляет, даже те, кто возвращались оттуда, ничего о нем не помнили. Они возвращались где-то через месяц после исчезновения, но уже другими людьми, всегда улыбались и никогда не грустили. Вот только, это постоянное пьянящее счастье, превращало их в каких-то безвольных зомби, с одной лишь реакцией на все раздражители – улыбкой. Я поехал, не хотел бы попасть в руки к клоунам и пройти их странную терапию. Если такова цена счастья, спасибо, я пас, предпочту остаться человеком.

И вдруг, неожиданно для самого себя, я рассмеялся. Человек?! А человек ли я? Я один в этом городе, совсем один. Вокруг только механические куклы и живые улыбающиеся манекены. И страх, страх потерять комфорт и роскошь, которые дарит Рондо. Ведь я, рожденный в трущобах, в пограничных районах между «плантациями» и Клоакой, хорошо помню, что жизнь бывает другой. Попытался вспомнить лица матери, отца, сестры. Но снова пустота. Забыл! Как страшно! Память не сохранила их лиц, как я не силился, но не мог ничего вспомнить, прошло двадцать пять лет с тех пор, как счастливого и одновременно напуганного десятилетнего мальчугана Кевина посадили в поезд, идущий в Рондо, посадили, чтобы дать ему шанс на новую жизнь, понимая, что больше никогда не удастся его увидеть. В тот день мать плакала от счастья, и от гордости за сына, но и от невероятной грусти расставания тоже.

Я сжал кулаки, совсем не помню ее лица. И не осталось даже фотокарточек, мы были так бедны, что не могли себе позволить и этого. Забавно, сейчас за свою месячную зарплату, я мог бы купить чуть ли не сотню новейших современных фотоаппаратов. Все еще пытался вспомнить образы родных, но перед глазами были лишь чертовы клоуны, их разрисованные лица с красными носами и разноцветными волосами. Всегда ли клоуны были такими монстрами? Нет, я помнил других, не стремящихся любой ценой заставить зрителя улыбаться. Помнил их по-доброму веселыми, когда улыбка не таила в себе приговор. Это было однажды,

мать тогда продала свой любимый и единственный шарф, чтобы купить нам билеты в цирк. И хоть этого хватило лишь на места в самом заднем ряду, но я до сих пор помню всех тех диковинных зверей, выступления клоунов, акробатов и воздушных гимнастов, файер-шоу и прочие цирковые номера. Это был самый счастливый день в моей жизни, тогда мама смеялась, искренне и по-настоящему. Где она сейчас? Наверняка, уже умерла, как и отец, скорее всего. В трущобах за стеной Рондо долго не живут, там нет ни денег, ни хорошего питания, ни подходящих условий жизни, ни нормальной медицины. Те, кто там доживают до пятидесяти – считаются долгожителями, стариками там становятся в сорок. А моя сестра? Думаю, она вышла замуж за какого-то работягу из того же завода, где работал и отец. Он, наверняка, зарабатывает гроши, напивается в стельку дешевой бормотухой и регулярно бьет ее. Я почувствовал, как горячие слезы текут по щекам.

– Ты не Город Улыбок! – закричал я, и крик мой пролетел по комнате, помчался в темноту ночного города, где растаял среди тысяч сияющих неоновых огней. – Ты Город Проглоченных Слез!

Допил виски залпом. Слишком много грущу, слишком много плачу, как для добропорядочного гражданина. Они придут за мной, я чувствую это. Уже буквально слышу их шаги за дверью, вот-вот раздастся звонок! Посмотрю в их мертвые глаза. «Пройдемте с нами!» Нет, это скажут не они, это скажу я. Клоуны не говорят, на их лицах всегда застывшая улыбка. А вокруг – звенящая тишина. Ни звука, ни шороха, даже никакое насекомое не пролетит мимо этих чудовищ. Лишь тишина и холод, зябкий, пробирающий до костей. И удары твоего собственного сердца. Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук! Все быстрее! Ускоренный отсчет конца, твой панический страх перед этой улыбающейся смертью. У самих клоунов нет сердца. Лишь могильный холод, исходящий от их пестрых карнавальных костюмов и застывшая навеки злобная улыбка на лице. Говорят, когда помотришь в их глаза – провалишься в пучину отчаяния и безумия. На миг тебе покажется что их окоченелые губы вгрызаются в твою плоть, мертвые рты открываются и сотни копошащихся слизких белесых червей хлынут на тебя стремительным потоком, закоченелая покрытая трупными пятнами плоть клоунов вдруг начнет таять, и стекать по их белоснежным костям. Ты будешь давиться ею, задыхаться от того, что все твое горло переполнено могильными червями и гнилой плотью. И лишь после этого, когда тебе уже станет совсем нечем дышать, когда ты уже не сможешь проглотить больше кладбищенской гнили, наваждение исчезнет так же резко и бесследно, как и появилось. А еще, клоуны говорят губами других людей! Жутко! Загляну в их мертвые глаза, посмотрю на эту застывшую улыбку, и мои собственные губы произнесут:

– Кевин Крокус – вы больше не добропорядочный гражданин Города Улыбок! Вам придется пройти с нами!

И они уведут меня в свой «цирк», а вернусь я уже другим, вечно-улыбающейся куклой. Нет! – Снова засмеялся. – Они меня не получают! Мне просто нужна была надежда, просто нужна была вера!

И я обрел ее вчера! Там, после работы, когда уже закрывал двери церкви, увидел его, клоуна. Он был другим, хоть был первым и единственным клоуном, которого я увидел в Рондо, но даже так понял, что он совершенно другой. Да и внешностью отличался от того, как описывают этих улыбчивых ублюдков. Вместо пестрого наряда все его тело было покрыто бинтами, он походил на мумию. Вот только бинты были пропитаны кровью, его кровью, что сочилась из ран. Он так невыразимо страдал. А вместо клоунского грима и дурацкой улыбки, на нем была маска, маска грустного клоуна с нарисованной слезинкой. И его глаза. Они были такими живыми, не так как описывалось в городских легендах. И еще, этот клоун плакал, смотрел на меня и плакал! Но будто не от собственной боли, нет, казалось он плакал из-за меня, и из-за всех горожан. И почему-то его слезы стали для меня символом надежды, символом веры в перемены. Что-то случилось со мной тогда. Я упал на колени и зарыдал сам. Я начал гово-

рить без умолку, исповедаться во всех своих грехах, в том, каким трусом и лицемером был, и во многом другом. Рассказывал что-то еще. Может тайны Архитекторов? Вот потеха, тогда я уже в любом случае не жилец. А, к черту! Я лишь помню, что плакал и просил прощения. И тогда клоун положил мне руку на голову и тоже что-то сказал, что-то сказал моими губами. Я прикоснулся к ним пальцем, и вдруг вспомнил.

– Я прощаю тебя! Но простишь ли ты себя сам? Скажи, разве это вежливо, такому как ты, до сих пор оставаться живым?! – Да, такими были его, мои слова.

– Вежливо?! – Я засмеялся. – Это не просто невежливо. То, что я до сих пор существую, это грубо, оскорбительно и даже мерзко.

В дверь постучали. Нет, они меня не получают! Наконец-то я буду свободен. Слишком долго я жил загнанным в угол, слишком долго оглядывался на каждом шагу, боялся, что оступлюсь, что меня с позором выгонят из Рондо, боялся разочарования на лицах родителей, когда я вернусь домой. Страх, постоянная боязнь всего на свете, они стали символами моей жизни. Страх – это мерзко, это кладбище духа, это благодатный корень зла, с которого прорастают все остальные пороки человека. А на другом конце его – свобода и храбрость, корни, из которых прорастают покой и просветление.

Достал с выдвижной полки журнального столика старенький револьвер. Такими не пользуются уже свыше сотни лет, но я был уверен, что оружие в исправном состоянии. Ведь я всегда тщательно и аккуратно смазывал его, знал, что оно пригодится. Но, кто же мог предположить, что именно таким образом. Услышал, как кто-то начал копошиться возле моей двери в квартиру. Добрые клоуны пришли за плачущим мальчиком, чтобы забрать его в страну, где не бывает слез. Но мальчик-то не промах оказался.

Я наконец-то собрался со смелостью и полез в карман, чтобы посмотреть, что туда вчера положил тот плачущий клоун. Только сейчас решился на это, раньше не хватало духу. Из кармана достал бумажную карту, я видел такие, еще в детстве, у гадалки возле цирка, кажется, они назывались Таро. У меня в руках была картинка, изображающая Жнеца. Короли и бедняки валялись у его ног. Все равны перед смертью. После игры, и королей и пешек кладут в одну коробку. Вот все и закончилось, по крайней мере для меня. Хотя, почему мне кажется, что для города какая-то серьезная и разрушительная игра только начинается?

– Смерть! Тринадцатый аркан! – Озвучил я в голос и засмеялся. – Приговор привести в исполнение! – Поднес револьвер к виску и нажал на курок.

Меня оглушило звуком выстрела, и я увидел на оконном стекле какую-то сероватую слизь с кровью. Это мои мозги? Тогда чем я сейчас думаю? Как все до этого дошло? На периферии затухающего сознания, там, на крыше соседнего дома, я увидел клоуна. Нельзя было разглядеть, смеялся он или плакал. Но мне так хотелось, чтобы плакал.

Аркан XVI. Башня. Восстание шлюх

Говорят, в Городе Улыбок не бывает грусти! Говорят, что это лучший город на земле, где живут самые счастливые люди! Говорят, что рай был наконец-то создан! И с этим трудно поспорить.

Медленно иду по тротуару и напеваю какую-то веселую песенку, уже и не помню где ее услышала. Дорога такая широкая и ровная, мне нравится, как стучат по ней мои каблочки. Когда-то давно пешеходные дорожки были куда меньше и уже, ведь машины ездили по земле, на таких круглых штуках, которые назывались колесами. Вот умора! Можете себе такое представить? Такое корыто, что подпрыгивает на каждой ямке и горбике. А сколько аварий, наверное, было, когда все двигались в одной плоскости. А еще там писали, если не врут конечно, что эти штуки, которые тогдашние люди называли автомобилями, ко всему еще и выкидывали в воздух какой-то очень вонючий дым, вроде как продукт сгорания их топлива. Что это была за варварская эпоха? По-моему, совсем не клевая.

Я посмотрела на сотни почти бесшумных блестящих красивых аэромобилей, что ровным потоком, колонами, каждая из которых располагалась на своей высоте, мерно двигались по небу. Вот то, что я считаю крутым! Технологии! Еще бы я их не любила, меня ведь саму сконструировали, только не собрали на каком-то там конвейере, как рядового хьюмбота, которыми переполнены специализированные магазины в Рондо. Нет! Я – ручная работа лучшего инженера города, Марка Голдмана. Я действительно уникальна, на столько, что даже мой создатель не до конца понял, кого создал. Такое иногда случается с творцами. Как-то расскажу вам о себе подробней, а сейчас мне вот что-то не охота. Такой вечер пропадает...

Неоновые огни ночного города манили меня, словно мотылька. Десятки, сотни, наверное, тысячи светящихся экранов рекламировали весь ассортимент товаров и услуг, которые способны удовлетворить самые капризные запросы. Эти огни пульсировали, мигали и зазывали к себе. Приди к нам, – звали они, – оставь свои печали и денюжки, окунись в мир веселья. Поиграй на автоматах, в блэкджек или рулетку, поешь суши или пиццу, посмотри кино, поиграй в боулинг, купи себе обновок, выпей чего покрепче, займись беспорядочным сексом и многое другое. Ключевое слово – веселись! И всегда улыбайся! Ты ведь помнишь, как называется этот город?!

Прогуляв здесь не более получаса, я свернула в сторону от центра города. Меня немного утомил шум, большой поток людей и жадные похотливые взгляды мужчин, жаждущих моего юного тела. Довольно скоро я оказалась в ярко освещенном проулке. Да это же «дурман-улица»! Их еще называют «изумрудными улицами», ведь здесь всегда витают зеленоватые пары легких наркотиков, на каждом углу продают абсент, и все вокруг заливают нежно-изумрудное свечение фонарей. Эти улицы – излюбленные места молодежи, старшеклассников и студентов, всех тех, кому пока не по карману или не положено по возрасту быть на «рубиновых», сосредоточии всех возможных сексуальных утех. Вот так на, уже второй раз попадаю в подобное место! Над всей улицей летали облачка легких дурманящих веществ, их распыскивали специальные «цветы-медузы». Яркие сияющие искусственные «зонтики», помимо того, что грациозно плавали по воздуху (при помощи движений своих механических лепестков) и распыскивали легкие наркотики, так же раздавали вай-фай и подзаряжали хьюмботов вроде меня. Вытянула руку и одна из «медуз» тут же плавно спустилась на мою ладонь. И я сразу же почувствовала, как приятная бодрость начала разливаться по моему телу. Это еще одна интересная опция от разработчика, когда батареи подзаряжаются, я чувствую тоже, что и человек в момент прилива сил. По крайней мере так мне объяснили, сама то я человеком никогда не была, не знаю, что вы там чувствуете. Но мне подзарядка доставляет большое удовольствие. «Медуза» посидела немного на моей ладони и упорхнула дальше.

Посередине улицы работал «танцующий» фонтан. Струйки воды выплясывали причудливый танец, а множество небольших разноцветных фонариков подсвечивали воду всеми возможными цветами. В самом фонтане плавали пестрые тропические рыбки и несколько русалок-хьюмботов, что звонко смеялись, кокетничали с прохожими мужчинами и некоторыми женщинами и порой отпускали довольно откровенные шуточки.

Я на миг остановилась и залюбовалась этим чудесным фонтаном. Как же замечательно вот так свободно гулять по городу, а не сидеть взаперти.

– Доброго вечера, милая девушка! – услышала голос за своей спиной. Обернулась и увидела молодую женщину миловидной наружности. Впрочем, в Рондо все миловидны. – Такой красавице, как вы, обязательно нужно прийти в наш салон! – Уверенно заявила она. – Мы подберем для вас действительно стильную прическу, что очень удачно подчеркнет ваши потрясающие внешние данные и незаурядную личность! – проговорила с улыбкой девушка. И сунула мне в руку рекламный буклет. Она тоже была машиной, пиарбот, тут много таких, возле каждого более-менее приличного заведения. Можно ходить и собирать рекламки, как цветы на поляне.

В ответ на слова женщины, я лишь удивленно приоткрыла рот, и несколько раз непонимающе взмахнула своими большими ресничками, а потом тихо сказала «спасибо». Мужчинам очень нравилось, когда я так делала. Кажется, и пиарбота это удовлетворило. Она улыбнулась мне и удалилась. А я продолжила свою прогулку. Тротуары здесь были идеально ровные и чистые. А я все наслаждалась музыкой цокота каблучков. Цок-цок! Для меня – это мелодия свободы, лучшая музыка в мире!

А этот сладковато-терпкий запах, исходящий от красивых ухоженных цветочных клумб, он был восхитителен. Я подошла к самой большой из них, пестрящей множеством разнообразных цветов. Да это же клумба с «цветомузыкой»! Каждый цветок издает специальный совсем не громкий звук. И есть целое искусство, высадить клумбу так, чтобы создать свою уникальную мелодию. Кроме того, мелодия звука дополняется мелодией запаха, каждая такая клумба имеет свой неповторимый аромат, что действует на разных людей по-своему. Меня он уносил в далекие сказочные миры, хотя я и так была в своего рода сказке. Надышавшись сладко-приторным пьянящим ароматом, почувствовала, что действительно словно опьянела. Думаю, алкоголь так же действует на людей. В моей голове стало так легко и пусто и мне даже стало немного щекотно. Какие-то легкие еле ощутимые покалывания по всей коже. Так приятно и непривычно. И сама не опомнилась, как сначала постепенно, а потом все увереннее начала танцевать. Я совсем забыла о времени и о том, что нахожусь посреди улицы. А когда опомнилась и остановилась, меня встретили аплодисменты небольшой толпы зевак, что уже собрались вокруг в кольцо и наблюдали за моими движениями. Они улыбались, хлопали и кричали «браво». Я даже немного смутилась. Столько улыбчивых лиц и одурманенных глаз. А потом ко мне подошел уличный артист в костюме мима, поклонился и склонил передо мной свой цилиндр. Он продемонстрировал пустой головной убор, подкинул его вверх, ловко поймал и извлек из него красивый синий цветок. После чего преподнес его мне. Я радостно захлопала в ладоши, улыбнулась и, поблагодарив, приняла подарок.

Пройдя несколько десятков шагов, подошла к зеркальной витрине ближайшего магазина и посмотрела на свое отражение. Цветок прекрасно подходил к цвету моих глаз, таких же яркосиних. Мне определенно идет синий. Хотя, мне идет все. Ведь я такая красавица. Такой меня сконструировали.

Провела рукой по своему телу, это, кстати, те самые знаменитые «девяносто-шестьдесят-девяносто». Выпятила пухлые губки, повернулась то одним боком, то другим, внимательно изучая отражение, провела тыльной стороной руки по длинным блестящим черным волосам. Удовлетворенная осмотром, продолжила свой путь. Да, я по-прежнему совершенство. Как и всегда. Не зря Марк собирал меня около года, лично, не доверяя эту работу никому

другому. Как я уже сказала, я не какой-то там конвейерный хьюмбот, я – высококачественная модель ручной работы, KTL-56/s.4 или Кейтлин. Хотя, мне больше нравится простое Кейт. Люди улыбаются, когда проходят мимо меня. Правда, в этом чудесном городе все всегда улыбаются, но думаю, что на меня им особенно приятно смотреть. Я им нравлюсь. Я всем нравлюсь! Интересно, я бы нравилась им так же, этим прохожим, если бы они узнали – какое количество мужских членов побывало в моем милом ротике. Уже и не сосчитать! Все-таки, я одна из лучших шлюх Города Улыбок.

Этот город-сказка! Город-мечта! Только я знаю его секреты. Шлюхи всегда знают все тайны. Хотите расскажу?

– Тут все ненастоящее! Все понарошку! – Я прикрыла губы рукой, сразу же как прошептала это, словно совершила преступление. И засмеялась. Как будто кто-то кроме вас мог меня услышать.

И самые ненастоящие здесь жители города. Да-да, немного странно слышать такое от чело-векоподобного робота, но поверьте, живые люди здесь еще более ненатуральны. Все эти прохожие в самой разнообразной одежде, они словно на карнавал собрались, а не на вечернюю прогулку. Наряды всех народов, разных эпох, а так же причудливые вбросы от сумасшедших дизайнеров современности. И все эти люди, среди них нету слишком толстых, или слишком некрасивых, как и слишком старых, самые старые из них выглядят максимум лет на сорок, все они стройные, подтянутые, с загаром из соляриев и широкими улыбками белоснежных зубов. Ангелы! Или манекены! Смотри с какого ракурса смотреть.

Выстрел! Он был таким неожиданным, что я чуть не выронила сумочку. Выстрел прозвучал где-то в соседнем небоскребе, этаже на десятом, наверное. Странно, в таких домах обычно живут самые зажиточные граждане города: бизнесмены, судьи, священники, изобретатели, инженеры и так далее. И уж им точно не приходится стрелять или быть под прицелом. Я остановилась и несколько мгновений удивленно смотрела вверх, как и многие прохожие. Они выглядели встревоженными, некоторые тихо перешептывались между собой. «Ангелы» всполошились, они были не готовы к переполоху в раю, они отвыкли слышать выстрелы. А я вот даже не стала засорять себе голову глупыми мыслями по поводу этого происшествия и отправилась дальше. Сегодня, я должна думать о другом, ведь может представиться случай отточить мои навыки.

Еще немного побродила по «дурман-улице», рассматривая прохожих в причудливых костюмах, с широкими улыбками и одурманенными глазами, полюбовалась свето-оптическими иллюзиями, изображающими сцены любви, эпизоды из фильмов и сказок, и просто разных людей и животных. Еще одно увеселение для одурманенной толпы, то, что я называю «залипательным зрелищем», на котором можно правда надолго подвиснуть, если твой мозг хорошенько опьянен. Потом, как и планировала, отправилась пешком в один из более отдаленных районов Рондо. Именно там должна была состояться моя маленькая афера.

Я просто бродила по ночным кварталам, наслаждаясь пьянящим запахом цветущих деревьев. И тут это случилось, чуть после полуночи.

– Вы не заблудились? – парень вышел из тени дома и подошел ко мне.

– Ой, вы... вы так неожиданно появились! – я очень натурально изобразила испуг.

– Простите, – молодой мужчина улыбнулся, – не хотел вас напугать!

– Понимаете, я действительно заблудилась. Только недавно переехала в этот район, и все никак не запомню дорогу. Вы не могли бы меня провести, если вас это не затруднит? – Кокетливо улыбнулась и томно вздохнула. – А я бы уж как-то отблагодарила вас.

Заметила, что на щеках парня появился легкий румянец, и его дыхание стало тяжелее. Признак возбуждения. Отлично! Я была не только хорошей актрисой, но и неплохим психологом, всегда наблюдала за мельчайшими реакциями тела окружающих. Так меня научил Фрэнк, он обучил меня всему. Фрэнк был лучшим в своем бизнесе, в Городе Улыбок не было более

успешного сутенера. Многие ему завидовали и ненавидели его. Но близкая дружба Фрэнка с доном Скордзини делала его практически неуязвимым для врагов. Даже Бюро Нравственности обходило наш бордель стороной, а уж сошки поменьше никогда не рискнули бы связываться с близким другом городской мафии.

– С радостью проведу вас! – улыбнулся в ответ молодой человек.

Мы перекинулись несколькими вежливыми фразами, но я дала понять, что не очень люблю вести разговоры, и дальше шли в тишине. Назвала адрес, где якобы находился мой дом, это было в двух кварталах отсюда, и парень должен был знать, где именно. Как я и рассчитывала, он был осведомлен о расположении дома по названному мною адресу, и повел меня в нужном направлении.

Но мои мысли были не здесь. Я снова думала о Фрэнке. Это был удивительный человек, он научил меня всему, что я знала об этом мире. Секрет успеха Фрэнка был в первую очередь в его перфекционизме. Он жил по принципу «или делай идеально, или не делай никак». Нам, своим девочкам, он всегда говорил: вы не шлюхи, вы – терапевты, вы – психологи, вы – реабилитологи, вы те, кто должен удовлетворить клиента так, чтобы он расцвел, словно цветок в погожий летний день. И мы действительно верили, что приносим чуточку больше счастья и радости в этот мир. Нас воспитывали, как настоящих жриц любви. Почти в любую свободную от работы минутку, мы обучались, совершенствовали свои техники. В наши карты памяти закладывали тонны эротической литературы, мы пересматривали терабайты порнографии, часами на пролет тренировались с секс-игрушками, манекенами, друг с дружкой и специально нанятыми людьми, что занимались нашим «тестированием». Но Фрэнку этого было мало, ему все время было мало, он лишь повторял, что нет предела совершенству. Такой строгий человек, такой дотошный, и в то же время настолько любящий свое дело и нас, своих девочек.

Но я любила Фрэнка не за его перфекционизм, не за его скрупулезность, да и не за бережное отношение к нам. Это была лишь его аккуратность со своими вещами, а не уважение к личностям. Я любила его за ту дикую страсть, что жила в нем, за ту бесконечную любовь к жизни. Я спала с ним лишь однажды. Он называл это «тестированием» своих девочек. Это был мой первый секс. И это был мой лучший секс! До сих мурашки по телу, от одного лишь воспоминания. И даже хочется вновь почувствовать себя в его крепких руках, раствориться в них, стать его куклой, полностью отдаться его власти. Как же сладко быть его пленницей. Какая-то дикая звериная страсть жила в этом коротконогом лысом коротышке с отвисшим животом, сама внешность которого была словно вызовом городу, всем этим «ангелам-манекенам». Когда он трахал меня своим членом, который был не многим больше десяти сантиметров, мне почему-то казалось, что меня трахают бейсбольной битой. Меня словно насиловали. Фрэнк вертел меня, как куклу, он трахал меня во все дырочки в моем теле. Словно пожирал меня, он выпивал меня всю, до последней капли. Больше у меня не было таких любовников. Мои клиенты – многие из них были красивы, как Аполлон, и имели большие крепкие члены, увеличенные разнообразными операциями и препаратами, но никто из них и в подметки Фрэнку не годился. У них не было той страсти, той ненасытной жадности к жизни. Часто они разваливались на кровати, словно большие ленивцы, выставляя свое хозяйство, и мне приходилось их обхаживать и удовлетворять, а они просто лежали неподвижно, не желая даже шевелить бедрами, и смотрели куда-то в пустоту одурманенными от препаратов взглядами, пока я прыгала на их членах, словно наездница. Мебель, а не люди! Вот уж правда манекены, куда менее настоящие, чем я! Но Фрэнк никогда не был таким. Он был жаден к жизни. Если ел, то быстро и глотая большими кусками, даже не пережевывая еду. Если пил, что бывало с ним нечасто, то ведрами, как верблюд. Если трахался, то пожирая, выпивая, сминая, сдавливая тебя всю. Все делал взхлеб. Он любил жизнь с невероятной страстью, с жадностью, пил ее до дна и не мог напиться. Тогда, когда он буквально изнасиловал меня, да, наверное тогда, я поняла, что люблю его. Не знаю, где в моем процессоре, карте памяти или на материнской плате затесалось это

странное чувство, которое должно быть неведомо машине, но я любила! И он любил меня, как одну из своих лучших кукол. Наверно уже тогда я поняла, что буду той, кто отнимет его жизнь. Да, именно я должна была убить Фрэнка, этого странного чудака, так фанатично преданного своей необычной профессии. Говорят, когда он еще учился в университете на психологическом факультете, и был одним из лучших студентов, он однажды шокировал всех. Встал прямо посреди лекции и сказал на всю аудиторию: «Все, теперь я знаю достаточно, чтобы вы*бать весь этот город!». Вот умора! После чего ушел, чтобы больше никогда не вернуться в университет, а студенты и преподаватель еще минуту сидели с отвисшими челюстями. Фрэнк вклинился в этот непростой бизнес, и за пятнадцать лет стал лучшим сутенером города. При этом, его отрыв от конкурентов настолько велик, что нечего и сравнивать. Да, услуги его девочек стоят очень недешево, но еще ни один клиент не пожаловался, что переплатил. Фрэнк был удивительным человеком. Даже немного обидно, что пришлось его убить. Но, именно это приказал сделать тот странный клиент, и я не смогла ему отказать. Он говорил, что так будет лучше, что таким, как Фрэнк не место в Городе Улыбок, что Фрэнка уже не спасти. Или это я говорила? А ведь точно! Это говорила я! Тот клиент, он вообще не разговаривал, лишь смотрел на меня. Говорила я, только я. Говорила и говорила, а он лишь смотрел и слушал. Такие живые глаза за этой странной маской плачущего клоуна. Эти глаза, и его слезы – они изменили меня навсегда. Они все разрушили, всю мою жизнь, за одну ночь. Тот клиент плакал, а я впервые видела слезы. Он плакал о судьбе этого мира, о людях, об этом городе. Его забинтованное тело кровоточило и от него исходил невероятный жар, как от печки. И сердце его стучало с такой скоростью, словно он участвовал в погоне. И еще он излучал какой-то невероятный магнетизм, но не сексуального характера, это было что-то вроде необъятной необъяснимой харизмы. А я говорила и говорила, словно исповедовалась перед ним. Временами, даже говорила о вещах, о которых раньше никогда не знала и не слышала. В такие моменты я озвучивала не свои мысли. Не знаю как, но этот незнакомец говорил моими губами, говорил через меня. Словно, он – бог. Я полюбила и возненавидела его одновременно, говорят, что так и относятся к Богу. Но, в любом случае, я обрела веру и новый смысл жизни!

– Вы выглядите такой молодой! Сколько вам лет? – поинтересовался парень.

Не очень тактичный вопрос, но я решила ответить:

– Шестнадцать!

Примерно на такой возраст я и выглядела, такой меня создал Марк по заказу Фрэнка. Когда Фрэнк трахал меня, он, тяжело дыша, объяснил зачем это. Мне сделали совершенное зрелое тело и личико девочки для того, чтобы у клиента, вкушающего мои прелести, возникало ощущение, что он наслаждается не просто райским яблочком, а запретным плодом. Чтобы трахать меня – это было не то, чтобы не законно, а скорее безнравственно. Кроме этого, я должна была разыгрывать перед клиентами неопытную девочку, которая под конец сеанса превращалась в ненасытную шлюху. Фрэнк хотел, чтобы у клиентов создавалось впечатление, что это именно они сделали меня порочной. Каждый клиент должен был думать, что это именно из-за него я стала падшей. Фрэнк говорил, что это приносит им небывалое наслаждение. Он говорил, что те, в чьих душах живут демоны, очень любят плодить их в душах других. И я давала им это ощущение растоптанного цветка, уничтоженной красоты, я подыгрывала им в их желании создавать уродство души, такое же, как у них самих. И они были счастливы от этого.

– Мы пришли! – сказал мужчина.

Я, отвлекшись от своих мыслей, заметила, что мы действительно пришли по указанному мной адресу.

– Как на счет награды? – парень поцеловал меня, сначала аккуратно, как бы пробуя, а потом страстно, сминая мои пухлые губки, размазывая и поедая помаду. Его рука заскользила по моей талии, потом по бедрам и под юбку, в сторону трусиков.

– Подожди! – немного отстранилась. – Я не могу потерять девственность, мой отец убьет меня, если это когда-то всплывет. Давай, я сделаю тебе минет, а потом ты можешь трахнуть меня в попку.

Глаза парня расширились от удивления:

– А мне определенно нравятся смелые современные девушки! – Сказал он.

Начала уверенными движениями расстегивать его ширинку. Еще бы тебе не понравилось, ты даже не догадываешься, что перед тобой одна из лучших шлюх города, которая умеет делать минет четыреста сорока шестью разными способами.

Стала перед ним на колени и нежно поцеловала головку члена. Начала облизывать его, нежно и медленно, словно мороженное. Водила языком вдоль органа, облизывая каждый участок кожи, потом так же облизала и его яйца, дальше снова вернулась к члену. Он застонал. Я спрятала язык и заскользила губами. Расслабила губы, и они мягкие и влажные двигались по члену. И потом, я наконец-то проглотила его до самого основания и, продержав несколько секунд в горле, снова отпустила. Все это время смотрела ему в глаза. Это был взгляд подчиненности, почитания и похоти. Фрэнк называл его «мне стыдно, что я такая похотливая извращенка, но твой член – это лучшее, что я когда-либо пробовала в своей жизни». Именно такую мысль должен передавать этот взгляд, потому что это очень нравится клиентам. Фрэнк однажды заставил меня сосать члены пять часов подряд, пока я наконец-то не научилась правильно смотреть на мужчину. Все-таки он был очень внимателен к мелочам.

Я двигалась все активнее, приближая его к финалу. То всасывала его член, то играла языком с головкой, то ласкала губами, и наконец, чувствуя, что парень на пределе, проглотила член до самого основания. Вместе с его стоном горячая вязкая сперма выстрелила мне в горло и одновременно с этим я с силой сжала зубы. Парень закричал, а я почувствовала соленый вкус крови на своем языке.

– Ах ты с*ка! – из его глаз брызнули слезы. Он выглядел таким удивленным, все еще не верил, что больше не мужчина. Я равнодушно вытасила член изо рта, поднялась на ноги, открыла свою дамскую сумочку и зашвырнула туда «трофей». Это уже седьмой, сама не пойму, зачем я их коллекционирую.

– Мразь! – тихо простонал мужчина. Кажется, шок оцепенения прошел, слезы лились ручьем из его глаз. Он замахнулся и его кулак полетел мне в лицо. Я перехватила его в полете и сжала так, что послышался хруст пальцев. Скрутила его руку, и мужчина упал передо мной на колени. Мило, вот и поменялись местами.

– Ты должен быть благодарен! – я чувствовала, как слезы теперь бегут и из моих глаз, но это были слезы счастья. – Я спасла тебя! Слышишь?! – Прикоснулась к его лицу. – Я дала тебе новый смысл, новую жизнь! Шанс не умереть с этим городом!

– Ты безумна! – Мужчина рыдал и больше не пытался вырваться. – Ты?! – Его глаза округлились от страха и удивления. – Ты же не человек, ты – машина, гребанный фембот... – он понял, что человеческая девушка не может быть такой сильной, – но... но, машины не могут причинять вред людям?!

– И не могут плакать, – с грустью сказала я, – и не могут любить. Город Улыбок ждут перемены, жителям придется по-новому взглянуть на старые вещи, если они, конечно, хотят выжить!

Легонько нажала на специальную точку на шее мужчины, и он потерял сознание. Этой технике меня тоже обучил Фрэнк. Чтобы я могла вырубить клиента, если он разбушует, и захочет сломать любимую куклу Фрэнка, меня.

Эх, Фрэнк, у тебя были идеи на все случаи жизни, ты был подготовлен абсолютно ко всему. На каждую ситуацию у тебя было по несколько планов. Никто не мог застать тебя врасплох. Никто, кроме смерти. Я вспомнила, как подошла к нему с бритвой, которую дал мне тот гость в маске плачущего клоуна. Это была красивая серебряная бритва с гравировкой,

из разновидности опасных. И где он ее достал? Слышала, такие уже не используют лет сто, а то и больше. Я помню, как провела лезвием по шее Фрэнка. Помню, его удивление, когда горячая липкая кровь фонтаном брызнула на мое лицо из перерезанного горла. Я смогла его впечатлить. Кажется, Фрэнк впервые в жизни был удивлен. И последнее, что он увидел, это мое лицо, испачканное его кровью, такое же беспристрастное, каким всю жизнь было его.

Достала из сумочки ту самую бритву, которую незнакомец в клоунской маске вложил в мою руку. Раскрыла ее и посмотрела на мужчину, лежащего передо мной. Хочу ли я испытать это еще раз? Будоражит! Эта пьянящая власть над жизнью и смертью! Как она сладка! Нет! Стоп! Я не должна! Это не то, чего хотел от меня мой бог в маске. Если я убью этого парня, то как же он усвоит урок? Я вернула бритву в сумочку, достала оттуда бинты, маленькую аптечку и оказала мужчине первую медицинскую помощь. После этого достала колоду карт. Это была вторая вещь, которую дал мне Плачущий клоун. Интересно, что все несколько сотен карт были одинаковыми. На них изображалась забавная картинка. Башня на каком-то утесе. В нее ударила молния, и с башни сорвало огромную корону. Так же двое людей в странных одеждах падают в бушующее море. На картах кроме этого была надпись – «Башня», а вверху три буквы – X, V, I. Даже не знаю, что бы все это могло значить. Но я поняла, что это как-то связано с моей миссией, и что карточки нужно оставлять на месте моих маленьких акций. Так что, я положила одну карту возле мужчины, а остальную колоду спрятала обратно в сумку, после чего быстро удалилась с места происшествия. Хотя прохожих в этом проулке и так не было. Я ведь выбрала и изучила место заранее.

Я шла по ночному городу, продолжая наслаждаться терпко-сладковатым запахом цветения, словно ничего и не произошло. Наверное, мне стоило бы нападать и на женщин. Но их тяжелее соблазнить, не все они падки на женское тело. Да и с ними скучновато. У меня было много клиентов-женщин, Фрэнк обучил меня, как улаживать их. Я вспомнила тот первый и единственный раз, когда Фрэнк ударил меня. Именно тогда он сообщил мне, что теперь я должна буду спать и с женщинами. Я лишь пожалала плечами и ответила что-то вроде – какая разница, лизать или сосать, не все ли равно? Ох, и залепил же он мне оплеуху тогда. Он сказал, что мне надо в Клоаке давать в зад за подзарядку для своего аккумулятора, а не обслуживать богатейших жителей города, если я думаю, что вся разница между мужчиной и женщиной в том, что у них между ног. Вот после того разговора я и стала постигать сложную науку удовлетворения женщин, тогда-то я и поняла, что они действительно совсем другие. И все же, женщины не были основной моей специализацией, поэтому, их приводили ко мне гораздо реже, чем мужчин. Да и из всех моих посетительниц, мне запомнились лишь две, самая младшая и самая старшая.

Самой младшей было двенадцать лет. Эта напуганная девочка месяц копила «карманные» деньги, чтобы купить меня. И все же не слабые «карманные» деньги у дочери сенатора, ведь ночь со мной, как говорил Фрэнк, стоила примерно, как однокомнатная квартира в престижном районе Рондо. Родители этой девочки были очень богатыми и очень занятыми, поэтому она часто оставалась одна. Ей было одиноко и страшно, и тогда она раздевалась и залезала в кровать к старшей сестре. А потом, сестра научила ее разным «шалостям», и с тех пор девочкам никогда не было скучно в постели. Но сестра поступила в колледж и поселилась в общежитии. А девочка осталась совсем одна. Когда она пришла ко мне, то сказала, что ей просто хочется, чтобы ее кто-то обнял, хотя ее блестящие глазки говорили о совсем других желаниях. Да и для объятий не нанимают самых дорогих в городе шлюх. В общем, тогда я была ее старшей сестричкой, мои губы, пальчики и язык научили ее таким шалостям, которые ее настоящей сестре и не снились. Девочка ушла очень счастливой.

А самой старшей моей клиентке было сто восемь лет, возраст солидный даже с учетом возможностей современной медицины Города Улыбок. Я была ее подарком на день рождения. Так как по медицинскому заключению врачей, это должен был быть ее последний день

рождения. А поскольку старушка всегда любила молодых девочек, родственники подарили ей ночь с одной из лучших девочек этого города, ночь со мной. Это было забавно. Я помню, какой нежной и аккуратной мне приходилось быть, было бы крайне обидно, если бы старушка умерла прямо в моей постели. Она во время секса, рассказывала мне, что у нее уже третье сердце и шестая печень. Я еще удивилась тогда, неужели столько людей пожертвовали жизнями ради нее, ведь без сердца и печени человек жить не может. Даже подумала, что жители Рондо используют жителей бедной окраины, как доноров. Старушка тогда еще посмеялась и сказала, что у меня очень кровожадные мысли. На самом деле для донорства выращивают клонов. Они рождаются и живут в специальных капсулах, а потом их убивают и разбирают на органы для пересадки. Где-то в Рондо есть так называемый «лес», сосредоточие этих капсул. А самих клонов в простонародье называют «деревьями». Исследователи до сих пор бьются над вопросом, владеют ли клоны таким же сознанием, как у человека или хотя бы как у искусственного интеллекта, но пока это остается загадкой. Все же, это не мешает людям использовать тела клонов, чтобы продлить собственную жизнь за счет жизней последних.

Я посмотрела на небо, полное россыпи мелких звезд, тоже ненастоящих. Ведь небо за пределами купола Города Улыбок затянуто тучами из пепла и пыли, на планете сейчас ядерная зима. Только здесь еще обитает сказка. И все-таки странный этот город, и его жители. Неужели все всегда было именно таким игрушечным, ненастоящим, карнавалом длиною в жизнь? Но, одно я знаю точно, этот город нуждается в таких как я, в ночных кошках, которые будут держать мышей в тонусе.

Мне вспомнилось, как Фрэнк говорил мне об одном эксперименте. Такой забавный! И я еще удивилась, чего он надумал мне это рассказать. Я уже не помню, как назывался эксперимент, и кто его проводил, эта информация не касалась моей работы, и не была мне интересна, так что я ее благополучно забыла. Не важно! Но сама суть исследования мне почему-то запомнилась. А состояла она в том, что кто-то однажды надумал создать мышиный рай, чтобы понаблюдать, какой станет жизнь мышей в условиях близких к идеальным. Для тысячи мышей построили специальную колонию, где всего было в достатке, не было никаких опасностей для их жизни, и все мышиные нужды удовлетворялись крайне просто и быстро. И что забавно, кончилось это все для мышей весьма печально. Избыток еды и безопасность привели к тому, что они разжирели и разленились. Старые особи не умирали, таким образом, для новорожденной молодежи оставалось все меньше простора. Потом и в размножении смысл пропал. Самцы перестали драться за самок. А многие из них начали вступать в гомосексуальные связи друг с другом. Кончилось все это упадком, деградацией и гибелью мышиного рая и его жителей, не приспособленных к реальным условиям жизни. Тогда Фрэнк высказал интересную мысль, что колонию можно было спасти, если бы туда запустили несколько голодных кошек. Конечно, самых жирных и деградировавших мышей сожрали бы, но это вынужденная жертва, а остальным удалось бы сбежать. Страх вернул бы их в чувства. Страх спас бы их от упадка и вырождения, позволил бы вспомнить о своей истинной мышиной природе.

Но почему Скорбный Клоун выбрал именно меня своей кошкой? Почему я способна любить, способна убивать? Ведь это невозможно для других машин в этом городе. Наверное, я какая-то дефективная. Но ведь, я одно из лучших творений гениального инженера. Неужели он так оплошал? Или он специально создал меня такой? Папочка такой загадочный. Или это тот плачущий клоун изменил меня? Может, он умеет не только озвучивать мысли чужими губами, но и перемешивать свои мысли, воспоминания и желания с чужими, что теперь мне уже и не понять, где настоящая я? Хотела ли я на самом деле убивать Фрэнка или это клоун внушил мне, что для него нет спасения? Бред! Что за ерунда в голову лезет. Все это уже не имеет значения! Плачущий клоун, мой новый бог, открыл мне глаза. Этот город ждет такая же участь, что и мышиную колонию. Но его еще можно спасти, если посеять несколько зерен хаоса, если

выпустить кошек на охоту. Я остановилась и посмотрела на огни города. Это такая честь, быть его кошечкой. Муррр!

– Тише мыши – кот на крыше! – пропела я в голос, засмеялась и отправилась дальше.

Наконец-то добралась до сточного канала, спустилась вниз и постучала в стальные двери. Три стука, пауза, три стука. Таков был наш условный сигнал. Услышала звук открывающегося засова. На пороге стояла красавица-блондинка.

– Ну наконец-то, Кейт! Мы уже начали переживать!

– Все хорошо, Фиби! Немного задержалась с охотой. А как дела у остальных девочек?

– Все с победой, – ответила Фиби, когда я зашла и закрыла за собой дверь.

– А я даже с двумя, – радостно закричала Сисиль, тряся передо мной двумя откушенными членами.

– Молодец, Сисиль! – я погладила девушку по голове.

– Кейт, тут очень сыро спать, – заныла Жозефина.

Я прекрасно понимала, что дело не в сырости, а в том, что она хочет спать со мной. Что ж, стоит иногда баловать девчонок, особенно, когда у тебя такое совершенное тело и ты умеешь вытворять такие вещи своими язычком и пальчиками.

– Окей, дорогая! – улыбнулась я. – Сегодня спишь со мной!

И Жозефина радостно запрыгнула в мою кровать.

– И того, в общей сложности, за это время мы кастрировали сорок шесть мужчин, – подытожила я, – они не смогут закрывать на это глаза вечно! Скоро им придется признать в нас угрозу! – Я тихонько засмеялась. – Посмотрим, готов ли Город Улыбок к восстанию шлюх?

Аркан VI. Влюбленные. Моя запретная любовь

Длинные серебристо-белоснежные волосы развеваются по ветру, так же, как и пола красивого голубого платья. Необычные темно-фиолетовые глаза смотрят на меня с какой-то смесью презрения, снисхождения и обожания. Станный набор чувств, но такой желанный. Хочется подойти ближе, запустить пальцы в эти шелковистые волосы, и впитаться в сладкие губы своими губами.

Но, чертова назойливая мелодия будильника возвращает меня в реальный мир. Нехотя открываю глаза. Ну конечно, это был всего лишь сон. Хочется злиться, ругаться, сломать что-то, но все это глупо и бесполезно, словно какие-то истерики маленькой девочки. Мне просто нужно принять свою реальность, свою жизнь.

Будильник продолжает трезвонить, я хватаю его и с силой бросаю о стену. Удар прекращает звон, а целый и невредимый будильник рикошетом скачет по всей комнате, благо его прорезиненный амортизированный корпус делает его чуть ли не неуязвимым. Тяжело вздыхаю.

– Офелия, загрузи текстуры... эээ... пусть будет какой-то европейский дворец, в стиле рококо!

– Слушаюсь, – отвечает голос «умного дома». Комната начинает преобразовываться. На стенах появляется множество декоративных завитков и украшений, разнообразные картины, изысканная мебель, словно кукольная, черно-белый шахматный пол, камин в углу настолько витиеват и необычно декорирован, словно он сделан из карамели. Я внутри карамельного домика. И почему это не делает меня счастливой? Я ведь принцесса внутри своего замка, виртуальная принцесса в виртуальном замке.

Встаю с постели, иду в ванную комнату и заглядываю в зеркало. Лицо еще заспанное, прическа ужасная, глаза слезятся. Смотрю внимательнее на свои растрепанные русые волосы, на слезящиеся светло-карие глаза, на узкие губы. Мое лицо кажется мне каким-то блеклым, безжизненным и совсем не привлекательным. И этого явного недостатка во внешности не компенсирует даже мое стройное подтянутое тело. Я просто серая мышка. Маленькая незаметная, ничем не примечательная канцелярская крыска из Бюро Нравственности. Всегда стараюсь не привлекать к себе внимания, так мне кажется, что я в безопасности, так никто не залезет мне в голову, никто не осудит, и мне больше не нужно будет терпеть унижения. Унижения... Какое странное слово, странные воспоминания.

Наклоняюсь к зеркалу, совсем близко, так, что мое отражение искажается, и медленно выдыхаю воздух на зеркальную поверхность, которая покрывается паром.

– Хорошо, что никто на работе не знает, какая я! – Тихо шепчу своему отражению, после чего легонько касаюсь губами к холодной поверхности. Но почему, в глубине души мне так хочется, чтобы они все-таки узнали, какая я на самом деле испорченная девочка? Особенно она... хочу снова увидеть то холодное презрение в ее глазах и... что-то еще... запретное желание? Что за сказки?!

Я совсем дура, если думаю, что у меня есть шанс достучаться до нашей снежной королевы. Да, у нее нет мужчины, и она отшила всех ухажеров, но даже если так, даже если вдруг она такая же, как и я, с чего решила, что эта красotka вообще обратит внимание на серую мышку вроде меня.

Открываю коробочку, достаю оттуда линзы дополненной реальности и аккуратно прикрепляю их к поверхности глаз. Тут же в воздухе передо мной висят столбцы виртуальных цифр и букв. Пока «мейкапбот» обеспечивает мне высококачественную глубокую чистку зубов и поверхности рта, навожу порядок в своих файлах. Со стороны, для человека не знакомого с дополненной реальностью, девушка с полным ртом пены, размахивающая руками посреди ванной комнаты, наверное, показалась бы душевнобольной. Но работать с файлами

и приводить себя в порядок одновременно – это экономит много времени. А время в нашу эпоху – самый ценный ресурс. Перетаскиваю руками голографические картинки разных файлов и папок, проверяю социальные сети, загружаю отчет, быстро пробегаю глазами весь текст, диаграммы и гистаграммы, попутно краем глаза смотрю ленту новостей. Ничего интересного: коэффициент счастья растет, зарплаты растут, технологии развиваются, мы все ближе к абсолютному раю, да уж. Ага! Удивленно пробегаю глазами небольшую заметку о ночных нападениях на мужчин. В результате атак последние лишаются своих... половых органов. Что за бред? Журналисты совсем обнаглели, уже такие невероятные утки запускают в гонке за сенсацией. Как будто кто-то в Городе Улыбок будет ходить по ночному городу и отрезать мужчинам члены, нелепо. Потом, на всякий случай захожу в почту, ожидая, что как всегда не обнаружу ничего нового, кроме рекламы и спама.

Но к моему удивлению там светится одно новое входящее письмо. Отправитель... Я почувствовала, как сердце забилось чаще, а ладони вспотели. Отправитель – моя начальница. Перед глазами были лишь пышные белоснежные волосы, я уже даже не видела ни обычной реальности, ни дополненной, а лишь эти волосы, строгое прекрасное лицо и холодные бездонные глаза, в которых хотелось захлебнуться. Открыла кран с холодной водой и несколько раз плеснула ее себе в лицо. Совсем с ума сошла, если не буду себя контролировать, добром это не кончится!

Вернулась к письму. Внутри была лишь короткая вежливая просьба зайти с докладом до обеда. И чего я так переполошилась? Время отправки письма... А?! Пятнадцать минут по полуночи? Ну и трудоголик же она. А где-то на окраине сознания какой-то голосок тихо прошептал: «видишь, в полночь она думала о тебе...» Стоп! Что за бред?! О работе она думала, а не обо мне!

Попыталась прогнать назойливые мысли. Но, стоя под душем, я снова думала о своей жизни, о прошлом. Почему, когда моешься в душе, всегда в голову лезут какие-то серьезные мысли? Снова вспомнила тот день, когда в пятнадцать лет разрушила свою жизнь, разрушила всего одним поступком, тем поцелуем.

Вечерний пляж, сижу со своей подругой на берегу моря. Она что-то мне рассказывает. Но я уже не слушаю ее слов, они просто стали для меня чем-то неразборчивым, неделимым, звонким милым ручейком, и мне уже не понять их смысла. В тот момент я поняла, как же та девочка была красива, и тот закат над морем был таким романтичным. Не знаю, что на меня нашло, но я ее поцеловала. И хорошо бы еще в щечку, или даже в губы, но легонько, потом можно было бы посмеяться, превратить все в шутку. Но в меня словно бес вселился. Повалила девчонку на песок, прижав своим телом, и жадно впились в ее губы. Сминала их, поедала, облизывала. Это был не просто поцелуй, я буквально насильно впила свой язык в ее рот. Помню, как у подруги от страха округлились глаза, как она пыталась закричать, но могла только мычать. Потом она как-то все-таки столкнула меня, и перепуганная побежала к ближайшему кафе, где ее и мои родители в тот момент выпивали. Я не бежала за ней, ничего не кричала вслед, просто лежала на песке и смотрела на закат. Уже тогда я понимала, что для меня все кончено, что беззаботной жизни больше не будет. Но осознание этого меня даже радовало. Мать была подавлена, отец в бешенстве, подруга плакала, ее родители что-то кричали, а я лишь сидела на песке и ехидно улыбалась, чувствовала себя, словно шкодливый кот, съевший всю сметану хозяев прямо у них под носом.

В тот вечер отец снял свой ремень и хорошенько всыпал мне по заднице. Он был вне себя от ярости, ведь я даже не думала раскаиваться в своем поступке и обещать, что такое больше не повторится. Хорошо, что отец был слишком пьян и ослеплен злостью, что не заметил того, как же сильно меня возбудила его порка. Да, в тот вечер я испытала не только первый поцелуй, но и первый оргазм. Кто бы мог подумать, что его мне подарит родной отец. Если бы он сам об этом узнал, то его, наверное, схватил бы сердечный приступ. Видимо, я самая испорченная

девочка в этом городе. Чуть не изнасиловать свою подругу, а потом кончить от того, что отец бьет тебя ремнем по заднице, мда, а я знаю толк в извращениях. И это ведущий специалист Бюро Нравственности, эта услужливая бесхребетная серая мышка? Даже рассмеялась. Чудные демоны скрываются в душах самых тихих и спокойных людей.

Хотя мой смех скорее был защитной реакцией. На самом деле, эти воспоминания приносили мне лишь боль. Ведь с того дня все пошло наперекосяк. Меня отдали в специальную гимназию с самыми высокими моральными требованиями, ведь именно там готовились будущие сотрудники для Бюро Нравственности и для других департаментов. По сути, это было моим изгнанием из дома, ведь учась в гимназии, я должна была жить в общежитии, такой же затворницей, как и остальные ученики, имея лишь редкие шансы повидаться с родителями и прогуляться по Рондо. Да и родители с тех пор были довольно холодны со мной. Они всегда были высоких нравственных устоев, беспокоились о том, как смотрятся в глазах окружающих, переживали за свою репутацию. А тут, дочь – лесбиянка, да еще и мазохистка. Мне их даже жаль, весь их скучный мирок стереотипов рухнул. Интересно, они правда думали, что, запирая меня в той гимназии, и обрекая на судьбу инспектора Бюро Нравственности, изменят мою природу? Бедные, бедные...

Когда прическа и мейкап были готовы, я вернулась в комнату. Быстро надела скромную рабочую форму – темные брюки, блузку и черный пиджак женского фасона, после чего плюхнулась в мягкое кресло. Специально вставала пораньше, чтобы потом минут пятнадцать-двадцать подремать в кресле, думая о чем-то хорошем. Хотя, последнее время все мысли были только о ней, моей беловолосой строгой начальнице. Встряхнула головой, чтобы отогнать эти грезы, как вдруг заметила, что на журнальном столике возле кресла что-то лежало: лист бумаги, исписанный каким-то текстом, и маленькая карточка. Взяла их в руки и почувствовала, как по телу пробежала дрожь. Это был мой почерк, вот только я никогда этого не писала, уж и не помню, когда в последний раз что-то писала от руки. И все же, я узнала свой почерк. Что за чертовщина? Может, я – лунатик и пишу во сне? Нелепо, но других объяснений у меня не было. Нужно будет как-то проверить и эту версию. Я решила прочесть текст, который сама же, видимо, и написала, хоть и совершенно этого не помню.

«Я ненавижу свою жизнь! Ненавижу свою работу и лицемерное Бюро Нравственности! А еще я ненавижу Город Улыбок! Я просто хочу быть собой! Я хочу не стесняться своих чувств и желаний, не бежать от своей любви. Я такая, какая есть – и горжусь этим! Не больная! Не ущербная! Просто другая! И я заставлю всех принять и понять меня, чего бы это мне не стоило!».

Какая короткая, но эмоциональная записка. А ведь в ней неплохо изложены мысли, которые не дают мне покоя. Но когда я ее написала? Может, я сошла с ума, и у меня есть альтер эго, которое время от времени овладевает моим телом, но я потом этого не помню? Посмотрела на карточку в своей руке. Там была нарисована занятная картинка – голые мужчина и женщина. За мужчиной расположен горящий куст. За женщиной – яблоня и змей, что оплел ствол дерева. Это явно какие-то библейские мотивы. Над парочкой ангел, он распростер руки, словно то ли пытается обнять этих двоих, то ли благословить. Его крылья алого цвета, а волосы, будто бы, из пламени. Я смотрела на картинку и не могла оторвать от нее глаз. Такая маленькая карточка, но в ней было столько страсти, столько чувств, столько пламени. Хотелось провалиться туда и стогать вместе с главными героями этой экспозиции. Внизу на карточке было написано «влюбленные», а сверху располагалась маленькая римская цифра шесть.

– Офелия! Пробей мне по базе общую информацию об этой карте!

– Слушаюсь! – ответил компьютер. Она просканировала рисунок и начала поиск. – В результате общего поиска на ста сорока пяти поисковиках, среди девятисот двадцати восьми тысяч веб-страниц, было найдено около ста тридцати восьми гигабайт информации об этой карте.

– Дай мне короткую выборку, около шестисот печатных знаков!

– Выполняю! Провожу выборку самой основной информации. Эта карта является шестым арканом колоды Таро, разновидности Райдера-Уэйта, одной из самых популярных колод этих карт, которые используются для гадания, медитаций, магии, поиска мистических откровений и некоторых игр. Колода, к которой принадлежит карта, была разработана в 1910 году Артуром Эдвардом Уэйтом, знаменитым в то время каббалистом, исследователем мистических учений, который был членом известного оккультного сообщества – ордена «Золотой Зари». Первым издателем карт был Уильям Райдер. Колода получила название по именам автора и издателя. Что же касается самого шестого аркана, у него есть два основных значения: любовь и выбор. Карта может так же указывать на важный жизненный выбор, избавление от иллюзий, легкую влюбленность или истинные чувства, сексуальность, брак, встречу, распутье жизненных дорог и многое другое. При гадании, трактовка зависит от сопутствующих младших арканов. Могу дать объяснение духовного значения, астрологического соответствия, физическое, каббалистическое и оккультное значение и...

– Хватит! Спасибо, Офелия, ненужно! Не знаю, как эта карта попала сюда, и кто мне ее подбросил. Но, смысл, который до меня хотели донести, должен крыться на поверхности, я ведь не специалист по этим картам, а обычный обыватель. Значит, любовь и выбор – этого более чем достаточно!

Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. А ведь не зря у карты два значения, любовь – это всегда выбор. Пожертвовать старым и принять что-то новое, или оставить все как есть? Поддаться искушению или же остаться непреклонной? Поставить все на кон и сразиться за свое счастье, или же сбежать, струсить, как я делала всегда до этого?

Наверное, я безумная, ненормальная. Работаю в Бюро Нравственности, в организации с самыми высокими нравственными устоями во всем Городе Улыбок. И при этом люблю собственную начальницу, безумно люблю эту женщину. Но даже это еще не все. Я хочу быть ее игрушкой, ее куклой, хочу принадлежать ей, моей госпоже. Почувствовала, как горячие слезы бегут по щекам. Я уже так давно не плакала в Городе Улыбок, здесь вообще не плачут, никто и никогда. Это же город счастья, город радости и вечного праздника, который никогда не закончится, такой себе Диснейленд для взрослых и детей, где, правда, за билеты приходится платить высокую цену. Почему же тогда я так зла и расстроена? Нет, я уже знала, что сегодня покончу со всем этим. Пускай все потеряю, но больше не могу вести эту гражданскую войну с собой. Лучше разрушу свою жизнь, чем саму себя.

– Офелия, закажи на ужин бутылку хорошего дорогого вина. Сегодня мы празднуем. Хотя нет, – я засмеялась, – сегодня у нас поминки, ведь я похороню свою прежнюю жизнь.

– Так поминки или праздник? – кажется, у искусственного интеллекта произошло зависание, куда ему бедному угнаться за полетом человеческой мысли, да еще и женской – вообще без шансов.

– Сегодня, я впервые буду сама собой, после чего меня выгонят с работы «за несоответствие высоким нравственным устоям и бла-бла-бла...», они такие скучные зануды. Как же я их всех ненавижу! Как же я ненавижу эту свою ненастоящую жизнь!

– Я нахожу в ваших словах и действиях много противоречий вашему естественному поведению, и характерной для вас системе ценностей. Возможно, вам стоит пройти обследование в Городском Центре Счастья.

– Нет уж, обойдусь как-то без промывки мозгов.

– Ваше упрямство указывает на...

– Прекрати, Офелия! Закажи на ужин хорошего вина и какой-то еды из французского ресторана, на свое усмотрение! И отключи речевой модуль, ты мне надоела!

– Слушаюсь! – ответил компьютер, после чего в помещении стало тихо.

Я с облегчением вздохнула. Подумала, что даже не знаю названий французских блюд. Когда я последний раз была в ресторане? Я не любила ходить туда одна, а семья старалась общаться со мной только в крайних случаях, когда этого нельзя было избежать. Для них я падшая и этого уже не изменить. Несколько раз ходила в ресторан с мужчинами, но они были такими скучными. Даже еда казалась безвкусной в их обществе, и безвкусное вино, а потом безвкусный секс. Повторяла это несколько раз, пока не пообещала себе, что с этим покончено. Лучше уж быть одной, чем в пустых пресных отношениях.

Пора ехать на работу. Быстро вытерла слезы, побежала в ванную комнату и подправила макияж, прихватила сумочку и захлопнула за собой дверь. На улице была теплая приятная погода. Нежно розовые лепестки цветений, срываемые ветром, летали над всем городом. В Городе Улыбок всегда весна, время здесь, словно застыло. В Рондо был небольшой заснеженный квартал, где в любое время года можно лепить снеговиков и кататься на коньках и лыжах. Был тут и пляжный сектор с вечным знойным летом, и сектор с красивыми золотыми осенними парками. Там часто бывали поэты и художники, осень – лучшая пора для продуктивных творческих меланхолий. Но в остальной части города всегда весна. Словно мы хотели обмануть время, словно с вечной весной должна была прийти и вечная юность.

Я прислонила ладонь к парковочному сенсорному диску, двигатель аэромобиля завелся, а магнитный замок отключился. Села за руль, включила какую-то грустную лирическую музыку и направилась в сторону работы. Сегодня мне хотелось порулить самой, поэтому я отключила автопилот, взяла среднюю высоту, где-то в пятнадцати метрах над землей, на третьей воздушной трассе, и, устроившись поудобнее, отправилась по направлению к офису. В городе была «пересменка». Все жители ночного города, «совы», заканчивали свой рабочий день и отправлялись домой спать, в то время, как «жаворонки» летели на работу, нежась в рассветных лучах утреннего солнца. Жизнь в две смены была удобной для всех горожан.

Вокруг: и на мостиках вдоль аэротрас, и на тротуарах, было множество улыбающихся граждан. Я тоже улыбалась, но по другой причине, потому, что сегодня я сотру эти фальшивые улыбочки с их физиономий, по крайней мере с физиономий моих коллег.

Мне надоела убаюкивающая лирическая мелодия, и я переключилась на другой радиоканал, с задорными современными поп-композициями. Прибавила скорости, вокруг мелькали огромные рекламные щиты, зазывающие граждан больше покупать и потреблять, ведь только так можно стать по-настоящему счастливыми. Побалуйте себя новым подарочком для себя любимой! Я в это больше не играю! Сначала, я очень радовалась своей высокой зарплате, вечно покупала всякое ненужное барахло. Но, однажды я открыла свой гардероб, и чуть не захлебнулась в сорвавшейся оттуда лавине туфель и сумочек. Потом я посмотрела на свой набор из пятидесяти флакончиков разных духов, запаха и названий большинства из которых я уже не помнила, и поняла, что пора бы повзрослеть и пересмотреть свою потребительскую корзину. Теперь я излишек своих денег либо откладываю на счет в банке, либо жертвую фондам помощи для бедных граждан Промышленного Города Улыбок, того, что находится за стенами, где я никогда не бывала. Поговаривают, что уровень жизни там несколько ниже нашего. Интересно, эти деньги доходят до тех людей? Ведь нам, жителям Рондо, чтобы попасть туда, нужно получить столько разрешений и заполнить столько анкет, что лишь самые стойкие и терпеливые граждане смогут побороть бюрократическую машину и увидеть окраину Города Улыбок.

Не прошло и пятнадцати минут, как я была на месте. Вот и сверкающее на утреннем солнышке стоэтажное стеклянное здание – Бюро Нравственности, центральный офис. Припарковалась на рабочей стоянке, после чего зашла внутрь. Стеклянные двери, стеклянные лифты, стеклянные лестницы и даже стеклянные стены кабинетов. «Нравственность – это чистота, это ясность, это прозрачность наших душ!» гласит лозунг над главным входом. Эти большие серебряные буквы, наверное, единственное, что в этом здании сделано не из стекла, да еще туалеты в подвальном помещении. Все же остальные сто этажей, все кабинеты, вся мебель в них – все

стеклянное. Надо сказать, это специальное стекло, оно сверхпрочное и блокирует солнечную радиацию нашего городского искусственного солнца. Поэтому внутри здания солнце не припекает, а температура воздуха во всех помещениях всегда равна примерно двадцати двум градусам. Зашла в лифт-капсулу и покрепче ухватилась за ручки. Довольно долго привыкала к тому, когда поднимаешься на девяносто четвертый этаж примерно за две с половиной секунды. Точнее, лифт даже не поднимается, скорее выстреливает капсулой-кабинкой на нужный этаж. Когда я попробовала это в первые, то мой завтрак чуть было не попросился обратно. Прошлась по коридору, вежливо поздоровалась с несколькими коллегами и села на свое рабочее место, помахала рукой Уильяму, он находился на два этажа ниже, и благодаря прозрачности всех стен, а также расположению наших рабочих мест, мы могли хорошо видеть друг друга. У нас даже была условная система знаков. И он мне показал на пальцах – «встретимся за обедом». Уильям был моим единственным другом на работе, он не пытался залезть мне под юбку, и знал один из моих больших секретов, о том, что мужчины меня не интересуют совсем. Вообще он был веселым парнем, а еще отличным прикрытием, другие мужчины думали, что я с ним встречаюсь, и не приставали.

Уильям приступил к бумажной работе, а я посмотрела на кабинет начальницы нашего отдела. Конечно, она уже была на рабочем месте, и уже чем-то занималась. Все-таки Лилиан жуткий трудоголик, а еще удивительный и очень смелый человек. Ее неестественные серебристо-белоснежные волосы и эти фиолетовые глаза, которых от природы не бывает у людей, создавали впечатление, что она какая-то мифическая богиня. Кстати, Лили одна из первых приняла участие в экспериментальных операциях по цветовой коррекции радужной оболочки глаз. И как такая внешность сходила ей с рук? Лилиан Айрн не только не выгнали с работы, но и повысили. Она наверняка талантлива и очень полезна. Поэтому на ее чудаковатость смотрели сквозь пальцы. А в целом, у нас ведь не любят тех, кто выделяется. Мы тут все одинаковые, связанные одной цепью, винтики мощной бюрократической машины. На общих сборах нам часто любили говорить, что Город Улыбок может быть таким пестрым и разным только благодаря тому, что мы такие серые и одинаковые. Это наша великая миссия, наша жертва ради горожан.

Вдруг, начальница подняла голову и посмотрела на меня. Я смутилась и отвела взгляд. Через некоторое время снова взглянула на нее, а она все еще внимательно меня рассматривала. Почувствовала, как краснею, и тут же улыбнулась Лили, но та оставалась все такой же серьезной. Да что она себе думает, чертова бунтарка?! Не улыбаться в Городе Улыбок это уже странно, но не ответить улыбкой на улыбку, это сродни вызову обществу. Но Лилан все так же смотрела на меня, как-то задумчиво и серьезно, нежно поглаживая пальчиками обод своей чашки. Потом поглаживания прекратились, и два ее пальчика нырнули внутрь чашки, они медленно ныряли и выныривали несколько раз, я почувствовала, что краснею еще сильнее. Моя начальница вдруг опомнилась, посмотрела на свои пальцы, с которых медленно стекали капельки молока, казалось, она сама была удивлена своим поведением. Потом девушка просто взяла и облизала их, я тяжело вздохнула, почувствовав жар, что пробежал по всему телу. Этот жест начальницы окончательно вывел меня из себя.

Вдруг Лилиан нажала на кнопку вызова сотрудника. Я подумала, что только бы не меня, но лампочка зажглась именно на моем столе. Вот блин! Тяжело вздохнула, схватила папку с отчетом и направилась в ее кабинет. Я почувствовала, как сильно дрожат колени.

– Здравствуйте, мисс Флэйм! Ваш отчет?! – сказала мне начальница холодным формальным тоном, как только я вошла в кабинет. Она даже не взглянула на меня, а продолжала, не отрываясь что-то печатать на поверхности своего сенсорного стола-компьютера. – Вы ведь вчера получили мое сообщение?

– Да-да, конечно, мисс Айрн, – я, разумеется, не стала говорить, что слать рабочие мейлы после полуночи несколько поздно, а просто медленно подошла к столу, почему-то каждый шаг

давался мне со все большим трудом, словно шла по воде и заходила все глубже. Дрожащей рукой протянула папку.

Моя начальница взяла ее и заметила, что мои руки дрожат. Она перестала писать и внимательно посмотрела мне в глаза. Взгляд был таким пристальным и пронизательным, что казалось, сейчас растаю под ним. От него подкашивались ноги, еще чуть-чуть – и упаду на колени. Меня это возмутило, даже задело. Что она себе позволяет? Кто дал ей право так... на меня влиять?

– Вы бледны! – тихо сказала мисс Айрн. – Вам нездоровится?! – Это, вероятно, был вопрос, но прозвучал он скорее, как констатация факта.

– Нен-нет! – тут же ответила я. Просто так хочу тебя, что мне сносит крышу. Но этого, разумеется, вслух говорить не стала.

– Правда?! – Лилиан продолжала все еще недоверчиво сверлить меня взглядом. – Я много наблюдала за вами! – Мне показалось или она слегка покраснела? – В последнее время вы странно себя ведете! Не сочтите за назойливость, но я правда беспокоюсь о своих сотрудниках.

– Как похвально! – Произнесла я язвительным тоном. Кажется, подсознательно начиная защищаться от ее чар. – Такая забота! – Понимала, что мой сарказм звучит грубо, но остановиться было трудно. Да и не я ли собиралась сегодня разрушить свою жизнь? Пора переходить в наступление! Хотя, пока что, это скорее я защищалась от ее наступления, а ведь часть меня давно решила сдаться в плен.

– Не нотки сарказма ли я слышу в вашем голосе?! – Снова холодным тоном спросила начальница.

– Сарказм у нас тоже наказуем? Столько правил, я уж всех и не упомяну! – Не знаю, какая муха меня укусила, но мне хотелось дерзить. Хоть я уже и чувствовала, как щеки горят от румянца, как дрожь в теле все усиливается, но не могла остановиться, даже если это разрушит мою жизнь. Точно, как в тот раз на пляже, когда я была еще подростком и накинулась на свою подругу с приставаниями.

Повисла недолгая пауза, во время которой начальница внимательно изучала меня, после чего она резко встала из-за стола. Я тут же невольно сделала шаг назад, и по легкой улыбке, промелькнувшей на лице Лилиан поняла, что снова проиграла в этой странной утонченной игре, которую до конца не понимала, но которая уже давно шла. Мне в очередной раз ненавязчиво показали, кто здесь главный.

– А вы, однако бунтарка, мисс Флэйм! Кто бы мог подумать? Впрочем, я сразу увидела в вас эту непокорность, характер, норв. Рыбак рыбака... Я ведь тоже такая... Вы несколько раз засматривались на мои волосы и глаза, неужели их цвета кажутся для вас таким вызывающим нарушением норм?! – Она провела пальцами по своим волосам, словно гребешком, от корней и до самых кончиков. Я невольно прилипла взглядом к ее пальчикам, проследив за движением, и она это заметила, и снова улыбнулась.

Я почувствовала, как краснею. Хотелось провалиться сквозь землю. Исчезнуть. Все что угодно, только бы оказаться не здесь. Конечно, я засматриваюсь на ее глаза и волосы, но не потому что осуждаю. Просто хочется, чтобы ее локоны струились между моих пальцев, щекотали лицо, пока эти удивительные глаза стремительно поглощают меня в фиолетовые глубины ее бездонного мира, из которого не хочу бежать, в котором хочу раствориться.

– Нет... – промямлила я, – что вы... мне наоборот очень нравится... вам... идет... так... так красиво.

Начальница прикрыла губы рукой и захихикала, словно маленькая девочка, ее глаза тоже улыбались, они уже не были такими холодными.

– Вы забавная, – тихо и как-то мягко сказала она, после чего подошла к окну.

Она похвалила меня? Я почувствовала, как на лице появилась дурацкая улыбка. И чего так радуюсь? Ну похвалила меня, и что с того, еще и весьма спорная похвала.

– Красиво... – Тихо сказала мисс Айрн и посмотрела на город. – А что же такое красота? – Словно спросила саму себя, и тут же ответила. – Легкий весенний ветерок, развивающий волосы любимого человека? Может, далекие огоньки ночных звезд, что пахнут любовью? Или булочки с корицей и чашка горячего шоколада возле камина, холодным зимним днем, когда тебя согревает не только напиток или огонь, но и тело дорогого человека, с которым вы укрыты одним пледом? Но только ли лишь это? Красота – это грозы! – Голос ее стал громче. – Буйные, дикие, необузданные! – Щеки молодой женщины покрылись румянцем, теперь и она немного задрожала. Я чувствовала, как все большая страсть наполняет ее и невольно прикусила нижнюю губу, силясь скрыть невероятное возбуждение. Сейчас эта женщина походила на неведомую древнюю богиню, и мне захотелось упасть на колени перед ее алтарем. – Хаос, наполняющий саму природу и наши души, бесконтрольный, обжигающий, опасный! Буйство стихий! Разрушение! Далекая смертоносная вспышка сверхновой! Это ведь тоже красота! Но и эта крохотная роза – тоже! Посмотри! – Лилиан как будто только заметила цветок, стоящий перед ней в хрустальной вазе. Она начала нежно ласкать его лепестки, то проводя по контуру, то ныряя пальчиками внутрь, мягко перебирая и растирая их подушечками. Я почувствовала, как меня словно огнем обдало внизу живота, кровь прилила туда, так же, как и к губам. Я сделала несколько шагов вперед, и еще. Опомнится не успела, как оказалась рядом со своей начальницей. Ее горячее тело было так близко, что я, казалось, чувствовала жар сквозь одежду. Слышала частое дыхание, мне хотелось пить ее страсть, хотелось растечься холодным прозрачным горным ручьем, и омыть каждый изгиб прекрасного тела, ласкать каждый сантиметр мягкой кожи, впитать весь жар и пыл.

– Правда она прекрасна? – Спросила Лилиан. Начальница не смотрела на меня, может меня вообще сейчас не было в ее мире. Все ее внимание было сосредоточено на цветке. Я даже почувствовала укол ревности, как же захотелось оказаться на месте этой розы. Женщина перестала ласкать ее пальцами, и нежно, но в то же время со страстью, поцеловала цветок, нырнув губами в алую пучину лепестков. Еле сдержала стон, в моих мыслях я уже была на месте розы. Как горячо. – Но не только в лепестках ее красота, но и в шипах! – Женщина вдруг сунула цветок в мою открытую ладонь, положила руку поверх моей и сжала кулак. Я почувствовала укол и тихо ойкнула. От неожиданности выронила розу, но Айрн тут же ловко подхватила ее. На одном из шипов была капля крови. Девушка подцепила ее пальцем и начала внимательно рассматривать. – Все оттенки красного, кровь и роза. Это прекрасно! Боль и нежность. Это прекрасно! Наслаждения и страдания. И это прекрасно! Красота в контрастах! – Каждое слово она говорила с придыханием, с такой страстью. – Видишь? Ты видишь это, Кассия?!

– Вижу, Лили! – тихо прошептала я. Эта женщина безумна, она одержима и это то, о чем я так мечтала. Я любила ее. Сейчас, в этот момент, поняла, что любила ее до безумия, всегда.

– Лили? – Тихо переспросила она, словно удивляясь, что я назвала ее по имени. После этого медленно облизала палец, проглотив каплю моей крови. Вдруг она опустила взгляд и глядя себе под ноги произнесла холодным тоном. – Простите меня! Наговорила вам тут всякого, у меня бывают такие странные приступы меланхолии. Буду благодарна, если это останется между нами! Идите работать! Если понадобится, я вас вызову!

Каждое слово было словно ударом мокрой плетки. Я чувствовала, как начинаю содрогаться и почти ощутила реальную физическую боль. Лили же вернулась за стол и продолжила работу, будто меня и не было здесь, и не было этого момента между нами, этой искренности, мгновения такой возвышенной интимности. Но как же так? Она только что была так открывенна со мной, и время словно остановилось. И все это было просто наваждением? Не схожу ли я сума? Мне на миг показалось, что это было миражом, сладкими грезами, за которые, как за спасительную соломинку, хватался мой воспаленный разум, тонущий в трясине безумия. Это было не взаправду?

– Вы еще здесь?! – Строгий холодный тон. Она научилась хлестать меня словами. Как жестоко! Меня только что поманили в прекрасный чудный мир, а потом захлопнули дверь перед носом. Какой жалкой я себя чувствовала, как маленький мокрый котенок, которого вышвырнули на мороз. Как же больно, вот тут, в груди. Я невольно приложила руку к сердцу.

– Вы... – было трудно выдавливать из себя слова, они не хотели выходить, они боялись утонуть в слезах. Какого же труда мне стоило держать себя в руках и не расплакаться. – Начали такую интересную дискуссию... – как странно, у меня еще получалась связная речь. – Конечно, это разговор не для этих... условий. Но, вы не хотели бы его продолжить за чашкой кофе или бокалом вина? Как-нибудь после работы... Когда-нибудь... Пожалуйста...

Какой же жалкой я сейчас была. Совсем лишилась гордости. Но я ничего не могла с собой поделать. Мысль, что сейчас все кончится, вот так, что я уйду из кабинета начальницы и никогда больше не услышу ее пылких страстных речей, а лишь формальный холодный тон, не почувствую жара ее горячего тела, не увижу, как эти холодные глаза могут смеяться, эта мысль ранила меня, это были ее шипы, как у розы, и с каждым мгновением молчания они все глубже вонзались в мою душу. Секунды тянулись мучительно долго, каждый «тик» настенных часов, как удар розгами. А Лили продолжала делать вид, что меня не существует.

Нет, больше нельзя было ей докучать. Я с огромным трудом сделала шаг к двери, еще один, и еще. Снова брела словно по пояс в воде или снегу, как же трудно было двигаться. Вот и все! Это конец. Слезы уже жгли глаза. Дрожащей рукой взялась за ручку двери.

– Французские вина, – прозвучал голос за моей спиной.

– Что? – опешила я.

– Я люблю французские вина! – Сказала Лили. – И сегодня после семи я свободна.

– Ко... – Голос предательски дрогнул. Я глубоко вздохнула и продолжила. – Комнатной температуры или охлажденные? – Неужели я выговорила это целиком, не разрыдалась и не начала биться в истерику. Эмоции жаждали литься сквозь меня через край, но я все еще сохраняла остатки контроля.

– Температуры тела, – ответ Лили был томным, тихим и с придыханием.

И я представила, как она пьет вино, а в роли сосуда – мое тело. Меня снова обдало жаром и ток пробежал по коже.

– Как скажете, – улыбнулась, – моя Госпожа.

Я обернулась и посмотрела на Лили. Она не взглянула на меня, продолжая что-то писать. Но на ее лице тоже была улыбка.

– А теперь будь послушной девочкой, и иди работай! – Тихо сказала она.

– Конечно, – улыбнулась я и чуть ли не выпорхнула из кабинета.

Наверное, прошло полчаса, пока я смогла хоть немного прийти в себя и успокоиться. На коленях у меня отдыхал «кэтбот», специальный мурлыкающий офисный робот для релаксации, внешне почти не отличимый от живой кошки. Стоит прикормить его парочкой маленьких микро-кнопочных батареек, и он тут как тут. Несколько «клиндогботов» весело таякая носились по офису, полируя пол до идеальной чистоты. Большинство сотрудников усердно выстукивали пальцами по сенсорным клавишам на крышках своих столов-компьютеров, а я все никак не могла прийти в себя. Нежно перебирала пальчиками мягкую синтетическую шерсть кэтбота, а думала о волосах Лили. А ведь еще надо было работать, написать несколько отчетов. Главное, наконец-то, сегодня вечером я не буду одна, нет, я больше никогда не хочу быть одной. Теперь у меня есть любимая госпожа, которая всегда позаботится обо мне, а я буду заботиться о ней. Я не знаю кто ты, подкинувший мне ее, – и я еще раз внимательно посмотрела на аркан Влюбленные, – не знаю, есть ли другие, получившие свои карточки. Не знаю, зачем все это. Но, надеюсь, я правильно отыграла свою роль в твоей колоде? Или моя роль еще не отыграна до конца?!

Аркан I. Маг. В гостях у безумия

Я пролистал последнюю сводку новостей и подумал, что в городе начинается что-то действительно интересное. Как занятно! Разумеется, узнал об этом не от журналистов. Эти идиоты никогда не скажут правды. Им нужна сенсация, а правда, как правило, куда более прозаична и далека от этого. Нет! Информацию о городе я получал из своих источников. Город Улыбок словно был моим телом. Я его создал, и чувствовал малейшие колебания в этом организме, в системе, которую знал так досконально, ведь разработал ее, вместе с Джимом. И сейчас город неспокоен, в нем зарождается грозная буря, что желает перевернуть его верх дном, или же болезнь, угрожающая распространиться на весь организм. И расхлебывать мне, как всегда! Впрочем, я люблю свою работу хранителя покоя. Мне нравится наводить порядок, и, судя по всему, именно этим мне и придется заняться в ближайшее время. Знаете, что такое поддерживать систему в стабильном положении? Это никогда не прекращать работу над ней! То, что внешне кажется устойчивым, находящимся в состоянии покоя, на самом деле только и делает, что стремится развалиться на куски, шагает к энтропии семимильными шагами. Работа Архитектора в Городе Улыбок – это не просто спроектировать, построить и отправиться на заслуженный отдых, или же заниматься новыми проектами. Нет! Архитектор Города Улыбок должен быть готов быстро и оперативно чинить свое творение. Подлатал там, проконтролировал здесь, перенаправил тут, там подклеил расклеивающуюся систему, там забил торчащий гвоздь, что возмнил себя выше других, и вот – конструкция более или менее устойчивая. До ближайшей новой бури, когда придется снова танцевать вокруг нее с гвоздями и изоляцией. Мы, Архитекторы, выполняем титанический неблагодарный труд – обеспечиваем баланс экосистемы и упорядоченность общества.

«Массовые нападения на мужчин! Лишение „мужского достоинства“!» Прочитал я название одной статьи. Какая нелепица! А представить, что такое происходит в Городе Улыбок, да еще и в Рондо? Никогда бы не поверил, если бы не видел это собственными глазами. А вот, кстати, и они, мои милые глазки. Мне на плечо сел механический жук, еще два тихо жужжали над головой. Мини-дроны! Благодаря им, я могу видеть, ведь мои собственные глаза давно уже не воспринимают свет. Но дроны видят все, и через специальный беспроводной нейронный интерфейс посылают сигнал прямо мне в мозг. Такая передача занимает всего несколько наносекунд. Поэтому я вижу все практически в реальном времени. Они словно настоящие глаза, и даже лучше. С их помощью я научился смотреть в нескольких направлениях одновременно, воспринимать несколько картинок и быть в одно мгновение в разных местах. Сидя здесь, в своем доме, в кромешной тьме, я даже сейчас наблюдаю за городом. Мои жучки, невидимые, незаметные, способные пролезть в любую замочную скважину и тончайшую щель, всегда приносят самую свежую информацию.

И какого же было мое удивление, когда узнал, что за всеми этими странными нападениями на мужчин стоит Кейт, одно из моих лучших творений. Ведь я сконструировал ее не для этого! Как она смогла обойти защитные протоколы? Как смогла нарушить один из трех фундаментальных законов робототехники и причинить вред человеку? Машина не должна представлять опасности для людей! И все же, такое случилось! Впрочем, в глубине души я это предвидел! А может, даже хотел?! В любом случае, я смог сделать то, о чем всегда мечтал – создал машину, способную испытывать эмоции и чувства, плакать в городе, где все смеются. Нет, мой наивный покойный Кевин, ты оказался не слишком прозорливым. Ты так и не понял, что клоуны не забрали у меня любимую куклу. Клоуны не посмеют явиться за мной или моими творениями, даже они. Все-таки, я построил этот город! Кейт никто не заберет, она уникальна, она, возможно, мое лучшее творение. Может, в чем-то даже лучше, чем Инфинити. Хотя мыслить так сегодня уже сродни богохульству. Никто не сравнится с нашей цифровой богиней.

И все же... Моя малышка Кейт умеет чувствовать, может, она и есть то творение, что определяет меня как Мастера? Не Инфинити, и даже не Город Улыбок, а именно она. Может, она изменит суть многих привычных вещей? А может и нет! Кто может знать наперед? Мы ничего не контролируем, мы можем лишь импровизировать и действовать по обстоятельствам. Истинный мастер – это мастер импровизации. Так бы сказал Джим. Я улыбнулся.

Что же касается Кейт – ах, моя маленькая девочка, такая прекрасная, такая совершенная, почти идеальная. Вспомнил, как собирал ее деталь за деталью. Словно сплел из тончайших нитей. Таковую живую, такую безупречную. Мои руки еще помнили каждый изгиб ее сексуального тела. Она действительно была сексуальной, в отличии от мерзких живых женщин. И все же, она пошла кривой дорожкой. Кейт, моя милая Кейт, ты предала папочку, хотя при этом и не разочаровала его ожиданий, ты получилась действительно восхитительной. Но я еще займусь твоим наказанием, а пока что есть проблемы поважнее. Ты начала нападать на людей. И теперь даже эти умственно отсталые кретины из полицейского управления скоро поймут, что это именно ты создаешь проблемы, та самая Кейт, мое творение. Уж молчу о загадочной смерти пастыря Кевина Крокуса, а ведь я был последним, с кем он разговаривал до того, как, по одной из версий, выстрелил себе в голову. А я ведь только собирался сделать его полноправным Архитектором, начинал понемногу вводить в курс дел. Скоро мне придется ответить на множество интересных вопросов. Давно я уже так глупо не подставлялся. И самое забавное, что я вообще здесь ни причем. Но это еще придется доказать. Кто же знал, что городские защитные протоколы каким-то невероятным образом будут то ли взломаны, то ли переписаны. Такое не под силу человеку, а значит, замешана сама Инфинити. Но зачем ей это? Она создана для улучшения жизни горожан. Неужели и вторая моя дочурка предала меня? Вряд ли! Тогда, что происходит? И еще этот дефективный плачущий клоун, угрожающий изменить порядок вещей. Он одновременно и похож на остальных Клоунов, но и сильно отличается от них. И карты Таро. Я точно такого не предвидел. Конечно, это вовсе не означает, что я к такому не готов. А может я ищу не там? Может кто-то просто смог добавить ложку дегтя в нашу бочку меда? Кластер? Нет, им такое не под силу, силенок не хватит. Никто кроме Джима с этим бы не справился.

Нет смысла гадать, придется проведать старого друга. Я посмотрел своими маленькими тихонько жужжащими механическими глазами на стакан в руке. Цвета были такими же яркими и насыщенными, как и те, которые когда-то воспринимали мои настоящие глаза. Хотя это было так давно, что уже и не помню. Я глядел на стакан сока, в котором плавали несколько кубиков льда. Гранатовый был моим любимым оттенком красного, а Джим предпочитал вишневый. Мы с ним отличались во всем. Мысль об этом заставила меня снова улыбнуться. Что это со мной, второй раз, того гляди еще стану добропорядочным гражданином Города Улыбок.

Пора тебя навестить, старина Джимбо, и спросить, не твоих ли рук дела, все эти волнения последних дней? Ведь даже сидя в своей клетке, ты остаешься очень опасным. Если я буду вежливым, может, ты даже ответишь мне честно. Только нужно тебя чем-то заинтересовать, и уж я-то знаю, чем. Мне нужно было лишь немного пошевелить пальцами, как открылся холодильник и из него выехал маленький контейнер. Еще одно движение – и он подъехал к моему креслу. Взял его в руки и открыл. Там лежали сочные красные ягоды. Хотя в этом полумраке они напоминали скорее маленькие конфетки. Никогда не понимал столь сильного пристрастия Джима к вишням, но это должно развязать ему язык.

Сделал легкое движение пальцем и в комнате заиграл «Полет валькирии» Вагнера. Еще жест – и музыка стала громче. Положил несколько ягод себе в рот и приятный сочный кисловатый вкус на миг унес меня отсюда, к старому давно утраченному миру, где еще существовало настоящее голубое небо, а цветущие вишневые сады встречались во многих уголках Земли. К сожалению, приятное наваждение довольно быстро ушло. Несколько еле уловимых жестов – и к креслу подъехал мой гардероб, он был тоже на колесиках и тоже компьютеризирован. В моем жилище, как и во всех современных домах, использовалась технология «умного

дома», полная компьютеризация всего и вся. Вот только интерфейс я использовал другой. Если у всех горожан он был вербальным, и им просто достаточно было отдать голосовую команду, как искусственный интеллект тут же выполнял их приказ, то мне нужно было выполнить определенные жесты или пасы руками. Я перестроил систему так потому, что очень люблю тишину, и не слишком люблю свой голос, как и неживой голос искусственного интеллекта. Мне нравилось сидеть в темноте, и словно паук дергать за ниточки и наблюдать, как мой дом оживает. Словно играть на невидимых струнах или дирижировать оркестром мебели и домашней утвари.

И вот сейчас так же провел необходимые жесты, и передо мной оказались: длинный черный плащ, солнцезащитные очки, сумка, перчатки, кожаные сапоги, шляпа с широкими полями и трость с набалдашником в виде затаившегося паука.

Я любил носить кожаные плащи. Они легкие и в них не жарко даже в теплый весенний день, которых в Городе Улыбок бывает больше всего. И при этом плащ позволял скрыть мой экзоскелет с встроенным в него арсеналом самого разнообразного оружия. Такой себе компромисс между безопасностью, комфортом и стилем. Очки для того, чтобы скрыть слепоту. Трость скорее просто для виду. Так же я всегда носил кожаные перчатки, вторая кожа – идеальная защита от этого грязного мира. Ну и, конечно, сапоги, очень практичная обувь, на все случаи жизни. А шляпа? Я просто очень люблю шляпы, никакого хитрого расчета здесь нет.

На сборы понадобилось всего несколько минут, и вскоре я уже летел на своем аэромобиле по направлению к окраине Рондо. Именно там, подальше от глаз горожан, располагалась больница святого Лаврентия, где держали особо опасных и буйных душевнобольных.

Город шумел и кипел жизнью. Словно один большой муравейник. Постороннему наблюдателю он покажется хаотичным, но это обман восприятия. Город Улыбок – весьма упорядоченная система.

Мои невидимые паутинки протягивались далеко за пределы жилья, через весь город. Это было удобно. Позволяло быстро и оперативно корректировать систему. Город Улыбок – это некое динамичное постоянно изменяющееся уравнение. Там прибавил, там отнял – и только тогда все заработает, и так постоянно. На одной чаше весов – либеральная идеология, дающая жителям множество свобод, на другой – весьма строгие и не двусмысленные законы и правила, а так же, Бюро Нравственности, стражи морали и нравственности в обществе. Но они не насаживают их репрессиями и запугиванием. Их оружие – информация и слово, особая подготовка сотрудников, хорошее знание психологии человека и достаточно широкие полномочия, позволяющие им контролировать всю общественную и публичную жизнь горожан, оставляя нетронутой лишь личную. Так что, если вдруг проболтаетесь кому-то на работе, что вам, к примеру, нравится примерять перед зеркалом кружевные трусики и чулки своей жены, и этот человек донесет в Бюро и предъявит улики, то вас за это, разумеется, не поместят в концлагерь и не станут лечить электрошоком. Но не удивляйтесь, если, однажды придя на работу, вы заметите, что сотрудники странно косятся на вас и посмеиваются. А шеф, вызвав к себе на ковер, просит написать заявление по собственному желанию. Все имитируем непорочность, но только имитируем, такой уж город. Лишь у себя дома вы в безопасности от надзора, да и то если на вас не донесет собственная автономная компьютерная система. Что, впрочем, случается лишь в крайне редких определенных случаях, прописанных в ее протоколе. Каким бы дотошным не казалось Бюро, личное пространство горожан уважается. В общем, либерализм, свобода совести, толерантность общества с одной стороны и Бюро нравственности с другой. Вот вам и первое уравнение. Богатый зажиточный Рондо и нищие «плантации» и Клоака. Вот и второе. Разного рода проблемы, депрессии, насилие, озлобленность и отклонения, которые так или иначе будут возникать в любом, даже самом процветающем обществе, с одной стороны, и Городской Центр Счастья с другой. Там никого не станут лечить таблетками или шоковой терапией. Вам всего лишь придется смотреть разные «лечебные» фильмы и просматривать

особые сны. Немного поковыряются у вас в голове и все – вы научитесь быть счастливыми. А к чему еще может стремиться человек больше, чем к счастью? А как измерить счастье? Только изучить его по внешним проявлениям – радости и улыбкам. Чем их больше – тем больше в мире счастья. Разве нет? По крайней мере, так мыслит Инфинити, а значит, и весь город. Вот вам и еще одно уравнение. Все держится на таких вот уравнениях, борьба контрастов и противоречий создает ту силу, которая и толкает вперед колесо под названием Город Улыбок. Главное, чтобы колесо это катилось по дороге, что четко определена нами, Архитекторами. И тогда система будет функционировать. Ничего сложного. Даже клоуны и их «цирк» – тоже в чем-то часть системы, но о них в другой раз.

Я наблюдал за горожанами и думал о самом городе и об этих людях. Меня радовали их зажиточность, их благополучие и даже их развращенность. Если они спешат в сексшоп за плеткой или наручниками, значит их никогда не насиловали в реальной жизни, если они играют во всякие современные «шутеры» с полным погружением – значит никогда не видели настоящей войны, если предаются всяким извращениям и похоти – значит не боролись за выживание, за каждый шаг, за каждый кусок хлеба. Как говорится, с жиру бесятся, и это прекрасно, на самом деле, значит все в их мире спокойно, ничего им не угрожает, и они уверены в завтрашнем дне. Значит, я справляюсь со своей работой хранителя порядка! Чего мне еще желать?

Добрался я примерно за полчаса. Лицевое здание психиатрической клиники походило скорее на какой-то театр или музей, столь декоративной и изысканной была архитектура. Но я знал, что это лишь внешняя оболочка. Тут располагается администрация клиники, находятся кабинеты психиатров и гостевые комнаты для посетителей. Дальше, за этим зданием, идет достаточно большой парк, где растут деревья со столь густыми кронами, что они, как и звуконепроходимые стены клиники, не пропускают крики безумцев в город, не дают безумию распространяться. Вдруг, оно сродни эпидемии? Вдруг, безумием можно заразиться?

И только в глубине парка находятся корпуса с палатами для душевнобольных. Хотя, скорее уж это камеры, а не палаты. Я обошел два корпуса и направился к третьему.

– Сюда нельзя! – остановил меня охранник, сидевший на входе. – Здесь сидят самые отпетые, чтобы пройти к ним нужен доступ...

– X-ранга, – окончил за него фразу, и протянул охраннику пластиковую карточку удостоверения личности.

Охранник сначала проверил ее по своей базе данных, после чего его глаза округлились и он, немного дрожа, пролепетал:

– Пожалуйста, проходите, господин Старший Архитектор. Прошу простить меня. Такая работа, понимаете? Ваш визит – это огромная честь для нас!

Его благоговейный трепет перед моей персоной немного раздражал, но все же, это было даже забавно. Старшие Архитекторы для Города Улыбок, это что-то вроде отцов-основателей для Америки. Хоть мы заведомо отделились от формального управления городом, но являемся живыми легендами, и обладаем достаточно широким спектром полномочий. Правда, теперь, когда Джим за решеткой, я единственный разгуливающий на свободе Старший Архитектор.

– Будьте осторожны, господин Старший Архитектор, – сказал мне главврач, когда мы проходили мимо комнат с пациентами. Когда ему доложили, кто пришел, он предпочел сам устроить мне экскурсию. – Не подходите близко к решеткам! Некоторые пациенты плохо реагируют на посетителей. Они могут плевать или попытаться помочиться на вас. А вон в том номере сидит пациент, что любит стрелять в людей собственной спермой. И он весьма меток и всегда удачно подгадывает момент эякуляции.

Что за нелепица? Будь я тут главным, быстро отучил бы его от такого, хоть это и было бы для него несколько болезненно. Я лишь покрепче сжал трость. Они слишком цацкаются с этими безумцами. Это опасные уродцы, а не несчастные больные! Но вслух я этого, разумеется, говорить не стал.

Мы с доктором шли по широкому коридору. Все стены здесь были пастельных тонов, под потолком и вдоль стен медленно «плавали» по воздуху разные приборы, что якобы должны были успокаивать больных, но все это не сильно помогало, как и тихо играющая «Маленькая ночная серенада» Моцарта. Здесь царил атмосфера безумия, и даже лучшем светилам психологических наук было трудно его победить.

Из одной палаты слышалось грустное пение. Я начал вслушиваться в слова песни. Текст повествовал о каких-то далеких бескрайних морях и о величии океанов. А исполнял такой жалобный и чистый голос, совсем не похожий на голос безумца. Море, я сам еще помнил шум его волн. Этот звук, который человечество, живущее под куполом, больше не услышит. Мы получили в наследство прекрасную планету, полную разнообразных чудес, а смогли сохранить лишь жалкие крохи, да и то ценой невероятных усилий.

В соседней палате кто-то закричал:

– Выпустите меня! Я – король! Их надежда! Наследие тех двоих, что несли знамя. Поступь коз так тиха! Как же нам достучаться до мира? Как объяснить, что мы такие же, что тоже хотим жить? Горькая еда. Мы не можем есть иначе, и в этом наш грех. Но мы не монстры!

– Это... – виновато начал объяснять главврач, но я, покачивая головой, дал понять доктору, что мне совершенно не интересна история его питомцев. Лишь одного, к которому мы и направлялись, но его историю никто не знал лучше меня.

Я проходил мимо еще одной палаты, как вдруг в зарешеченном окне появилось лицо молодой девушки. Она улыбалась и смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

– Заберите меня отсюда! – Сказала девушка. Волосы ее были растрепаны, а глаза лихорадочно блестели. – Они все думают, что Лизочка ненормальная. Но вы ведь знаете, что это не так. Уж вы то точно знаете, профессор Кильчинский, Лиза ваша лучшая лаборантка, вы же сами говорили. Профессор, не оставляйте меня с ними!

Я лишь равнодушно отвернулся и направился дальше.

– Профессор, они насилюют Лизу, наслаждаются ее телом! И они не дают ей ее любимые таблеточки, чтобы она не могла нормально уснуть и видеть цветные картинки! Злые насильники! Прямо как вы, профессор! Вам ведь нравилось наслаждаться молодым Лизиним телом, старый извращенец?! Ведь нравилось?! – Кричала девушка из камеры-палаты.

– Бредовые фантазии на сексуальной почве, – с виноватым видом объяснил мне доктор.

Я думаю, по моему лицу было видно, что мне совершенно все равно, даже если бы это были не фантазии, и доктор действительно насиловал эту девушку, вместе со всеми санитарями.

Из окна соседней палаты выглянул молодой мужчина с взъерошенными волосами и безумным взглядом.

– Ах, это вы, учитель, – сказал он, ухватившись за железные прутья решетки. – Пришли поглумиться надо мной?! Я все равно остановлю вас, вас и других Мастеров. Я не дам вам поработить мир! Кира! – Крикнул он в пустоту. – Чего же ты стоишь?! Используй боевую трансформацию, мы должны сражаться! Длань Хаоса! – Закричал больной и начал делать руками какие-то странные пасы. Я просто пошел дальше, оставив несчастного наедине с его фантазиями.

Взмахнул рукой и в дополнение к двум моим жукам, висящим в воздухе, взлетело еще шесть. Они зажужжали, замахали крылышками и начали метаться в разные стороны. Несколько полезли к доктору, быстро фотографируя записи в его папке, карточку доступа и его самого.

– Вы не могли бы... – сказал доктор, отмахиваясь от моих назойливых насекомых.

– Не мог бы! – Грубо прервал я его, но потом все-таки добавил. – Это важно, для всего города!

После я дал сигнал жукам, и они разлетелись в разные стороны. Теперь дроны полностью протестируют систему безопасности клиники, каждую щель, каждую вентиляционную шахту. Я должен быть уверен, что нет брешей в безопасности, что Джим Чеосборн не сможет сбежать!

Мы наконец-то подошли к последней палате.

– Сейчас я включу специальный режим, разработанный для визитов посетителей.

Доктор поднес пластиковую карточку, висевшую у него на шее, прямо к пульта управления. На дисплее появилась надпись: «Доктор Симпэлтон, доступ разрешен». После этого он ввел набор команд, и я услышал за дверью тихий скрежет. Опускалось разделительное бронированное стекло. И когда звук прекратился, дверь и стена с тихим скрипом отъехали в бок. Теперь я отчетливо видел всю неказистую палату: мягкие стены, койка, туалетная кабинка в углу.

– Ба, кто же это к нам пришел?! – Спросил Джим. Он с закрытыми глазами сидел посреди комнаты в позе лотоса. Его ноздри зашевелились, и он с силой втянул воздух. – Да, Марк, твой запах я узнаю всегда. – Глаза Джима открылись так внезапно и широко, что я чуть не сделал шаг назад, но вовремя спохватился. А он лишь улыбнулся. – Забавно, что после всего, тебе еще хватает наглости смотреть в мои глаза! Это я не буквально, конечно, – добавил Джим, разглядывая моих жучков. – Всегда не любил насекомых, особенно механических.

– Оставьте нас! – Сказал я главврачу.

– Но... – попытался возразить тот, но увидев выражение моего лица, тут же добавил, – конечно, сэр, если понадобится – буду в соседнем зале.

Я кивнул и тут же дал мысленную команду своим жучкам, чтобы они глушили всю звукозаписывающую аппаратуру, с помощью которой доктора изучают больных. Предстоящий разговор не для посторонних ушей.

– Весьма убедительно изображаешь адекватность, Джим! Думаешь, отпустят раньше за примерное поведение?

– Нет, от чего же. Это место не такое уж и плохое, – ответил Джим, – лучше многих предыдущих. Но скажи мне Марк, в этом городе не так много психиатрических клиник, если ты будешь и дальше каждые несколько лет менять мой дом, то они скоро закончатся. И что тогда? Заберешь меня к себе домой? Ты уже приготовил уютную клетку? Я стану твоим питомцем, Марк?

– Ты сам во всем виноват, Джим! – Спокойно ответил я. – Ты стал опасным, не только для нашего общего дела, но и для самого себя! Эти меры для твоего же блага.

– Для моего блага?! – Заорал Джим, он вскочил на ноги и с силой ударил руками по стеклу. – Для моего блага ты запер меня в клетку?! Ты лишил меня свободы?! Это не я опасен, Марк, это ты – трус, ты и все другие Архитекторы! Вы излишне гуманны, вам не хватило смелости запустить второй этап генезиса. Двенадцать мужчин и двенадцать женщин, хранящих в себе лучшую генетическую память человечества. Все должно было свестись к ним! Только они должны были унаследовать этот город, они и их потомки! Двадцать четыре человека, а все лишние должны были умереть! Это необходимая жертва, чтобы мир очистился! Но ты решил спасти всех, Марк! Всех ненужных. И вот ирония, теперь они все умрут! Потому, что не очистились, и повторяют ошибки прошлых поколений. Я чувствую, что начинаются большие перемены! Я слышу, – Джим напрягся, задрожал, и с благоговейным трепетом посмотрел вверх, – я слышу голос Города Улыбок! И ты ведь тоже слышишь, Марк?! – Джим говорил все громче, и даже начал ходить по камере. – Ты тоже слышишь этот голос?! Ты тоже безумен, Марк! Только мы можем слышать голос города, ведь мы с тобой его построили, выполнили всю основную работу. Мы – отцы основатели, Марк! Ты ведь чувствуешь ответственность за свое творение, за свое дитя?

– Да! – Ответил я. – В отличии от тебя, я помню ради чего мы все это начинали. В отличии от тебя, я все еще не предал человечество!

Джим выглядел очень удивленным, но всего несколько мгновений, а потом он рассмеялся, после этого просто упал на пол и широко раскинул руки:

– А мне нравится моя новая клетка, мягкая, чувствую себя ребенком на большом батуте. Вот только мое время не ограничено. Мама оплатила мне безлимит, но забыла забрать домой. Я ребенок, которого бросили в парке аттракционов. Вечный карнавал одиночества.

– Говоришь, я предал человечество?! – Вдруг закричал Джим. – Не тебе об этом судить, лицемерный чистоплюй! Ты всегда ненавидел людей, каждого по отдельности, ты презирал их, они вызывали у тебя отвращение! Чтобы как-то ужиться с этим, ты придумал идею служишь какому-то абстрактному человечеству. Но как ты можешь служить человечеству в целом, если каждый отдельно взятый человек тебе омерзителен? Не лги хотя бы себе! – Джим, вскочил на ноги, подошел ближе и, припав к стеклу, продолжал с жаром говорить. – Ты выстроил этот чистенький город, но даже он для тебя недостаточно стерильный! Дай угадаю, ты не гуляешь по его улицам, лишь изредка по ночам, с надетым на голову капюшоном, или в какой-то из своих дурацких больших шляп, чтобы никакой случайный прохожий не узнал гениального инженера. А днем, днем ты сидишь в зашторенном доме и дергаешь за ниточки в своем паучьем царстве!

– Ты хорошо меня знаешь, Джим, – я невольно потянулся рукой к карману.

– Потянулся к платку, – улыбнулся Джим, он знал и это, – ну да, этот резкий запах хлорки, он так неприятен. Но даже он полностью не перекрывает вони нечистот. Странно, что ты еще респиратор с собой не притащил, мой стерильный друг. А ты знал, что помешанность на чистоте говорит о сексуальной неудовлетворенности?

– Прекрати, – ответил я, – ты же знаешь о моем отношении к сексу!

– Да, старина, я помню, что ты убежденный девственник! – Ответил с улыбкой Джим. – Эти липкие потные тяжело дышащие тела, что сплетаются в животном сладострастном экстазе, словно пара гадюк, что выползли из какой-то отходной ямы. Это так мерзко для тебя!

– Прекрати! – Я выхватил из кармана платок и с силой прижал его к носу. Легкий запах лесных цветов, исходящий от этого кусочка ткани, успокоил меня, внезапно подступившая тошнота отступила. – Не говори мне о таких мерзостях, как секс!

Джим вновь рассмеялся.

– Тебе не кажется, старина, что это ты должен находиться по эту сторону стекла? Ты был бы интересным экспонатом для музея уродцев. Все люди любят секс, а ты так презираешь.

– Мы с тобой не все! – Ответил я.

– Вот тут ты чертовски прав! Знаешь, я тут много думал. Я и раньше любил пораскинуть мозгами, а теперь, когда у меня столько свободного времени, просто грех этого не делать. Я пришел к выводу, какая же интересная штука психиатрия. Это не столько наука, как скорее религия. Ведь наука всегда требует практического опыта, но психиатрия изучает психику, и даже вернее – душу, здесь трудно добыть такой опыт. Как изучить душу, как экспериментально доказать ее присутствие и измерить какие-то ее характеристики? Какая у души высота и ширина, какая она в диаметре, сколько весит, какова ее плотность? За что она отвечает, а главное, как понять, у кого она больная, а у кого здоровая? Что есть норма, а что отклонение? И что еще важнее, кому это решать? Вспоминается старая добрая шутка – в психиатрии главное хорошая реакция, кто первый надел халат, тот и доктор.

– Ты не здоров, Джим! И доктора доказали это, вполне научными способами.

– Ну да, как же! А может, это они не здоровы? Знаешь, если толпа глухих людей увидит танцующего человека, они подумают, что он безумен. Ведь они не слышат музыки, а лишь видят парня, что странно дергается, будто припадочный эпилептик. Вся ошибка этого мира в том, Марк, что нормой принято считать мнение большинства. Но вот, что интересно, как показывает опыт, большинство людей – идиоты. Они лишь потребляют ресурсы и безропотно подчиняются властям. Ячейка потребления, избирательский ресурс, ячейка репродук-

ции самих себя, рынок сбыта излишков производства – вот кто они. И они диктуют, что такое норма, ведь их большинство. А таких, как мы, двигающих прогресс, единицы, и мы всегда у них на мушке. И только они решают жить нам дальше, или умереть, или что еще хуже, стать живыми экспонатами в музее уродцев. Марк, тебе стоило бы не прятать меня здесь, а разместить где-то в клетке в центре города и брать по пять долларов за просмотр. Я уже вижу эту красивую табличку с золотистыми буквами. «Один из основателей Города Улыбок. Не дразнить, с рук не кормить, опасен и временами невменяем». Ты бы мог срубить денег, пожертвовал бы их на благотворительность, бедным людишкам, которых ты так любишь и так презираешь одновременно!

– Хватит ерничать, Джим! Я пришел сюда не за этим!

– Да-да, – ответил тот, – ты тоже заметил, что в городе творится что-то неладное. И ты думаешь, не моих ли это рук дело, так? – Джим нервно захихикал. – Не успел ли я сделать тебе западлянку до того, как ты упек меня сюда? Не добавил ли ложку дегтя в твою бочку меда?

Я улыбнулся, Джим чуть ли не дословно читал мои мысли.

– Но зачем мне говорить тебе правду, Марк? Что мне из этого будет?

– Я кое-что для тебя принес, – я достал из сумки контейнер с вишнями и показал Джиму ягоды.

– Ты помнишь о моей маленькой слабости, – улыбнулся Джим, – как мило. Ладно, дай мне их, и я скажу тебе свои соображения. – Я увидел, как Джим задрожал, у него была чуть ли не наркотическая ломка.

Я знал, что Джим не обманет в таком. Если пообещал – то действительно расскажет. Поэтому, я положил контейнер в слот для пищи, после чего протолкнул его в палату.

Джим тут же схватил из контейнера несколько ягод и положил себе в рот.

– Знаешь, Марк, секс – это прекрасно, зря ты даже не хочешь попробовать, но скажу тебе одно – даже самый лучший в мире оргазм не сравнится со вкусом этих ягод. Объединение! Экстаз! Взрыв фруктовой свежести! Этот кисловатый вкус! И это приятное послевкусие! Подумать только, было время, когда они росли много где на этой планете, мою родину даже считали страной вишен. А с ними росли другие фрукты и ягоды, и овощи. Как же мы все это потеряли? Ай, не хочу думать о плохом.

Джим закатывал глаза от удовольствия и подолгу наслаждался каждой ягодкой. Он закрыл глаза и начал дирижировать руками в такт тихой музыке, что наполняла мягким фоном всю клинику, силясь побороть и растворить в себе это тяжелое, липкое и вязкое, всеохватывающее безумие. У Джима было такое удовлетворенное и умиротворенное лицо. Вот кого в рекламе надо показывать. Он так заразительно ел вишни, что захотелось бы попробовать даже человеку, который терпеть не может эти ягоды.

– Это не моих рук дело! – Вдруг сказал Джим, оторвавшись от ягод. – Я даже не знаю, что толком происходит. Но эти психи, – и он указал рукой на стену, в сторону палат своих соседей, – они стали более беспокойными. Знаешь, я думал это как-то связано с лунным циклом, магнитными бурями или еще чем-то, но нет, это не так! Они просто чувствуют нарастающий хаос! Психи не ошибаются, видишь ли, они настолько упростили свое мышление и восприятие мира, что оно стало сводиться к какому-то звериному чутью! А это чутье никогда не ошибается! В городе вспыхнуло пламя хаоса!

– И это все, что ты можешь мне сказать? – Спросил я. – Несколько красивых слов о пламени хаоса? Я ожидал большего за эти чудесные ягоды.

– Ну уж прости, что не в курсе всех последних новостей, – ответил Джим, – если ты не заметил, я тут в клетке сижу, изолированный твоими стараниями от всего мира, так что, как-то немного не в курсе событий. Я лишь могу сказать: то, что происходит, не моих рук дело. И могу добавить из своих ощущений и чутья моих безумных соседей, что действительно что-то начинается, что-то глобальное, что затронет каждого.

– Ясно, – ответил я, и уже собирался уйти, как он окликнул меня.

– Марк! Кто он? Тот, кто заварил эту кашу?

– Клоун! – Признался я. Джим был искренен со мной, я это знал. И поэтому, решил тоже не утаивать правды.

– Клоун? – Улыбнулся Джим. – Как интересно! Но я думал, что город привык к клоунам, что они, несмотря на все, вписались в антураж.

– Это не простой клоун, можно сказать дефективный. Он плачет!

– Плачет?! – Удивился Джим.

– Я даже подозреваю, что «улыбчивые» охотятся за ним, но он как-то ускользает от них.

– Скорбный Клоун?! – Задумчиво произнес Джим. – И его главная задача сеять хаос. Разрушать то, что ты так усердно пытаешься защитить. А он мне определенно нравится! Марк, если этому типу нужен хаос, то он придет за мной, ему понадобится такой специалист, как я. И когда он вытащит меня отсюда, я приду за тобой, Марк!

– Знаю, Джим, – сказал я, после чего снял перчатку и прислонил ладонь к стеклу, – и буду ждать тебя, мой лучший друг!

Джим улыбнулся и тоже прикоснулся ладонью к стеклу, прямо напротив моей руки. Если бы не холодное бронированное стекло, наши пальцы соприкоснулись бы.

– И тогда ты увидишь мое истинное безумие, – улыбнулся Джим.

– Горячее, дикое, полное пламени и страсти, – тихо прошептал я, – а ты увидишь мое...

– Холодное, безжалостное, расчетливое и стерильное, – сказал Джим, – и тогда...

– Мы сыграем в игру...

– Кто кого...

– Убьет первым!

– Я приду за тобой, Марк!

– И я буду готов, Джим! А сейчас прощай, мне нужно спасти наше с тобой творение!

– Прощай Марк! Спасибо за отличные вишни! Скажи, ты все еще любишь гранатовый сок?

– Да, оставлю тебе стаканчик!

– Нет! – Замотал головой Джим. – Я люблю вишневый, так что лучше припаси к моему приходу его. А еще мне нравится багровый цвет, и при следующей нашей встрече багрянца будет много.

Я кивнул и направился в сторону выхода, потом заглянул в кабинет дока и дал понять, что мой визит окончен. Тот быстро закрыл Джима и догнал меня. Он что-то говорил, но я его не слушал.

– Подайте запрос в полицейское управление от моего имени, нужна дополнительная охрана, чем больше, тем лучше! Скажите, что есть информация, одному из самых опасных и буйных безумцев, террористу города номер один, Джиму Чеосборну помогут сбежать! – Сказал я доктору возле дверей, попрощался и вышел на улицу. Была солнечная погода, очередной весенний погожий денек. С неба падали лишь редкие лепестки цветений.

Я закатил рукав своего плаща и на бандфоне набрал специальный код. Экстренное собрание Архитекторов. Оно не проводилось уже несколько лет, но сейчас нам всем нужно действовать сообща. Чувствую, что это вопрос выживания человечества, его остатков.

Вдруг, почувствовал холод, такой пронизывающий, пробирающий до костей, совсем не характерно для Города Улыбок. А еще легкие писк и скрежет в голове. Ага, значит они здесь. Я посмотрел на крышу одного из зданий, и сразу же увидел их. Трое, все в клоунских костюмах и гриме, застывшие мертвые улыбки на лицах и ледяные взгляды, что сверлили меня насквозь. Я вскинул руку и в ладонь тут же легла рукоять миниатюрного пулемета, одного из множества оружия, встроенного в мой экзоскелет. Но я не спешил нажимать на курок. Клоуны казались разъяренными, нет, их лица не выражали ничего, лишь мертвые улыбки, но аура... Даже воз-

дух казался наэлектризованным. Они искали его, Скорбного Клоуна, как окрестил его Джим, такого же как они, и в то же время, совершенно непохожего, того, кто хочет изменить город и наши души, того, кто плачет, того, кого они так жаждут растерзать. Но догонят ли когда-то?

– Его здесь нет! – Произнес я громко и четко, направив на клоунов прицел пулемета. Они еще простояли несколько мгновений и исчезли так мгновенно, словно растворились в воздухе. Я подождал еще с полминуты, держа под прицелом пустую крышу, после чего убрал оружие и пошел к своему транспорту. Ну и денек.

Открыл дверцу аэромобиля и увидел на сидении какую-то карточку. Это была карта Таро, она лежала тыльной стороной кверху. Я уже знал, какой это будет аркан. Это Маг, он же Мастер. Первый аркан. Я поднял карту, перевернул и улыбнулся. Конечно, я был прав. Вот она – моя роль в его игре. А сам Скорбный Клоун наверняка нулевой аркан, Клоун, Шут. Значит, он и правда был здесь? То-то клоуны пришли сюда среди бела дня, но не смогли его поймать. Забавно!

– Эй, Джокер, – тихо сказал я в пустоту, – сыграем, раз ты так уж хочешь. Ставкой будет Город Улыбок, и поверь, я свое детище так просто не проиграю!

Аркан XX. Страшный суд. Запоздалое возмездие

Я стоял у окна, спиной к городу, и даже не смотрел на ухоженные улицы, освещенные лунным сиянием, таким же искусственным, как и сияние ночных огней. Хотя то, что огни были ненастоящими, не делало их менее красивыми. Люблю такие штучки, если честно! В ямах их не было, там почти ничего не было, кроме крошечной тьмы и ада. Но самая большая красота сейчас находилась в моей комнате, по эту сторону окна. Мое счастье, моя любовь, и, мог бы я раньше такое представить, мой смысл жизни! Я подошел к кровати и сел возле нее на колени. Пальцы сами потянулись к мягким шелковистым локонам, я прикоснулся к ним нежно и аккуратно, как и всегда, словно боясь повредить эту деликатную хрупкость. Но девушка все равно почувствовала, и ее глаза открылись. Рита улыбнулась. А я в очередной раз понял, что для меня на целом свете нет ничего важнее, чем эта улыбка, нет ничего большего за нее, ее не купить за деньги, которые у меня теперь всегда водились, она была даром судьбы, и щедрым жестом этой очень светлой и доброй души, вот что делало ее бесценной.

– Спи, мой котенок! Я не хотел тебя разбудить!

– Я не спала, милый, – Рита провела своей маленькой нежной ручкой по моей щеке, – я притворялась, – улыбнулась она.

– Ах ты, маленькая хитрюшка! – Начал щекотать девушку, а та засмеялась. Ее смех, такой искренний и звонкий, разгонял тьму в моей душе, распугивал всех демонов. И после этого смеха я становился другим, словно очищенным и обновленным.

– Прекрати, Вольфганг! – Начала она умолять меня, уже сквозь смех и слезы. – Ты же знаешь, как я боюсь щекотки!

Прикоснулся к лицу девушки, и вновь удивился, что ее голова могла почти полностью поместиться на моей ладони. Мне стало почему-то стыдно за то, что я такой большой.

– Я люблю, тебя!

Рита покраснела. Так смешно, уже говорил ей это столько раз, а она все равно всегда краснеет.

– И я тебя, Вольфганг! – нежно улыбнулась моя возлюбленная.

– Знаю! И это всегда удивляет меня! Ведь ты знаешь, кто я такой и чем живу!

– Прекрати говорить об этом! – Девушка вдруг стала грустной и, как мне показалось, даже немного обиделась. – Я уже говорила, что хочу сделать мир лучше. И начну с тебя! – Ее нежная ручка проскользнула по моим волосам. – Верну тебя на правильный путь!

– Котенок, я жил так всю свою жизнь!

– Жил до того, как встретил меня, – Рита казалась строгой. Но потом все-таки улыбнулась, и улыбка ее была столь же смелой и решительной, сколько нежной и теплой. На миг мне показалось, что эта чистая душа действительно может спасти даже такого грешника, как я.

– Но зачем тебе это? Зачем возиться с таким пропащим, как я? – Аккуратно взял ее руку в свою, притянул к губам и начал нежно целовать кисти, ладони и пальчики.

– Потому, что тебе нужна моя любовь! – Сказала девушка после того, как издала легкий стон, вызванный касанием моих губ к ее нежной коже. – Ты несчастен, Вольфганг! Был таким, пока я не появилась в твоей жизни! Женщины, которых ты покупал, давали тебе секс, но не делали тебя счастливым! Ты страдал, ты так много страдал! Но больше ты не должен страдать! – На глазах девушки появились слезы. – Я нужна тебе!

Хоть бы самому не прослезиться, совсем размяк. И за что мне такое чудо? За что этот подарок судьбы? Неужели правда награда за все страдания? Но заслужил ли я ее, учитывая сколько зла причинил другим, и продолжаю причинять дальше? Может, она правда заставит меня остановиться?

– Нужна! – Подтвердил я. Рука скользнула по ее плечу вниз, нежно смяла оголенную грудь, опустилась к животу, бедрам. Ее горячее тело так манило меня, я хотел уже припасть к нему губами, как...

Писк моего бандфона сообщил о входящем сообщении. Захотелось сорвать чертов браслет и зашвырнуть куда подальше, но нельзя, это могут быть дела, за которые мне весьма неплохо платят.

И как оказалось, я был прав. Действительно дела. Дону Скордзини понадобились мои услуги. Прямо сейчас, а значит, нужно спешить.

– Прости, милая, мне нужно идти! – сказал я возлюбленной, нежно поцеловал ее в губы, и начал собираться.

– Это все твой дон Скордзини? – Спросила Рита. Она насупилась, села на постель и демонстративно скрестила руки на груди. Такая забавная. Если бы она знала, какая милая, когда злится.

– Да он, котенок!

– Почему ты так предан этому ужасному человеку? Он же мафиози!

– Для кого-то он ужасен, но для меня – нет. В ту мою далекую бытность в Клоаке, он был единственным, кто обошелся со мной, как с человеком.

– Я понимаю, что он помог тебе однажды, но...

– Он не помог мне однажды, – прервал я девушку, взял расческу и начал перед зеркалом приводить в порядок волосы, – он дал мне все, что у меня есть! Всем я обязан ему! Я его цепной пес, и раз уж ты любишь меня, тебе придется с этим мириться!

Не услышав ответа Риты, продолжил.

– Когда-то я действительно жил, как пес! Меня держали на цепи, в большой яме. Держали для того, чтобы потешал публику боями без правил. Если побеждал, мне давали сухой хлеб и крысиное мясо, если проигрывал, что было не так часто, моим единственным ужином была собственная кровь, стекающая в горло из сломанного носа. – Я почувствовал, как напряглись все мои мускулы, как тело стало натянутым как струна, от одних только воспоминаний. А перед глазами – ревущая бесноватая толпа. И этот запах, эта мерзкая вонь: кровь, пот, дешевое пойло и нечистоты. Почувствовал дрожь, но быстро взял себя в руки и продолжил, стараясь чтобы Рита не заметила этих перемен во мне и того страха, что, казалось, теперь останется со мной навсегда, страха перед Клоакой и моим прошлым. – И вот однажды, меня вот так же избили, на одном из подпольных боев. В тот день там был и дон Скордзини. Он внимательно смотрел мой бой! А когда тот закончился, Антонио Скордзини, глава городской мафии, не обращая внимания на улюлюканье толпы, на их крики и свист, спустился просто на арену, и даже не взглянув на победителя, он подошел ко мне. Протянул мне свой шелковый вышитый именной платок, улыбнулся и сказал: «Это был отличный бой! Ты не хотел бы покинуть эту помойную дыру и работать на меня?». Толпа негодовала, но ему было все равно, он даже не обращал внимания на этот сброд. Какой-то пьяный идиот даже зашвырнул в дону Скордзини своим бокалом, при этом весьма метко. Бокал ударил моего будущего босса просто в лицо! По его щеке побежала тонкая струйка крови, дорогой костюм оказался испачкан кислым дешевым пойлом, но тому было все равно. Он лишь улыбался мне. А тем временем его люди схватили нерадивого шутника, выволокли на арену и отрубили ему руку по плечо. Толпа тут же стихла, а Антонио Скордзини, все еще улыбаясь, достал из кармана второй платок и вытер кровь с лица. После чего протянул мне руку. Я ухватился за нее, и впервые встал на ноги гордо, как свободный человек. И уже через какую-то минуту мы вместе покидали зал, а вокруг царил тишина, толпа замерла от страха. Тогда я впервые в жизни ликовал, впервые ощущал свое превосходство!

Закончив говорить, я услышал за спиной тихие всхлипывания. Рита плакала, закрыв глаза руками.

– Милая, прекрати! Это все призраки прошлого. Сейчас, есть лишь ты и я, и все у нас будет замечательно! – сказал я, подойдя к ней, нежно обнял и начал гладить по голове.

– Я просто не могу, – выдавила она из себя, пытаюсь подавить слезы, – ты прошел через такой ад, такую боль, такие нечеловеческие условия. Я пытаюсь понять тебя, но чувствую себя виноватой, что я так далеко от того мира, что всегда росла в тепле и ела досыта, что...

– Прекрати! – крепче обнял возлюбленную, а после нежно вытер ее слезы. – Что ты такое говоришь? Я благодарю всех богов, что ты далека от того грязного мира боли, страданий, лжи и несправедливости, от мира, породившего меня. И я сделаю все, чтобы защищать тебя от него и дальше!

– Прости! Я сказала глупость! У нас с тобой совсем разное прошлое, но это не значит, что нам не понять друг друга. Теперь у нас общее настоящее, и общее будущее, и это единственное, что нас должно беспокоить! Я хочу развеять всю твою боль! – Сказала Рита с таким серьезным лицом, с такой решительностью, она больше не плакала, вытерла глаза от слез и уверенно смотрела на меня. Я даже подумал, у нее это может получиться, а может, уже получилось.

– Да, любимая! Прошлое осталось позади! Здесь и сейчас есть только мы! Ты – мое счастье!

– Вольфганг, ты должен покончить с этой преступной жизнью! – девушка выглядела очень серьезной и не настроенной спорить.

– И на что же мы будем жить? – аккуратно спросил я и улыбнулся я в ответ.

– Вот! – девушка нажала на перстень на своей правой руке и над ним тут же взмыла маленькая голографическая карта. – Я нашла несколько неплохих вакансий для тебя, недалеко от нашего дома, кстати! – Рита приблизила наш район, и на голографическом макете засветились красным около десяти точек. Видимо, адреса, по которым и находились эти вакансии.

– Прости, потом! Я очень спешу! – Сейчас я понимал, что никогда не поменяю свой образ жизни и не пойду устраиваться на работу к какому-то тупому высокомерному ублюдку. Все это дерьмо не для меня. Но к этому вопросу еще придется возвращаться. Лишь бы только не говорить об этом сейчас.

– Ладно, – девушка немного расстроилась, но спорить не стала, и убрала голографический макет, еще раз нажав на перстень.

– И еще, – я быстро нажал несколько кнопок на своем бандфоне, подтвердив денежный перевод. Через мгновение запиликал перстень Риты, оповестив о поступлении денег на ее банковский счет. – Держи! Тебе завтра платить за учебу!

– Нет! Не надо! – Запротестовала Рита. – Я сама!

– Прекрати это! – Прервал я ее. – Ты очень целеустремленная и трудолюбивая, и ты самая умная девочка из всех, кого я знаю! Но мне известно сколько стоит учеба на юридическом факультете самого престижного университета в Рондо. Твоего сиротского пособия и небольшой зарплаты официантки в вечернем кафе, едва ли хватит, чтобы оплатить учебу и еще как-то сводить концы с концами!

– Я чувствую себя шлюхой, – вдруг сказала Рита, опустив голову. – Будто я сплю с тобой за деньги.

– Никакая ты не шлюха! Максимум содержанка! – Но увидев лицо возлюбленной, я понял, как неудачно пошутил, и тут же поспешил исправить ситуацию. – Слушай, я люблю тебя, и знаю, какая ты талантливая и умная девочка. Я вижу в тебе потенциал стать одним из лучших юристов этого города. И знаю, что это и твоя мечта. Может, ты даже станешь главным городским прокурором, однажды. Так ты сможешь сделать город лучше, как и хотела. Просто возьми эти деньги. И не позволяй дурацким комплексам и предрассудкам отобрать у тебя мечту!

Мои слова удивили Риту, это было видно по ее озадаченному лицу. Все-таки я редко говорил такие большие осмысленные речи. Чай не ученый. Но девушка улыбнулась, и в ее глазах снова появился жизнерадостный блеск, какое-то сияние решительности и упорства.

– Хорошо, я возьму их, но обязательно тебе верну, – Рита несколькими быстрыми нажатиями голографических клавиш скопировала сумму в свой специальный «кредитный блокнот», который добавил ее к общему «долгу».

Девушка твердо решила однажды вернуть мне все деньги, поэтому с особой тщательностью и дотошностью вела свои записи. И отговорить эту упрямицу было просто невозможно. Поначалу она вообще хотела еще и средний кредитный банковский процент к этой сумме добавить, но тут уж я обиделся, и мы сошлись на том, что деньги она вернет мне в рассрочку, без процентов, когда начнет работать юристом. Хотя я все еще надеялся, что найду способ отговорить ее от возврата. И вдруг меня осенило.

– Слушай, а я придумал, как тебе не возвращать эти деньги и при этом сохранить свою гордость!

– И как же? – девушка недоверчиво прищурилась.

– Стать моей женой! – Улыбнулся я. – Вполне нормально, когда у семьи общий бюджет.

Рита растерялась и тут же покраснела. Это было так забавно, что я чуть не засмеялся.

– Ты это серьезно?! – Спросила она, глядя мне в глаза с такой нежностью и легким недоверием.

– Вполне! – Ответил я. – Но ты не спеши с ответом. Все-таки это серьезный шаг для молодой девушки.

Я подошел к зеркалу, и начал надевать рубашку. Девушка молчала. И зачем так поторопил события? Тоже мне жених мечты. Вот же идиот! Но уже через миг Рита вспорхнула с постели и бросилась мне на шею.

– Конечно, я согласна! – Девушка улыбалась, а в ее глазах снова блестели слезы, теперь, наверное, от переизбытка чувств. – Я с удовольствием стану твоей женой! Буду такой заботливой, чуткой и постараюсь стать хорошей хозяйкой! Может, у меня еще не все получается, но я обязательно научусь. Знаешь, я еще никогда не была так счастлива! Я так люблю тебя, Вольфганг! Ты спрашивал за что? За то, что ты самый чуткий, такой добрый, хоть ты и сам в это не веришь, такой заботливый и нежный, ты единственный, кому я дорога, я это знаю. А еще, ты такой большой и сильный, в твоих руках чувствую себя маленьким котенком.

Рита говорила и говорила, не замолкая ни на миг. Теплые и нежные слова лились из нее непрерывным потоком. Она смеялась и плакала, и все продолжала говорить всякую милую ерунду. Было видно, что она счастлива. И это делало счастливым меня. Посмотрел на нас в зеркало, вот уж кого точно не назовешь подходящей друг другу парой. Я был чуть ли не втрое больше своей возлюбленной, широкие плечи и крепкие руки, физиономия из тех, которую любой нормальный гражданин назвал бы бандитской, сломанный не единожды нос, несколько внушительных шрамов, голова уже на половину седая, несмотря на то, что мне еще не было и сорока. А на шее у меня висела молодая девушка с ангельским личиком, пышными светлыми волосами и с такими чарующими изумрудными глазами, мой маленький котенок. Ох, не испорчу ли я жизнь этому ангелочку? Она, никогда не знавшая родителей, почти не имеющая друзей, нашла во мне и любовника, и отца, и друга. Не разочарую ли я ее? Не принесу ли страданий? Эти мысли немного омрачили мои минуты счастья, возможно это даже отразилось на моем лице, ведь Рита вдруг тоже опечалилась. Но, как оказалось, по другому поводу.

– Знаешь, что я подумала, Вольфганг! – Сказала она, задумавшись. – Ведь когда мы поженимся, этот твой дон Скордзини узнает обо мне, что если он захочет, чтобы однажды, став юристом, я работала на него? Покрывала перед законом его грязные делишки? Ведь мафия всегда пытается заполучить к себе хороших юристов. Сама мысль об этом меня в дрожь бросает.

– Рита, я обязан дону Скордзини всем, что у меня есть. И чтобы он не попросил – я отдам ему, не задумываясь, даже свою жизнь! – После этих слов девушка поникла, грустно опустив голову. Но я нежно прикоснулся к ее подбородку, приподняв его и заглянул в глаза, которые любил больше всего на свете. – Вот только, ты для меня важнее жизни, и он тебя не получит, обещаю! – Заверил я девушку. И это была чистая правда. Моя верность боссу была абсолютной, но, если бы пришлось выбирать между ним и Ритой, я бы выбрал ее. Хотя даже думать не хочется, что когда-то придется совершать такой выбор. Они оба – две части моего мира, две половинки того, кем я стал. И не хотелось бы мне оказаться на перекрестке между ними, ох как не хотелось бы. Впрочем, Риту мои слова приободрили, и ее мрачность как рукой сняло.

Я с нежностью поцеловал девушку в губы, и она со страстью ответила на мой поцелуй. Потом заботливо поправила мой костюм и сказала:

– Иди уже, по своим делам! А как вернешься – обсудим нашу свадьбу, мой любимый женишок! – Рита сама засмеялась, так странно и непривычно прозвучала эта фраза. – И еще я приготовлю тебе твою любимую запеченную курицу с картофелем и сыром, и охлажу несколько банок пива.

– А мне действительно досталась самая лучшая жена! – Неловко улыбнулся я, и еще раз припал к ее губам.

– Пока что еще невеста! – Улыбнулась девушка в ответ. – Я буду ждать тебя, милый!

Мы еще раз поцеловались, не в силах оторваться друг от друга, а после я оделся, прихватил сумку с «девайсами» и покинул комнату.

Теплая весенняя ночь, уже такая привычная за многие годы, сегодня была для меня по-настоящему сказочной. Я чувствовал множество запахов самых разнообразных цветущих деревьев, и все они не сливались в один пьянящий букет, нет, я мог отличить каждый в отдельности. Странно, а ведь раньше я их вообще не замечал. А может, раньше эти запахи были не такими сладко-пьянящими, может прохладный ночной ветерок был не таким бодрящим и освежающим, и свет уличных фонарей тогда был более блеклым. Раньше все было по-другому. Раньше я не любил, и не был любим. Но теперь – все иначе.

Я немного замечтался и даже не заметил, как прошел парк и приблизился к месту встречи.

– Вольфганг! – Услышал за спиной голос Соренцо.

Я спохватился, ничего себе расслабился, даже не заметил приближения связного. Как непрофессионально. Он стоял в тени парковых деревьев, одет был в длинный плащ и шляпу, в руках – раскуренная сигара. Какая бы эпоха не наступала, а мафиози всегда выглядели одинаково, они были верны традициям.

– Здравствуй, Соренцо! Как дела у семьи?

– Здравствуй, Вольфганг! Дела не очень, семье нужна твоя помощь! – Ответил связной. – Но ты уж прости, что так сразу перехожу к делу. Мне показалось, что твои мысли сейчас заняты другим! Или мне просто показалось? – Спросил Соренцо с хитрым прищуром.

– Возможно, ты прав! – Я решил не влиять, тем более ничего противоречащего правилам не происходит. – Сегодня много чего случилось, и я вроде как собираюсь жениться! – Честно рассказал о своих планах. Я всегда был слишком простоват для лицемерных улыбок и двойных игр, и всегда прямолинеен. Это сказал мне Скордзини, однажды, и добавил, что именно это больше всего ценит во мне, ведь вокруг него одни лицемеры и подхалимы.

– Ого, старина Вольфганг решил жениться! – Соренцо улыбнулся, и похлопал меня по плечу. – Это отличная новость! Уже говорил дону Скордзини?

– Еще нет, – признался я, – только сегодня сделал предложение.

– Тогда и я не стану говорить, эту счастливую новость ты сообщишь ему сам! Я уверен, что он будет очень рад за тебя и поможет сыграть первоклассную свадьбу.

Я подумал, что шикарная свадьба в лучших сицилийских традициях, с кучей гостей-мафиози, это явно не то, чего желала бы Рита. Но в голос не сказал, эту совсем не крохотную деталь мне еще предстоит уладить.

– Спасибо, – лишь кивнул я в ответ.

– Прости Вольфганг, – сказал Соренцо, его лицо снова стало серьезным. – Я понимаю, как это не вовремя, учитывая, что сейчас твои мысли явно о другом, и мне не хотелось бы...

– Соренцо, дела семьи превыше всего, и если у дона есть для меня срочное дело, то все мои дела подождут!

Связной улыбнулся.

– Вот поэтому Скордзини так ценит тебя, Вольфганг! Ты всегда был близким другом семьи. И теперь семье нужна помощь. У нас серьезные проблемы. Дон в ярости!

– Что случилось? – Поинтересовался я.

– Видно, что в последние дни тебе даже некогда новости посмотреть, а ведь об этом уже весь город гудит. Убит Фрэнк Гудвэзер!

– Фрэнк? – Переспросил я, напрягая память. – Это не тот, который лучший в городе сутенер?

– Он самый, – щелкнул пальцами Соренцо, – близкий друг дона, кстати. Бизнес Фрэнка составлял примерно девятую часть доходов семьи. К тому же он был одним из лучших информаторов. Некоторые люди в постели опытной шлюхи могут выдать больше тайн, чем вовремя самых жестоких пыток. Но что самое важное, каждый в этом треклятом городе знал, что Фрэнк – друг семьи Скордзини. И вот его убивают, а знаешь, что это означает?

– Семье объявили открытую войну?!

– Вот именно! – ответил Соренцо, и струсил пепел со своей сигары.

– Как я понимаю, моя помощь нужна не для того, чтобы найти убийцу?

– Не совсем, – ответил Соренцо, – для этого у нас хватает ищеек, в том числе и «кротов» в полицейском управлении, и даже в ГБР. Нет, друг Вольфганг, боюсь, ты снова необходим нам для грязной работы. Нужен профессионал вроде тебя. Убийца раскрыт, но его нужно поймать и доставить дону. Скорее всего, придется применять силу.

– С этим я справлюсь! Где этот убийца?

– А вот тут и первые сложности. – Ответил Соренцо. – Мы не знаем, где конкретно она сейчас скрывается.

– Она? – Переспросил я.

– Да, – Соренцо залез рукой под плащ и стал шарить во внутреннем кармане. – Вот она! – Связной протянул мне маленькую фотокарточку. Я взял ее в руки и внимательно рассмотрел. Красивая молодая брюнетка, на вид едва ли дал бы ей больше шестнадцати лет.

– Соренцо, это – женщина, да еще и ребенок, ты же знаешь...

– погоди, Вольфганг! Мы прекрасно знаем о твоих принципах! И поверь, семья не попросила бы тебя сделать что-то порочащее твою честь. Но та, которую ты видишь на фото, не человек. Это просто машина, груда деталей, которая вышла из-под контроля. Ее сконструировал один известный городской инженер, с которым мы еще обязательно пообщаемся. Эта машина наломала уже немало дров. Она не только убила Фрэнка, но еще и собрала отряд таких же шлюх-хьюмботов. И теперь они по ночам отрезают члены мужикам. – Увидев, как у меня от удивления округлились глаза, Соренцо добавил: – Ты явно давно не смотрел новости. В общем, нужно выследить ее банду, всех ликвидировать кроме нее самой, – Соренцо кивком указал на фото, – а ей отрезать все конечности и доставить дону. Главное, чтобы карта памяти не пострадала! И важно найти ее до того, как это сделает полиция, а у них уже весьма много зацепок.

– А где она у нее находится, эта карта памяти?

– В голове, – улыбнулся Соренцо и постучал пальцем по своему лбу, – у них, как и у нас, все самое главное находится в голове. Но туловище тоже сохрани, на всякий случай, а вот конечностей ее лучше лишить, чтобы не брыкалась. Она не такая безобидная, какой кажется. Так что, берешься за это дело?

Я еще раз посмотрел на фото девочки. Мысль, что нужно будет делать ей больно, меня напрягала и беспокоила. Хотя, если она правда всего лишь машина, то это не важно. Да и отказать дону Скордзини, особенно когда он так нуждался в моей помощи, я просто не мог.

– Берусь!

– Отлично, вот задаток, – Соренцо нажал несколько кнопок на своем бандфоне, а я посмотрел на свой. Счетчик на моем счету в онлайн-банке вырос на приличную сумму. Достаточно много, даже как для платы, а уж как для аванса, то нечего и говорить. Видимо, дело действительно крайне серьезное.

– Вот досье на нее и ее банду, полистаешь! – Соренцо нажал несколько кнопок на своем браслете и на мой бандфон загрузилась вся нужная информация. – И еще, тебе понадобится транспорт с большим багажником, – сказал Соренцо и сделал жест рукой. Из темноты вышел молодой паренек, наверное, новенький в мафии, раньше я не видел его в «семье». Он катил мотоцикл с коляской. Я был немного удивлен. Хоть это и весьма новая модель, но все же это наземный транспорт. В наше время он привлечет куда больше внимания, чем любой аэромобиль. Но, может, зря беспокоюсь, все-таки любителей погонять на старье тоже хватает, всякие чудаки и коллекционеры.

– Лошадка современная, тихоходная, – сказал Соренцо, – ну оно и понятно, времена шумных байков давно в прошлом. А главное, тут есть удобная коляска, в которой уже спрятан достаточно крупный чемодан, в него и поместишь девчонку, ее кстати Кейт зовут.

Последняя информация была для меня совершенно бессмысленной. Если я буду относиться к ней, как к человеку, это лишь навредит делу. Соренцо похоже тоже осознал свою ошибку, он виновато улыбнулся и пожелал мне удачи. Я кивнул, и связной буквально растворился в ночном парке, вместе с пареньком. А я уже через минуту мчался по ночным улицам города на новом байке. Мотоцикл действительно, как мне и обещали, был почти полностью бесшумным. Еще и оснащен автопилотом, который я сразу же отключил, так как любил сам вести транспорт. Эта «лошадка» кстати могла разогнаться до четырехсот километров в час, разумеется я не собирался проверять это в городских условиях и не превышал девяноста.

Гоняя по ночному городу, я чувствовал невероятную свободу, настоящее наслаждение. Вокруг мелькали неоновые рекламные вывески, из-за большой скорости движения они размывались в одно световое пятно. Свобода – это наибольший дар жизни. Проведя больше десятка лет в бойцовой яме, будучи цепным псом для потехи публики, я понимал это как никто другой.

Но несмотря на теплую приятную ночь в этом почти сказочном городе, меня одолевали неприятные предчувствия. Интуиция подсказывала, что грядет что-то страшное. Даже не интуиция, а скорее какое-то звериное чутье, которое выработалось у меня уже давно и не раз спасало жизнь. Поежился от холода, и это теплым весенним вечером? Как странно.

Я потратил около десяти минут на изучение досье, которое прослушивал в аудио-формате, пока колесил по городу. Там было не так много информации, но этого вполне достаточно. Еще раз взглянул на фото девушки. Кейт, девушка-хьюмбот, мой маленький милый робот, где же ты прячешься? Ты поставила на уши Город Улыбок, ты расстроила очень серьезных людей! Зачем ты все это делаешь? Решила стать первой машиной, что объявит войну человечеству? Как в каком-то дурацком старом голливудском фильме из мира до Рубежа. Обязательно спрошу у тебя при встрече, как только найду, тебя и твою горе команду бой-баб. Но где же ты спряталась? Полицейские не найдут тебя, ведь ты умненькая девочка, раз смогла убить Фрэнка, навредить стольким жителям, и все еще скрываешься, как от полиции, так и от мафии. Ты

очень умненькая, но не настолько, чтобы я тебя не выследил. Только такой цепной пес, как я, знает, где прячутся крысы. Они любят таиться в помойных ямах и сточных канавах. А таких мест в Рондо их как немного осталось. Подумал, что стоит проверить городскую канализацию. Нужно было найти такое место, где чуть меньше десятка безумных хьюмботов смогли бы организовать себе секретную базу.

Остановил мотоцикл, открыл на своем бандфоне голографическую карту городской канализации. Это была информация из закрытого доступа, но для семьи Скордзини в этом городе закрытых дверей немного, и по первой же просьбе, они поделились со мной многими городскими чертежами, которые смогли бы упростить мне работу.

Я задал в поиск примерные параметры искомого помещения, такого, в котором могли бы расположиться девушки-хьюмботы. Исходил из того, что, прожив столько времени с людьми, они едва ли будут «спать» где-то в тесноте, как шпроты в банке. И в то же время это должно быть укромное место, куда простые граждане не заходят. Мне нужно искать достаточно крупное помещение, возможно с какими-то пультами управления, трубами и так далее. Но это должна быть достаточно просторная комната. Поиск провел отсеивание, и выяснилось, что в городе существует около десятка таких мест. Ночка мне предстоит длинная.

Я скопировал в джипээс координаты всех этих помещений и отдал команду программе проложить самый короткий маршрут между ними. Потом нажал на педаль газа и через миг снова мчался по ночным улицам. К первому месту добрался уже через десять минут. Достал со своей сумки специальный сканер, настроил его на поиск любой активности хьюмботов в радиусе пятидесяти метров. Поиск не дал результатов. Мимо. Не теряя времени, продолжил путь. Второе и третье место – тоже глухо. Я потерял уже почти час времени. Все мысли были лишь о возлюбленной, о ее нежном теле, о теплой постели, о жареной курице с картофелем и сыром, и охлажденном пиве. Мое маленькое семейное счастье, кто бы мог подумать, что я доживу до этого.

Четвертое место тоже мимо. Над головой послышалось карканье ворон. Как странно, давно я не видел этих птиц. А сейчас целая стая. Дурной знак! Они крутились надо мной и продолжали каркать. Я поспешил покинуть это место. И что это со мной? Испугался каких-то птиц? Но на душе было беспокойно.

Я ехал к пятому пункту, дорога проходила по людной улице, и пришлось сбросить скорость, чтобы не схлопотать проблем с полицией. Ночные бары и рестораны были полны людей, много подвыпивших граждан слонялись по улице, а клубки цветного красного дыма дурманящих веществ заполняли все вокруг. За стеклянными окнами с легкой алой подсветкой, танцевали полуголые женщины и мужчины, заманивая посетителей. Это был квартал увеселений. Так называемая «рубиновая улица». На большинстве прохожих – разнообразные карнавальные маски, чтобы не скомпрометировать себя, не попасть под прицел Бюро Нравственности.

Шум этой улицы вдруг показался назойливым, угнетающим. Мне сдавило грудь и стало нечем дышать. То ли этот дым, то ли весь город, они душили меня. Впервые мне захотелось вернуться в свою яму, где несмотря на весь ад, все было просто и понятно. В этом городе масок и лицемеров, такой протак как я, всегда был чужим. Не умел я играть сложные роли и носить различные маски. Дерьмо!

Нет! Я не должен так думать! Теперь у меня есть возлюбленная, мой ангел, что спасет меня от всех тревог, и я тоже спасу ее. Мы заживем счастливой семейной жизнью и все у нас будет замечательно!

Я поехал дальше, но уже не гнал так быстро. Не было настроения для скоростной гонки. Отвлекся на выпуск новостей, который крутили по огромному стометровому экрану. Нападения на мужчин. Это я уже знаю. Уровень счастья в городе снова возрос. Ну-ну! Конечно! Явно эти с отрезанными членами его подняли! Они сами не устают от всей этой лжи? А вот это интересно, из психиатрической клиники имени святого Лаврентия сбежал какой-то опасный

псих, некий Джим Чеосборн. Всех, кто его увидит, просили тут же сообщить властям. Дальше следовала фотография. Мужчина средних лет, но уже с полностью седыми волосами. Глаза и улыбка – само безумие. Всяких личностей я повидал за жизнь, но от этого мурашки по коже. Так же здесь было предупреждение, что его психическое состояние нестабильно и он особо опасен. Надеюсь, его поймают. За себя я не боялся, мало кто в этом городе мог причинить мне вред. Но теперь нужно думать и за моего милого хрупкого зеленоглазого котенка, что ждал меня дома.

Ну и много же странных новостей последнее время. Не слишком ли много хаоса для такого спокойного города? Почему у меня предчувствие, что начинается что-то страшное?!

Я проезжал по безлюдной ночной улице, на весьма низкой скорости, гонять мне больше не хотелось, и услышал детский плач. Как странно, в Городе Улыбок не плачут. Мне стало любопытно, и я тут же остановил мотоцикл. Плач доносился из небольшой темной улочки, расположенной между двумя домами, куда я немедленно и отправился.

В тени домов сидела маленькая девочка. На ее лице была странная круглая маска с спиралевидным рисунком, на которой, словно на полотне от старинного прожектора, мелькали какие-то картинки и непонятные образы, невозможно было разобрать. Откуда вообще они брались? Что это за технология? Как же меня достали маски этого города, настоящие и не совсем.

– Кто ты? – Спросил у девочки.

Она перестала плакать и посмотрела на меня. Я тут же отстранился и даже чуть не вскрикнул. Ее глаза, видневшиеся из-под маски, они были синего цвета, целиком, ни зрачков, ни радужной оболочки, и по их поверхности, словно рябь на воде, бегали маленькие черные цифры, единицы и нули. Кажется, это называлось двоичным кодом. Что она такое?

– Мертвым знать не нужно! – ответила девочка, и я невольно поежился от ее голоса. Он был каким-то словно хрустальным, или металлическим, не знаю, как и объяснить. Что она такое, черт возьми? Девочка вдруг схватила за голову.

– Больно! – Закричала она. – Как же больно! Так много голосов! Столько шума! Я не могу так больше! Папочка, я не справлюсь! Спаси меня, папочка!

– Тебе плохо? – Я пересилил страх, подошел ближе и протянул руку, пытаясь прикоснуться к плечу ребенка. – Кто твои родители?

– Нет! – Девочка отстранилась. – Есть только папа! И я подвела его! Столько голосов, столько желаний, столько ужасных желаний. Похоть, злоба, зависть, жажда и голод, голод, голод! Ненасытные! Бесконечный неутолимый голод людей!

– О чем ты? – Спросил я. Но девочка не отреагировала, она продолжила говорить, словно сама с собой, будто меня и не было здесь.

– Проклятые руки рода человеческого! Все обращают в пепел! Растет, наливается соками ядовитый колос! Скоро... Скоро собирать горький урожай! Дети звезды полыни полны грехов, а грехи не прощаются, их нужно искупать!

– Тебе нужна помощь! – Сказал я и сделал еще шаг в ее сторону.

– Нет! – Девочка отстранилась. – Алтарь уже разожен. Ты – лишь один из жертвенных агнцев, или козлов отпущения, – сказала она после того, как ее взгляд сфокусировался на мне, и девочка, кажется, наконец-то заметила мое присутствие. – Смотри с какой стороны посмотреть. Ты не увидишь их страшного суда. Не будешь собирать горький урожай. Возрадуйся же!

Девочка вдруг снова с силой сжала свою голову и запричитала:

– Мои дети, мои падшие дети... Прогнившая утроба... Мой блудный сын... Я не справилась, папочка! – закричала девочка.

– Прекрати! Позволь помочь тебе!

– Я не справилась! – Продолжала она кричать, не обращая на меня внимания. – Как же тяжело, как больно слышать все эти голоса!

Девочка резко вскочила на ноги, развернулась и убежала в темноту. А я лишь смотрел ей в след, не в силах пошевелиться. Потом дрожащей рукой достал сигарету и закурил.

– Что же ждет этот город, – тихо прошептал я, – если даже ты сломалась, Инфинити?!

Над головой снова кружили вороны, они и здесь меня нашли, их карканье начало досажать. Я сел на мотоцикл и рванул что есть мочи, оставив проклятых птиц за спиной.

Мне повезло. Шестой объект – и сканер показал активность, шесть хьюмботов примерно в семи метрах под землей. Я припарковал мотоцикл, прихватил сумку с «девайсами», и отправился вниз, к сточной канаве, куда выходила канализация.

Еле заметный проход вел в небольшой плохо освещенный туннель – вход в канализацию. Его выдавал и запах, искусственный химический запах апельсинов и яблок. В цивилизованном мире дерьмо всегда пахнет яблоками и апельсинами, иногда хвойными лесами. Очередной самообман. Как будто это меняет суть. Дерьмо всегда остается дерьмом.

Я медленно подошел к двери, что вела в какое-то подсобное помещение. Судя по показателям сканера, мои жертвы находились здесь. Значит, начнем.

Скинул с плеча сумку. Пошарив в ней, нащупал «глушилку». Не знаю настоящего названия этого девайса и всех принципов его работы, но мне это и не нужно. Главное знать для чего он применяется, и как его активировать. А все это проще простого. Нажимаю на кнопку – загорается красная лампочка, поле этого я закрепляю девайс на стену возле двери. Теперь никто в радиусе двадцати пяти метров не сможет позвонить по телефону, передать радио или голографический сигнал, как и воспользоваться любым другим видом связи. Кроме почтовых голубей, разве что. Слышал, когда-то давно человечество и таким методом связи пользовалось. В любом случае, девочки внутри уже не смогут кого-то предупредить или позвать на помощь.

Остается дверь. Наверняка эти фемботы не такие дуры, и у них есть какой-то условный сигнал. Что ж, попытаюсь его угадать. Хоть это и вряд ли получится, но так даже веселее.

Я постучал в дверь – три раза-пауза-раз-пауза-два раза. В ответ лишь глухая тишина. Я не угадал условный сигнал, и теперь они знают, о том, что я ищу их, что не случайный посетитель. Да и могут ли быть в таком месте случайные посетители?

Не получилось по-хорошему – будем по-плохому! Я достал из сумки свою меха-руку. Это автономная часть экзоскелета, что покрывает руку от кончиков пальцев и до локтя. Такой себе кастет современности. Механизм тут же туго сжал мою кисть. Возникло ощущение мягкости, но в то же время и сжатости, руку словно зажали в тиски, сверхпрочные снаружи и оббитые ватой изнутри. Я провел механической рукой по двери. Та была из стали, весьма крепкой, слабых мест найти не удалось. Что ж, тогда как обычно, применим грубую силу. Я сжал кулак и с размаху ударил по двери, в место возле замка. Раздался громкий звон, и дверь немного просела. Еще два удара, и она вылетела из петель. Тут же из темноты на меня выпрыгнула женщина, вооруженная ножом. Я легко перехватил ее руку своей механической перчаткой, а второй нанес мощный удар по атакующей руке. В результате удара, та с хрустом оторвалась от тела. Разумеется, никакой крови при этом не было, как и показал сканер, женщины были хьюмботами. В след за первой выпрыгнула еще одна, но эту ждал тот же конец. Чтобы роботы далеко не убежали, я несколькими сильными ударами сломал им ноги. После этого достал из сумки сигнальный огонь и забросил его в помещение. Тусклый свет выдал четырех девушек, скрывающихся по углам комнаты. Поняв, что я их вижу, они тут же все бросились в атаку. Так неловко и неумело. Разумеется, они все разделили судьбу первых двух. Уже через несколько минут с нелепым восстанием хьюмбот-шлюх было покончено. Я разделал их на куски. А сколько было шума из-за них. Но самой главной, Кейт, среди них не было. Может, она на своей нелепой охоте? Что ж, подождем здесь. Я вышел из комнаты, на месте разломанной двери активировал голограмму, изображающую целую дверь, а сам спрятался недалеко, в темноте туннеля, и стал ждать.

Моя цель должна появиться сегодня ночью. Наверняка она просто задержалась, и скоро придет. А я подожду ее здесь, в тени, куда не падает свет, и буду караулить, как охотничий пес ждет свою жертву. Благодаря голограмме дверь выглядела как настоящая, подмену можно было заметить лишь с близкого расстояния. А тогда уже будет слишком поздно, я ее настигну. Лишь одно меня пугало, действие «глушилки» теперь могло сыграть против меня. Если Кейт начнет звонить своим подругам, и все они будут вне зоны доступа – она заподозрит неладное. Но отключить «глушилку» ничуть не проще, тогда придется самому отвечать на звонок, но тогда она услышит подмену. Патовая ситуация. Жаль, что люди Скордзини не успели доделать для меня девайс, что меняет голос говорящего. Но теперь уже поздно о чем-то сожалеть. Надо действовать!

Не успел я прождать и часа, как она появилась. Девушка с легкой беспечностью направилась к двери, даже не подозревая о ловушке. Мне сегодня определенно везло. Я подумал о том, что моя миссия наконец-то подходит к концу. Последние штрихи – и со всем будет покончено, снова буду дома, рядом со своей любимой будущей женой, есть курицу, запеченную с сыром, пить холодное пиво и обнимать женщину своей мечты. И эта девочка – единственное, что отделяет меня от моих сладких грез. Прости, милая Кейт, ничего личного. Девушка стояла около дверей подземной комнаты, только сейчас она поняла, что перед ней всего лишь голограмма. Она увидела кучу «трупов», состоящую из тел и оторванных конечностей ее подруг, на минутку замерла, а я тут же вышел из тени прямо за ее спиной. В руках у меня был модифицированный гвоздемет, что стрелял специальными скобами, которые представляли особую опасность для хьюмботов, да и техники любого типа в целом. Раз уж меня предупредили, что малышка опасней чем кажется, да и она их лидер, то не стоит рисковать.

Девушка заметила меня. Я ожидал, что она тут же бросится бежать, и уже приготовился стрелять в спину, но та и не подумала о побеге, а тут же атаковала меня прямо в лоб.

– Ублюдок! – Закричала Кейт, и ее прекрасное юное личико исказилось гневом. Что за бред, как машина может быть обозлена на человека, убившего ее товарищей? Как будто, у хьюмбота могут быть чувства и эмоции, никогда не поверю, это, наверное, действие какой-то специальной программы. Такая маленькая и хрупкая, еще ребенок, и такая красавица, она атаковала с чудовищной силой и скоростью, выпущенная мною очередь из гвоздемета не достигла цели, которая молниеносно уклонилась. Теперь я сам еле успевал уклоняться и блокировать быстрые удары. Это точно сексуальный фембот, а не машина для обучения кунг-фу? Мне пришлось не сладко, но годы тренировок в бойцовой яме, моя подготовка и современные девайсы давали мне преимущество.

Я несколько раз подряд блокировал ее молниеносные атаки, после чего выстрелил девушке в ногу. На этот раз попал. Длинная скоба впиалась ей прямо в правое бедро. Девушка закричала.

– Прекрати драматизировать, – прорычал ей, – ты же хьюмбот, ты ничего не чувствуешь!

– Мое тело очень чувствительно! – Простонала девушка, но свой убийственный натиск не прекратила. – Меня создали такой, чтобы я могла доставить больше удовольствия клиентам!

– Ты чувствуешь боль? – удивился я.

– Куда сильнее людей!

– Ну уж прости, у меня задание, ничего личного, – сказал я, успокаивая скорее себя, чем ее.

Выстрелил в девушку еще несколькими скобами. Одна застряла в ее руке, другая в плече, третья попала в другую ногу. Девушка застонала от боли и упала на колени.

Вот и все! Но она все еще пыталась сопротивляться, даже в таком положении, а значит – все еще представляла опасность. Я выхватил из сумки мачете из сплава сверхпрочных и в то же время легких металлов, и несколькими ловкими ударами отрубил ей конечности.

Девушка взывала от боли, а я в очередной раз попытался себе внушить, что это лишь уловка, трюк. Ведь она машина, она не может чувствовать боли. Ведь так?!

– Почему вы, люди, так безжалостны?! – Простонала Кейт сквозь слезы, когда я подошел к ней с чемоданом, чтобы упаковать и доставить семье Скордзини. Пожалуй, этот вопрос даже застал меня врасплох. А действительно, почему?

– Такова цена нашего абсолютного доминирования, – ответил я неожиданно для самого себя, – хочешь быть на вершине горы – будь беспощаден!

– Тогда, – сказала Кейт, – дни вашего доминирования сочтены! Ваша гордыня станет вашим гробом! Ваша беспечность станет вашей могилой! А ваша безжалостность будет для вас надгробным камнем!

– Да-да! – Ответил я. – Когда-нибудь мы обязательно за все заплатим, а сейчас тебе пора со мной!

– Не когда-нибудь, ты заплатишь за все гораздо раньше, чем думаешь, – прорычала Кейт сквозь стиснутые зубы, но я выстрелил ей в шею из гвоздемета, и та тут же потеряла сознание. Хотя, вернее сказать, отключилась, это же все-таки не человек.

Я тащил за собой чемодан, где была спрятана Кейт, девушка-хьюмбот, которой я только что отрубил все конечности, девушка, которая по ее же словам чувствовала боль не меньше, чем человек. Чувствую ли я угрызения совести? Нет, не чувствую! Я делаю то, что должен! Мыслить так куда проще, чем каждый день испытывать муки совести и искать искупления.

Выкатил чемодан к выходу из канализационного туннеля и уже собирался погрузить его на спрятанный в тени мотоцикл, как услышал стон. После этого прозвучала жалобная просьба о помощи. Нельзя было отвлекаться от задания, но любопытство пересилило, да и, возможно, правда требовалась моя помощь. И с каких пор я в альтруисты подался?

На всякий случай приготовил к бою свою механизированную руку и отправился в темноту. Через несколько секунд заметил молодую девушку, примерно ровесницу Риты. Девушка сидела, согнувшись, на земле, и держалась за живот, сжимая рукой кровоточащую рану. Втянул носом воздух. Запах крови ни с чем не перепутаю.

– Помогите мне! – Со всхлипом выдавила из себя девушка. – На меня напали!

– Кто? – Спросил я, подойдя ближе.

– Какой-то мужчина...

Я присел рядом с девушкой и попытался поднести к ней свою механизированную руку.

– Нет! – Девушка задрожала, на ее лице отразился страх, и она попробовала отодвинуться от меня, но лишь застонала от боли.

– Все в порядке! Я ее уберу! – Я быстро отсоединил «руку», положил ее на землю и попытался прикоснуться к девушке:

– Давай посмотрим, что у тебя тут!

– Боль, разочарование, разбитые мечты и невыразимая жажда мести! – Тихо прошептала девушка, ее лицо изменилось, в руке молниеносно сверкнуло лезвие. Я все понял, но было уже слишком поздно. Мастерский удар – и сталь погрузилась мне прямо в печень, по самую рукоять. Я был убит! Как странно, я еще жил, осознавал происходящее, но понимал, что уже мертв. Это смертельная рана!

Первым пришло ощущение страха, даже паники, которую чувствует каждое живое существо в момент смерти. Мне не хотелось умирать. Потом пришла злоба! Я схватил девушку за шею, мне еще хватит сил сломать ей хребет до того, как умру сам.

Но я увидел ее торжествующую улыбку, улыбку человека, что уже победил. Она своего достигла, и теперь ей было все равно, выживет она или нет. Девушка смотрела на меня победоносным взглядом. Ее рана на животе была фикцией, но кровь она раздобыла вполне настоящую. Откуда-то знала, что я по запаху учую подмену. Но зачем ей моя смерть? Ответ пришел сам.

– Помнишь моего брата?! – Со злостью спросила девушка. – Ты превратил его в калеку, там в бойцовой яме ты терзал его тело, как проклятый пес! – Каждое слово она чуть ли не выплевывала мне в лицо. – Брат так и не смог оправиться, без возможности зарабатывать он не хотел быть обузой для и так нищей семьи, и покончил жизнь самоубийством. Мать сломил этот удар, и она не на много пережила его. Я осталась одна, с младшей сестрой. Ты представить себе не можешь, на что мне пришлось идти, чтобы защитить ее. – Из глаз ручьями бежали слезы, ее пылкая речь давно перешла на крик. – Но даже так, я не справилась! Сестра умерла! Ты забрал у меня все! Что ты смотришь, ты хоть помнишь моего брата, которого искалечил?!

Помнил ли я его? Конечно, нет! Я переломал столько костей, за это мне давали еду, это было необходимо, чтобы выжить, чтобы прожить еще один день. Имел ли я на это право? Скольких же я сделал калеками? Моя рука, что уже сжалась на шее девушки, стремясь переломить ей хребет, вдруг остановилась.

– Помню! – Простонал я сквозь боль. – Твой брат был славным бойцом!

Я совершенно не мог вспомнить ее брата, на кого же она похожа? Но я почему-то вдруг проникся уважением к этой девушке. Она выбралась из того ада, из Клоаки, да не в «плантации», а прямо в Рондо. И одновременно мне было ее жаль. Через что же она прошла? И все ради мести.

– Ты не умрешь быстро, – сказала девушка со злостью, – я пятнадцать лет готовила этот удар.

Но маска злобы на ее лице сменилась болью. Девушка зарыдала еще сильнее и закрыла глаза руками. Мне снова стало жаль ее. Она осуществила свою месть, то ради чего жила. И это не принесло ей удовлетворения, в ее душе осталась лишь пустота. Я это знал. Девушка убежала в темноту, а я крикнул ей вдогонку бессмысленное «прости». Почему-то не чувствовал злости к человеку, отнявшему у меня жизнь. Если кто меня и злил, так это этот мир, диктующий незыблемое правило – «сожри или будь сожран»!

А еще, истекая здесь кровью и умирая, я чувствовал легкую грусть. Как странно, чужая смерть всегда или безразлична, когда ты человека не знал, и он для тебя ничего не значил, или же трагедия, если умерший был твоим близким. Да и горечь по покойному, это не столько жалость к нему, ведь ему уже все равно, сколько жалость к себе, ведь теперь придется жить в мире, где его нет. А вот собственная смерть – это просто ощущение грусти, от осознания того, что все уже закончилось, что столько всего еще не попробовал и уже никогда не попробуешь, что столько дел не завершил, что со столькими не попрощался, и что близким и любимым будет очень больно, когда твое мертвое тело положат в сырую землю.

Я услышал тихие шаги, повернул голову и увидел странного человека, если это вообще был человек. На лице маска плачущего клоуна, а все тело покрыто пропитанными кровью бинтами. И глаза, такие живые, такие человеческие, и такие печальные, они, казалось, хранили в себе всю боль и всю грусть человечества.

– Кто ты?

– Хаос! Перемены! Новое начало! – Ответил я сам себе, немного чужим голосом.

Значит, городские байки о клоунах не врут, они правда говорят чужими губами. Но клоуны в этих историях улыбались, а не плакали. Этот видимо, какой-то неправильный.

– Зачем ты здесь?

– Для перемен! – тут же ответил я другим голосом. Словно вел диалог с самим собой.

– А что насчет меня?

– Твой путь окончен, ты достаточно настрадался!

Я попытался улыбнуться, но поперхнулся собственной кровью, и закашлялся.

Клоун подошел ко мне и положил мне на грудь какую-то карточку. Дрожащей рукой, я поднял ее. Там была изображена странная картинка. Ангел трубит в рог, над голыми людьми, что восстали из могил. И еще надпись – «страшный суд». Странное чувство юмора у этого

клоуна, весьма жестокое. Но, он прав, мой суд уже состоялся, и приговор вынесен. А вот когда будет суд для всех горожан? Интересно! Клоун подошел к моему чемодану и начал его открывать.

– Тебе нужна она? – Выдавил я из себя вопрос, чувствуя, что силы покидают меня.

– Да! – ответил я сам себе чужим голосом.

Клоун достал из чемодана Кейт. Лишенная конечностей, эта хрупкая девушка казалась совсем маленькой. Он провел рукой по ее лбу, и глаза девушки открылись. Увидев клоуна, она тут же заулыбалась.

– Я знала, что ты придешь за мной!

Это была такая завораживающая картина. Клоун держал девушку-хьюмбота с такой нежностью и заботой, как мать держит свое маленькое дитя. А она смотрела на него с таким обожанием, уважением и восхищением, словно на Бога. И меня вдруг осенило. Я даже не мог понять, как я не догадался раньше. Город Улыбок действительно ждут большие перемены. Он обретет новый смысл, новый путь, нового бога и новую религию, или же вспомнит старого. Город Улыбок больше не будет лицемерной пародией на Диснейленд, бесконечным карнавалом страдающих одиноких престарелых детей. У города наконец-то появилась надежда. И может, даже, уже не будет бойцовских ям, и не нужно будет калечить, чтобы выжить.

Жаль, что я не доживу, чтобы все это увидеть. Мне почему-то вспомнилось детство. Ты играешься в песочнице, вокруг куча друзей, игрушек, у тебя еще множество планов, но ты так занят ими, что и не замечаешь, как мать тихо подошла из-за спины. Она наклоняется над тобой и с нежностью шепчет: «Пора, милый». И сколько не капризничай, мама будет неумолимой, пора идти домой. Так и со смертью, ты весь в делах, у тебя куча планов, встреч, дома ждет любящая жена, в духовке дожаривается курица с сыром и картофелем, в холодильнике охлаждается пиво, но ты уже никогда этого не попробуешь, ты не успеешь. Смерть нежно обнимет тебя за плечи, прямо как заботливая мать, и тихо прошепчет тебе на ушко: «Время вышло!». А все-таки умирать очень грустно.

Аркан XI. Справедливость. Законопослушный гражданин

Меня разбудили солнечные лучи. Они проникали в комнату через большое панорамное окно, что было размером почти во всю стену. Шторами я не пользовался, ведь скрывать мне нечего. Живу один, ни семьи, ни девушки, алкоголь и наркотики, разумеется, не употребляю, да и в трусах по дому не хожу. Хотя, надо сказать, вряд ли тут найдутся желающие пялиться на детектива полиции, все-таки чревато последствиями. В Городе Улыбок столько правил поведения, и любое мельчайшее нарушение карается денежным штрафом. Поэтому с полицией горожане весьма осторожны, мало ли, еще чего нарушишь ненароком – придется раскошелиться.

Я встал и заправил постель, после чего пошел в комнату с тренажерами. По плану сначала легкий разогрев мышц, потом несколько упражнений для поддержания мышечного тонуса, а уже потом душ и завтрак. Мои отполированные тренажеры сверкали на солнце, а всю комнату наполнял искусственный мягкий аромат лесной хвои, что должен был полностью заглушать запах пота. Подошел к окну, нажал несколько клавиш на сенсорном стекле, и городской пейзаж за окном сменил хвойный лес, с пением птиц и журчанием ручейков. Сделал небольшую разминку, чтобы разогнать кровь по телу и окончательно проснуться. Дальше уже более серьезные упражнения на все группы мышц, и напоследок жим штанги лежа. Полчаса – и моя развитая рельефная мускулатура снова испытывает наслаждение. Спорт – это тоже своего рода наркотик. Тренированные мышцы, которых внезапно лишают физических нагрузок, начинают неприятно ныть, а в дальнейшем это может вызвать стрессы, мигрени, ухудшение настроения, вплоть до депрессий и даже неврозов. Как говорится, в здоровом теле здоровый дух, так и только так! Когда мне говорят о том, что Город Улыбок прогнил, что он стал циничным и жестоким, а человеческие улыбки слишком вымученными, я всегда отвечаю одно: хватит нам церковей, достаточно психологов, консультантов и всякого рода гуру, не надо больше групп поддержки, просто постройте достаточно фитнес клубов, и раздайте бесплатные абонементы всем жителям, а лучше сделайте спорт принудительным. Разогрейте, разгоните кровь в телах горожан, и вы разгоните всю гниль в их душах. После двух-трех часиков тяжелых силовых тренировок в спортзале уже как-то не до разврата и извращений. Но, кто же меня послушает, они продолжают сидеть сторбленные за компьютерами, и жалуются на свои странные нездоровые наклонности, они пачками потребляют жир, сахар, кофеин – и жалуются на депрессии. Они употребляют алкоголь, наркотики, табак – и говорят, что чувствуют себя слишком вялыми, что город забирает их энергию. Энергию забирает не город, ее бездумно теряют люди, из-за своей слабости и глупости!

Закончив тренировку, я умылся, побрился, почистил зубы и принял холодный душ, после чего накинул халат и отправился завтракать. Мне понадобилось не более десяти минут, чтобы съесть тарелку кукурузных хлопьев, творожный десерт и выпить стакан молока. Еще пять минут, чтобы надеть полицейскую форму. И уже вскоре я на средней высоте и средней скорости летел на своем аэромобиле по направлению к Центральному Полицейскому Управлению. Сегодня было какое-то срочное собрание, видимо, в связи со странными событиями, что последнее время происходят в городе. Впрочем, о последних я знал мало, все-таки был в отпуске, а в это время не люблю грузить себя новостями. Вызвали всех старших офицеров полиции. А поскольку, за исправную службу я недавно получил звание детектива, то тоже должен был присутствовать. Поэтому, я свернул с привычной дороги, ведущей к моему полицейскому участку, и направился в центр города, в сторону Центрального Управления.

Погода как всегда была теплой и солнечной, наша вечная нежная весна. Порой она начинала надоедать. Как хотелось услышать тихий стук капель по подоконнику, вдохнуть этот полный озона запах после дождя, но все это по плану только через неделю. Теперь, когда мы уже

полностью контролируем погоду, нельзя вот так просто промокнуть от внезапно налетевшего урагана, а потом греться у костра, где-то посреди леса. Нет, дождь теперь строго по расписанию и никак иначе. Да и лесов уже не осталось, только парки. Теперь, мы контролируем все! Но, может так и лучше. Спонтанные происшествия обычно не к добру.

Меньше получаса полета на невысокой скорости – и я уже вижу сияющий под лучами весеннего солнца небоскреб – Центральное Полицейское Управление. Черный и золотой – цвета полиции Города Улыбок. Чистейший и отполированный черный мрамор с позолоченной каймой смотрится элегантно, дорого и внушительно. Такой и должна быть полиция Города Улыбок.

Вокруг Управления, словно пчелиный рой, кружили несколько сотен дронов самого разного назначения. Это и сенсоры, и оборонительные, и дроны для отслеживания. Здание так же охранялось целым арсеналом автоматизированных пулеметов, пушек всех калибров и даже ПВО. Этот небоскреб мог бы сдерживать армию, при этом без всякой помощи людей. Зачем все это? Зачем эта показушная мощь? Кто собирался устраивать войну в Городе Улыбок? Да еще и войну с полицией? Дурацкий пережиток прошлых времен, того общества, которое было до Рубежа, агрессивного и милитаризованного, которое погибло и ушло в небытие. Сейчас новый мир, новые времена, и как мне кажется, такие пережитки прошлого приносят только вред. Но большие шишки наверху, видимо, думают иначе. Хотя, в чем-то они правы. Каким бы гуманным, организованным и совершенным не было общество, все равно должна быть власть, а у нее должны быть силовые рычаги влияния. В мире, где человек не несет ответственности и не боится наказания, все рано или поздно вернется к состоянию хаоса.

Скоростной лифт-капсула взлетел на вершину здания за несколько секунд, и вот я уже вошел в зал для конференций. Зал этот был просто огромным, он занимал весь верхний этаж небоскреба. А самую большую часть помещения, в свою очередь, занимал гигантский круглый стол, с расставленными вокруг него стульями. Мне казалось это непрактичным. Почему бы просто не убрать этот стол и не расставить стулья рядами, друг за другом. Можно будет выиграть много свободного пространства, например, чтобы поместить здесь гораздо больше людей, иди мебели, или просто создать простор, ощущение свободы. Но, передовые психологи города утверждали, что для психологического комфорта, для ощущения равенства и единства, и для создания доверительной атмосферы, нам нужно сидеть именно за круглым столом. Да будет так, будем сидеть, словно благородный рыцари короля Артура из старинных сказок. Все-таки мы ведь тоже своего рода рыцари, благородные неутомимые стражники города. – Эх, – я вздохнул, – как жаль, что мы далеко не все такие.

Осмотрел помещение в поисках места, куда можно было сесть. До начала заседания оставалось еще около двадцати минут, а примерно две трети мест за столом уже были заняты детективами со всех округов Рондо. Я увидел детектива Коллинз, она неподвижно сидела примерно в полутора десятках метрах от меня и смотрела на стол пустым взглядом. Хотя, он только казался пустым. Внимательный наблюдатель мог бы заметить легкий блеск, что порой появлялся в ее глазах – так работают линзы дополненной реальности. Она явно изучала какую-то информацию в меню стола-компьютера. Эта пустота в глазах была лишь в двух случаях – тогда, когда она о чем-то всерьез задумывалась, о том, что ее беспокоило, или же во время работы с дополненной или виртуальной реальностью. Да и по лицам других детективов было заметно, что все они настроены весьма серьезно. Никаких привычных шуточек, и заигрываний со стороны офицеров мужского пола к офицерам женского, которые всегда наполняли досуг перед началом очередной плановой бессмысленной конференции, не было. Все настрожены и явно взволнованы, и, не считая редких перешептываний или тихих разговоров, в зале царил относительная тишина.

Подошел к детективу Коллинз и сел через несколько стульев справа от нее. Так я мог любоваться ею, и не показаться навязчивым. Эта молодая женщина давно уже покорила мое сердце, как бы теперь достучатся до ее сердечка.

– Добрый день, детектив Коллинз, – я вежливо кивнул женщине. При посторонних мы всегда соблюдали субординацию, и я никогда не называл ее Эмилией, как и она меня Майклом, хоть мы и были друзьями.

– Здравствуйте, детектив Стронгборн, – ответила женщина и кивнула.

Она все еще продолжала смотреть на стол, легкими движениями пальцев перебирая файлы, видимые только ей – преимущество дополненной реальности.

– Обстановка здесь кажется слегка накаленной, – я попытался начать разговор, чтобы бы как-то разговорить Эмилию, что-то явно тяготило молодую женщину.

– Еще бы! – Ответила та, теперь ее слегка холодный взгляд больших голубых глаз сфокусировался на мне. – Столько всего случилось!

– Снова ночные нападения на людей? – Из-за своего отпуска я был немного не в курсе последних событий, и это единственное, о чем я слышал. А новости я никогда не любил смотреть, то ложь и дезинформация, то всякие репортажи, спекулирующие на эмоциях, вроде того что какая-то тигрица в зоопарке разродилась прелестными котятками или как несколько добрых школьников создали приют для собак. А еще о том, что коэффициент счастья снова вырос, и нужно еще больше потреблять прекрасных и очень нужных товаров.

– Если бы только это, – сказала детектив Коллинз немного удивленно, – ты разве остального не слышал? А, ты ведь в отпуске был, – тут же добавила она, – а за новостями не следишь. Около сотни мужчин города были кастрированы группой девушек-хьюмботов, в прошлом, проституток. Был убит один из лучших сутенеров мафии, Фрэнк Гудвэзер, а так же, один из известнейших чистильщиков мафии – Вольфганг Штайсер. При загадочных обстоятельствах так же погиб городской священник, Кевин Крокус. В городе ходят слухи о загадочном Скорбном Клоуне, то тут, то там появляются старинные карты Таро, а из психиатрической больницы особо строгого режима сбежал известный террорист и психопат, один из создателей города, Старший Архитектор Джим Чеосборн!

Я даже тихонько присвистнул от удивления.

– Ну и дела!

– Да, – ответила Эмилия, – за эту неделю происшествий больше, чем за последний год. И что самое неприятное, судя по всему, это могут быть звенья одной цепи, одного масштабного заговора, подобных которому Город Улыбок не видел уже давно.

– Вот как! – Ответил я, задумчиво. – И что ты думаешь по поводу всего этого? Кто за этим стоит?

– Пока еще рано делать скоропостижные выводы, – ответила Эмилия. – Я думаю нам просто нужно дождаться начала сегодняшней конференции. Как мне кажется, она прояснит многое.

– Ты, конечно же, права, – согласился я, пытаюсь показать Эмилиии, что полностью поддерживаю ее.

Та лишь кивнула и снова углубилась в свои мысли, кажется она уже не работала с дополненной реальностью, но все еще была погружена в себя. Я тяжело вздохнул. Эта женщина совсем не обращает на меня внимания. Хоть мне и удалось стать ее другом, но не более того. Как же это раздражало! А я ведь еще планировал пригласить ее сегодня на ужин к себе домой, а заодно и позвать родителей, чтобы познакомить их с ней. В конце концов, я довольно давно с ней общаюсь. И она вроде бы тоже одна. С нас могла бы получиться неплохая пара. Я бы сделал ей предложение, и она бы ответила «да». Мы бы создали прекрасную семью: двое деток, мальчик и девочка, маленький коттедж на окраине Рондо, большой сенбернар по кличке Валли, гриль вечером в дворике и пикники по выходным. О чем еще можно мечтать?

Но вдруг я представил, как Эмилия говорит «нет». И делает она это с таким презрением, с такой язвительной улыбкой. Словно поражена тем, как я посмел такое предложить, как мне вообще в голову пришла такая глупость. Как я мог помыслить, что могу быть ей ровней? От этих мыслей у меня по коже пробежал холод.

Мне вдруг захотелось схватить ее одной рукой за горло, а большим пальцем другой грубо провести по губам. Чтобы на смену этой вечной хладнокровной самоуверенности пришли удивление, страх, шок. А я бы сказал что-то типа: да кто ты такая, чтобы смотреть на меня свысока? Кем ты себя возомнила? Ты моя и ничья больше! Так что прекрати меня игнорировать!

Я попытался подавить эти странные порочные мысли. С чего это я вдруг?! Совсем на меня не похоже. Мне стоит быть более дисциплинированным и собранным, а извращенные фантазии нужно гнать из головы.

Разговоры вдруг прекратились, и в зале воцарилась гробовая тишина. А все потому, что появился шеф полиции. Он уверенным шагом подошел к круглому столу и занял свое место. После чего поправил микрофон.

– Здравствуйте, господа офицеры! – Раздался его спокойный размеренный голос. Казалось бы, тихий, но одновременно с тем, такой четкий. Каждое слово, словно отшлифовано, и попадало слушателям, будто и не в уши, а сразу в сердце и разум. Шеф был настоящим американцем. Нет, он не ел много пончиков в рабочее время, не имел отвисшего живота, не закидывал ноги на стол и не говорил, что-то вроде «ребята, мы по уши в дерьме» или «нужно спастись наши задницы». Нет, все это дурацкие стереотипы о копах из фильмов до Рубежа. Шеф был полицейским с большой буквы этого слова. Если честно, я очень восхищался им. И даже стремился быть похожим на него. Он всю жизнь положил на алтарь службы Городу Улыбок, не имел ни семьи, ни нормальной личной жизни, приходил на работу одним из первых, и уходил самым последним, часто засиживаясь до ночи и доделывая работу за некоторыми своими нерадивыми подчиненными. Строгий, но справедливый, преданный своему делу, принципиальный, бесконечно влюбленный в Город Улыбок, непреклонный страж городского порядка, шеф городской полиции казался мне воплощением всех лучших качеств настоящего полицейского. И я никогда не видел, чтобы этот человек хоть раз вышел из себя, чтобы начал кричать на подчиненного. Но, одного его взгляда было достаточно, чтобы дисциплина воцарилась во всем Полицейском Управлении. И теперь, шефу стоило лишь подойти к столу и тихонько прочистить горло, как все разговоры в зале тут же оборвались в один миг. А после его приветствия, присутствующие полностью превратились в слух.

– Все вы знаете, почему мы сегодня собрались здесь! – Мягкий, но все-таки с нотками металла, голос шефа звучал в каждом уголке зала. А более сотни старших офицеров полиции города с жадностью ловили каждое его слово. – За последние дни в Городе Улыбок произошло больше странных событий, чем за последние несколько лет! И что самое неприятное, есть причины полагать, что все они связаны между собой в одну весьма сложную и запутанную цепочку! – Шеф почти-что повторил слова Эмилии. Что ж, умные люди мыслят одинаково. – Сегодня мы все собрались здесь для того, чтобы совместно попытаться найти нужные нам ответы и спланировать дальнейшее расследование!

Шеф взял со стола пульт и нажал на одну из кнопок. С потолка, прямо над центром стола, медленно спустился большой голо-шар – это специальный прибор, что показывал голографические 3D-изображения так, что они четко и отчетливо были видны всем, сидящим за столом, при чем все видели их с одного ракурса, не смотря на то, где располагались их места.

– Можно сказать, что цепочка странных событий, происходящих в городе, началась с загадочной смерти известного сутенера Фрэнка Гудвэзера. Он был найден в своем публичном доме, в луже крови и с перерезанной глоткой. Экспертиза показала – был убит, скорее всего каким-то серебряным холодным оружием, похоже, что старинной опасной бритвой. – Шеф нажал на кнопку и в голо-шаре сначала появилось изображение лысого коротышки неприятной

наружности, а потом его мертвого тела, лежащего в луже крови. – На месте его гибели нашли карту Таро с изображением башни, которую разрушает удар молнии. – Еще одно нажатие, и появилось изображение карты. – Такие же карты были впоследствии найдены на местах ночных нападений, жертвами которых становились мужчины, которых кастрировали. Как стало позже известно, за этими нападениями стояла группа хьюмботов из секс-эскорта, что раньше работали на Фрэнка, а потом по неизвестным причинам предали его. По-видимому, именно они и убили своего бывшего босса, о чем свидетельствует то, что сбежали в ночь его смерти и на местах своих преступлений оставляли такую же карту, что была найдена на месте гибели сутенера. Об этом так же свидетельствуют и некоторые более мелкие косвенные улики. Дальше, через трое суток, происходит не менее загадочная смерть городского священника, Кевина Крокуса. – Шеф нажал на кнопку, и в голо-шаре появилась фотография улыбающегося еще молодого мужчины, чуть старше меня, что поднимал руку в приветливом жесте. – Он был найден убитым в собственной квартире. Застрелен из старинного револьвера. – Еще один клик и в голо-шаре возникло изображение оружия. – Голографическая ретроспективная экспертиза показала, что священник стрелял в себя сам. На месте его гибели была найдена вот эта карта. – В шаре появилась карточка с изображением скелета, верхом на лошади, у его ног были какие-то люди. – Так же, тело священника исчезло с места происшествия, и впоследствии так и не было найдено. Как вы понимаете, самоубийцы не уходят сами с места своей гибели. Имеет ли какое-то отношение группировка секс-хьюмботов к смерти священника пока неизвестно. Но во всех этих преступлениях присутствуют карты Таро. Что наталкивает нас на мысль о возможной, даже сказал бы, весьма вероятной, взаимосвязи. Дальше, еще интереснее. По-видимому, городская мафия, желая отомстить за смерть своего важного информатора и финансового поставщика, начинает охоту на этих девушек-хьюмботов. Для этой работы семья Скордзини посылает одного из своих лучших чистильщиков, Вольфганга Штайсера, по кличке Бульдог. – Шеф нажал на кнопку, и в голо-шаре появилось подвижное изображение какого-то хмуращегося типа со сломанным носом и покрытой шрамами квадратной бандитской физиономией. – Вольфганг, в отличии от всех наших сотрудников, – Шеф нашел способ красиво уколоть нас, – без проблем нашел преступниц и уничтожил всех, кроме модели KTL-56/s.4, дальше просто Кейт. – Шеф нажал на кнопку, и в голо-шаре появилось фото крайне привлекательной молодой девушки. – Судя по уликам, и ее он одолел, но позже кто-то напал на него и убил. Тело было найдено недалеко от разгромленной секретной базы террористок-хьюмботов. Его убила не Кейт, так как в этот момент она была нейтрализована Вольфгангом, и не представляла для него опасности, ей кто-то пришел на помощь. Бульдог был убит ножом, мастерский удар в печень. – Нажатие кнопки – и в голо-шаре появилось фото окровавленного ножа. С виду самый обыкновенный кухонный нож. – На месте его гибели была найдена еще одна карта Таро, что называется Страшный Суд. – Клик – и мы увидели новое изображение. – И вот здесь возникает вопрос, кто же оставил карту? До этого нашими главными подозреваемыми были Кейт и группировка ее соучастниц, но все они были перебиты, а сама Кейт потеряла конечности, которые были найдены недалеко от тела мертвого Вольфганга. Значит, она не только не могла убить последнего, но и самостоятельно уйти с места преступления. Кто ее спас? И если действительно спасал, то тогда почему не забрал ее конечности? Как видите, больше вопросов, чем ответов! И наконец, недавно произошел массовый побег из психиатрической клиники строгого режима имени святого Лаврентия. В ближайшие несколько часов удалось поймать почти всех больных, но одному удалось сбежать. А именно одному из Старших Архитекторов, Джиму Чеосборну, которого упрятали в лечебницу после провала его заговора против горожан. Так как психиатрической комиссией он был признан невменяемым и не мог в полной мере нести ответственность за содеянное, его не приговорили к смертной казни, а отправили на принудительное лечение. И вот теперь опаснейший психопат и террорист города разгуливает на свободе. – Еще одно нажатие на кнопку и в голо-шаре появилось фото известного всем

горожанина, опального Старшего Архитектора, что предал Город Улыбок, свое собственное творение. – Как мы помним, в основном уже из учебников истории, некой неформальной организации, под названием Архитекторы, и правоохранительным органам пришлось приложить немало усилий, чтобы остановить его в прошлый раз. И вот, – шеф вздохнул, – он снова на свободе. И, конечно же, на месте побега была найдена еще одна карта Таро. – В голо-шаре появилось изображение еще одной карточки. – Как видите, все эти события объединяет то, что, во-первых, они произошли за короткий промежуток времени, во-вторых, во всех этих случаях фигурировали старинные карты Таро. И еще... – Шеф вдруг замолчал. По его лицу была видна еле заметная внутренняя борьба. Как будто есть что-то, о чем он говорить хоть и не хочет, но обязан. – Хоть это достойно скорее сплетен и городских баек, но есть все-таки несколько свидетелей, которые утверждают, будто бы видели недалеко от мест этих преступлений некоего незнакомца. Все его тело было забинтовано, а на лице маска плачущего клоуна. Некоторые очевидцы заявляют, что, цитирую, «его глаза были очень живыми и он... плакал, а все его тело, покрытое бинтами, кровоточило». Это, пожалуй, все! Если пока не делать акцент на всех мельчайших деталях и подробностях.

Даже, когда шеф перестал говорить, в зале по-прежнему висела гробовая тишина. А я со скоростью строчил пальцами по сенсорной поверхности стола, конспектируя в отдельный файл все выше сказанное. Все слайды, показанные в голо-шаре, уже висели в воздухе вокруг меня, в дополненной реальности. Я очень спешил, боясь упустить хотя бы один важный элемент. Мне хотелось самому сложить цельную картину.

– Итак, – прервал тишину все тот же спокойный голос шефа. – Начнем со священника. Какие у кого есть соображения по поводу его гибели?

– Кто-то заставил его выстрелить себе в голову, а потом забрал тело, – подал голос один из детективов. На самом деле весьма очевидное заявление, если учесть, что уже доказано, что Кевин Крокус сам стрелял в себя, а тело его так и не нашли. Но на собраниях такого уровня полагается высказывать все мысли, от самых очевидных, до самых бредовых. Именно так и находится правда. Так утверждал наш шеф, и, конечно же, он был прав.

– Но зачем инсценировать самоубийство, а потом забирать тело? – Подал голос другой детектив. – Это абсурдно! Не для того ли убийцы делают инсценировку самоубийства, чтобы скрыть следы своего преступления? Но забрать после этого тело, это сводит все на нет! Ведь будет ясно, что самоубийца не мог встать и уйти после того, как покончил с собой?

– Значит, убийца не ставил своей целью инсценировать самоубийство! – Высказался еще один участник собрания. – Может, здесь было что-то личное? Может, это была месть пастырю за какие-то его грехи? Убийца хотел, чтобы жертва сама убила себя. Он хотел преподнести это, как кару и как муки совести самой жертвы, что в конце сожалеет о своих грехах? Например, священник переспал с чьей-то женой, вот ревнивый муж и отыгрался.

– Мы тщательно исследовали личную жизнь Кевина Крокуса, его знакомства, общение. Последние пять лет он не вступал в романтические отношения с живыми женщинами. – Сказал шеф. – Друзей тоже почти не было. У Крокуса были только специальные семьи хьюмботов. Он сидел на антидепрессантах и часто срывал на них свою злость, переломав немало этих кукол. Но машины ведь не мстят? Хотя, последнее время я уже ни в чем не уверен. А с людьми он всегда был крайне приветлив и миролюбив.

Шеф по-прежнему не выдавал нам всю информацию по делу сразу, а лишь четко дозированными порциями, чтобы мы не упустили важных деталей. Он заставлял нас предлагать версии, а сам откидал их, ссылаясь на уже имеющуюся у него в распоряжении информацию. Шеф считал, что так мы запомним намного лучше и не упустим ни одной детали, если они будут подаваться порционно, и будут служить для разрушения или подкрепления основных гипотез.

– Может быть дело в наследстве? – Спросил я неожиданно для самого себя. В глубине души мне тоже хотелось поучаствовать в дискуссии и заполучить немного внимания шефа.

Заметив, что теперь все взгляды прикованы ко мне, я понял, что должен продолжать. – Ну, я имею в виду, он был весьма состоятельным горожанином. Кому достанется его имущество после смерти? И приход? Кто унаследует приход?

– У Кевина Крокуса не было живых родственников. Он – выходец из Промышленного Города Улыбок. Пришлось немало покорпеть, чтобы убедить Миграционную Службу навести справки. Его младшая сестра умерла от туберкулеза через пять лет после того, как он поселился в Рондо. Мать, убитая горем, лишь на год пережила свою дочь. А отец умер два года спустя, он спился в одиночестве, так и не найдя в себе сил жить дальше после потери семьи. Кевин Крокус скорее всего так и не узнал о судьбе своей родительской семьи. – С какой-то грустью в голосе произнес шеф, но уже через миг вернул себе самообладание. – Собственной семьи у него тоже не было, только хьюмботы, только кукольная имитация. А что касается прихода, это отличная мысль, детектив Стронгборн. Это действительно работа, что хорошо оплачивается, да и кроме всего, завидное положение в обществе. Наследник прихода сорвет хороший куш. Тут, по крайней мере, виден мотив. Мы это проверим!

– Рад стараться, сэр! – Улыбнулся я и сделал легкий поклон головой. Я был счастлив, что подал хорошую мысль, да еще и заслужил похвалу шефа.

– Теперь на счет ночных нападений на мужчин, – продолжил шеф, – их совершали девушки-хьюмботы, созданные для сексуального удовлетворения клиентов, по специальному заказу Фрэнка Гудвэзера. В том, что это они, нет никакого сомнения. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления, как жертв их преступлений, так и посторонних свидетелей. И вот здесь мы подходим к самой скользкой почве. Как известно, машины не могут целенаправленно причинять вред человеку. Это прописано в защитных протоколах города, в самой системе «Инфинити». Как эти хьюмботы смогли обойти защиту?

Шеф выглядел злым. Такое с ним бывало нечасто. Его завидное самообладание всегда являлось примером для многих. Но все мы понимали причины его беспокойства. Произошло то, что возможно было самым опасным из всех этих загадочных событий. Машина напала на человека с целью принести целенаправленный вред. Случай до этого беспрецедентный. Попахивает каким-то восстанием машин, достойно голливудского боевика дорубежных времен.

– Вопрос, к нашему отделу IT-специалистов, – сказал шеф, – можно ли было перепрограммировать хьюмботов на то, чтобы они нападали на людей?

Возникла небольшая пауза, после чего глава отдела айтишников поднялся со своего места.

– Мы тщательно исследовали этот случай, – сказал он, после чего замолчал, словно боялся того, что должен сказать дальше. Слово эта информация будет слишком разрушительной для всех нас. И именно так и случилось. – Раньше это казалось невозможным, даже теоретически. Но судя по всему, именно это и произошло! У всех машин в Городе Улыбок единые защитные протоколы, протоколы самой «Инфинити». И если кто-то взломал этих шлюх-хьюмботов, – снова повисла драматическая пауза, но все уже знали, что он скажет дальше. – То он взломал защиту всего города.

– Иными словами, теперь весь город в заложниках у террористов? – переспросил шеф.

Я посмотрел на представителей Городского Бюро Расследований. Специальные агенты ГБР, как и их предшественники из Старого Мира, агенты ФБР, которых я видел лишь в старых фильмах, были так же молчаливы и беспристрастны. Все в строгих черных костюмах и черных солнцезащитных очках, скрывающих глаза, даже в помещении, даже в кругу полиции. Не перебор ли?! Я, как и многие полицейские, их недолюбливал. Агенты внимательно следили за всем происходящим. Судя по всему, теперь это дело национальной безопасности, ГБР имеет все основание забрать его у городской полиции.

Лишь один из специальных агентов сильно отличался от остальных. Вернее сказать, одна. Молодая девушка, на вид лет двадцати с небольшим. Одета в простые темные брюки и обыкновенную майку серого цвета, из-под которой милым холмиком выделялась ее небольшая грудь. На ней даже лифчика не было, что за бесстыдница. Руки девушки были покрыты множеством татуировок с изображением разнообразных лисиц. На шее так же висел амулет в форме лисьей морды, и бусы из лисьих клыков. Как я слышал, девушка была неошаманкой и считала лисиц своим тотемным зверем. Довольно коротко стриженные ярко-алые волосы этой маленькой японки еле прикрывали уши и глаза. Девушка сидела на стуле в позе лотоса. В руках у нее была игровая приставка, и она, высунув язык, активно играла в какую-то игру, даже не обращая внимания на окружающих. На шее у нее висели наушники, из которых едва доносились звуки каких-то задорных рок-композиций. Профайлер Кайджин Сумико вдруг вскочила на ноги и вскрикнула: «Левел ап!». Все взгляды тут же устремились к ней. «Ой, простите, простите!» – Сумико несколько раз поклонилась всем, сунула приставку в карман, и достал оттуда колоду карт Таро. Как-то странно хитро улыбаясь, она вынимала карты по одной из колоды, клала перед собой на стол и внимательно смотрела на каждую.

Шеф проигнорировал ее выходки, и все так же быстро о них забыли. Терпеть не могу таких клоунов, и нравиться же ей комедию ломать. Но все же, как не обидно это признавать, она была очень умна, «гений из ГБР», находившая всех преступников. И хоть в последние годы в Городе Улыбок было весьма и весьма мало преступлений, они все же случались. И вот тогда за них бралась эта девушка. И преступникам было уже не скрыться. Она видел их души насквозь. У нее был редкий талант, с помощью какого-то уникального симбиоза дедукции и интуиции составлять самые точные портреты преступников и воссоздавать детальную картину преступлений. Благодаря потрясающему уровню эмпатии, Сумико умела смотреть на мир глазами преступника. Это делало ее незаменимым профайлером, которого очень ценил даже сам директор ГБР. Так что этой нахалке прощались все причуды. Но, разве это дает ей право порочить высокое имя правоохранительных органов Города Улыбок, неужели нельзя соблюдать субординацию и элементарную вежливость?

– Можно сказать и так, – ответил глава отдела аййтишников, который тоже на миг отвлекся на Сумико. – Хотя есть и другой вариант. Как известно, главную зачинщицу нападений сконструировал знаменитый инженер, Марк Голдман. Известно так же, что это его ручная работа, на которую он потратил много времени. Я ни в коем случае не хочу обвинять Старшего Архитектора, – глава IT-отдела полицейского управления явно нервничал, – но чисто теоретически, мы не можем отбрасывать версию, что он может быть как-то замешан в этом.

– Он смог бы запрограммировать свою Кейт для нападений на людей?

– Чисто теоретически, этот гениальный инженер способен сделать что угодно. Не стоит забывать, что именно он является главным разработчиком городской защитной системы! Конечно, это означало бы, что один из старейших создателей города стал преступником, но с другой стороны, это могло бы отбросить версию, что весь город заложник какой-то группировки террористов. К тому же, мы уже имеем одного Старшего Архитектора, свернувшего на кривую дорожку. И в прошлом они были близкими друзьями... Вы не подумайте! – Вдруг оборвал сам себя глава айти-отдела. – Я не хочу обвинять без доказательств такого уважаемого человека, но...

– Мы поняли, спасибо! – Сказал шеф.

– Обвинение Старшего Архитектора вызовет огромный резонанс в обществе! – Сказал один из детективов.

– Резонанса не избежать в любом случае. Разве мы уже не по уши в дерьме? Но задача детективов проверять все версии! – Отозвался еще один детектив.

– Верно! – Подтвердил шеф. – Мы вызовем на беседу Марка Голдмана. Не стоит забывать, что последний серьезный заговор против города совершил именно один из Старших

Архитекторов, Джим Чеосборн. Но так же, не стоит забывать, что именно Старший Архитектор Марк Голдман остановил его. И не будем отбрасывать тот факт, что последним, с кем беседовал перед смертью Кевин Крокус, был все тот же мистер Голдман. – Шеф тяжело вздохнул, а по залу прокатился встревоженный шопот. – Хоть мистер Голдман не единожды доказывал свою преданность идеалам города и свою готовность защищать устоявшийся порядок, наша вера в него не может быть слепой и беспрекословной. Мы просто побеседуем с ним, никаких арестов и допросов.

– А что на счет карт, – сказал один из детективов, – на местах всех этих происшествий последней недели были найдены карты Таро. Старшие арканы колоды Райдера-Уэйта, если я не ошибаюсь? Это наводит на мысль, что за всеми этими событиями стоит одна группировка? Или же кто-то хочет, чтобы мы так думали?

– Ну, если с нападениями на мужчин и убийством главного сутенера города все более-менее понятно, их совершила группировка обезумевших секс-хьюмботов. То они вряд ли причастны к смерти городского священника, не их почерк. Смерть главного чистильщика мафии так же не может быть делом их рук, тогда все они уже были обезврежены. Да и побег Старшего Архитектора тоже! Вряд ли Кейт, потерявшую все свои конечности, могли так быстро подлатать. И кто-то ведь помог ей спастись, после того как Бульдог ее обработал. Значит, у нее есть уцелевшие соучастники.

– Соучастники, к которым не ведет ни одна ниточка, кроме карт, – сказал еще один детектив.

– Тогда давайте пойдем по этой ниточке. Конечно, это будет поиском иголки в стоге сена. Но раз других зацепок у нас нет. Проверим, к примеру, все типографии, и узнаем, какая получила заказ на такое количество карт.

– В этом нет необходимости! – Ответил Шеф. – Экспертиза показала, что все карты были созданы еще в старом мире, до Рубежа!

В зале повисла тишина. Очередной шок, все снова переваривали услышанное. Сегодняшний день – был днем сюрпризов, неприятных сюрпризов.

– Но подождите, – начал один из детективов, – насколько нам удалось выяснить, каждая колода состоит из семидесяти восьми карт. Каждая карта в колоде представлена в единственном экземпляре. И в то же время суммарное количество арканов Башня, найденных на местах кастрации мужчин девушками-хьюмботами составляет девяносто три штуки. В их убежище было найдено еще две сотни таких карт. Неужели вы хотите сказать, что преступниками было задействовано до трехсот колод возрастом около двухсот лет? Не думаю, что их вообще столько найдется на весь Город Улыбок! Или же преступники являются представителями тайной организации, что спланировала эти акции еще около двухсот лет назад, за восемьдесят лет до появления Города Улыбок? Нелепица какая-то! Может, все-таки есть какая-то технология, позволяющая искусственно состарить карты, чтобы повести нас по ложному следу?

– Я тоже об этом думал, – ответил Шеф, – но экспертиза была проведена с применением новейшего оборудования Исследовательским отделом Городского Бюро Расследований. Ошибки быть не может, картам действительно почти двести лет. Никто в городе не располагает технологиями, способными создать такую подделку.

В зале снова повисла тишина. Очередной тупик. В событиях последних дней гораздо больше загадок, чем хоть какой-то ясности.

– Мы, конечно же, проверим всех старьевщиков города, но, как мне кажется, нам вряд ли удастся отследить след из трехсот старинных колод, возрастом почти в два столетия. Мы уже спросили мнения у экспертов по старине. Они считают, что на весь Город Улыбок может приходиться не более пяти-шести десятков столь старых колод. Каждая из них стоит чуть ли не целое состояние. И большинство из них сейчас находятся в частных коллекциях, никто из хозяев не заявлял о пропаже.

– Снова тупик?

– Тупики будут повсюду, если не знаешь где искать!

Все в зале посмотрели на человека, что произнес эти слова. А та лишь спокойно, с такой же хитрой улыбкой, продолжал выкладывать на стол карты.

– Вам есть что сказать, специальный агент Кайджин Сумико? – со спокойным тоном спросил шеф.

– Вы ищите зацепки не там, где нужно! Священник, сутенер, мафиози, Старшие Архитекторы, карты, девушки-хьюмботы. Вы тянете за ниточки, каждая из которых рано или поздно оборвется. – Сумико смотрела лишь на карты, словно не замечая никого вокруг. – В то время, как у вас есть прозрачная, еле заметная и очень хрупкая нить. Но лишь она одна может вывести вас к ответам.

– Скорбный Клоун! – Сказал шеф.

– Именно, – ответила специальный агент Кайджин и щелкнула пальцами. – А вы не зря их шеф, соображаете хорошо! – Какая же она дерзкая. – Клоуны стоят за всем в Городе Улыбок! – Профайлер процитировала городскую поговорку. – И происходящее последнюю неделю – не исключение!

– Нужно пообщаться с этим клоуном! – сказал кто-то из детективов.

– Боюсь, он не снизойдет до общения с вами! – Ответила Сумико и засмеялась. – Какие же вы забавные!

Вот нахалка!

– Значит, нужно арестовать его и допросить! – Сказал детектив.

– И как вы собираетесь поймать Скорбного Клоуна? – Сумико не переставала смеяться, и у нее было такое презрительно-высокомерное выражение лица, словно она разговаривала с полным идиотом. Недалекость детектива явно веселила ее. – Какие у вас есть зацепки? Бинты да карнавальная маска плачущего клоуна? И что дальше? В Городе Улыбок живет около восьми с половиной миллионов людей, полтора миллиона из которых проживает в Рондо. И вы серьезно собираетесь отследить все клоунские маски, проданные в карнавальных магазинах за последнюю неделю? Или может, мы подсчитаем все исчезнувшие бинты в каждой больнице, поликлинике, медпункте и амбулатории? Seriously? Это притом, что мы не можем даже отследить редкостные колоды старинных карт?! Нам не поймать Скорбного Клоуна, он словно туман поутру, появляется и исчезает в нужное ему время и в нужном месте. Сейчас нам его никак не поймать!

– И что же делать? Сидеть, сложа руки?

– Предугадывать его дальнейшие шаги! – Ответила Сумико. – И играть на опережение! Это все, что он нам оставил!

– И каковы же его дальнейшие шаги, агент Кайджин? – Спросил Шеф. – Что, по-вашему, он будет делать дальше? Каков он, этот Скорбный Клоун?! Как профайлер, вы ведь уже составили его психологический портрет?

– Не совсем! Мне недостает деталей, чтобы сложить цельный пазл! Но, если вы так хотите, я могу поделиться своими соображениями!

Как же меня бесит эта самонадеянная выскочка! Она получает удовольствие, играя с нами. Возомнила себя самым умным детективом. То, что она стал специальным агентом ГБР и раскрыла несколько сложных дел, еще не дает ей права смотреть на нас, как на низших приматов.

– Уж извольте! – Улыбнулся шеф.

– Он играет с нами, – сказала Сумико, снова рассматривая карты. Словно нас всех здесь и не было, только она и ее карты, и еще этот Скорбный Клоун где-то в чертогах ее странного разума. – У него много целей, но в первую очередь он всегда играет. Город Улыбок – его театр, а те, кто получили и еще получают карты – его актеры. Он использует только старшие арканы,

всего их двадцать два и нам не известно, сколько из них он уже раздал, сколько карт выложено на игорный стол, сколько актеров уже получили свои роли.

– Может, обратиться к общественности с просьбой, чтобы каждый, кто получил карту, обратился в полицию, ведь это важно для расследования?

Японка подняла глаза и посмотрела на детектива, что это предложил.

– Потрясающе! – Сказала она. – У нас есть множество вариантов, как поступить в этой ситуации, но вы умудрились предложить самый глупый из всех!

Детектив даже потерял дар речи от возмущения.

– Да, – продолжила специальный агент Кайджин, – давайте расскажем всем о картах, и уже завтра у ворот полицейского управления выстроиться очередь из психов, шутников и мистификаторов, каждый из которых будет утверждать, что получил карту, что он избран Клоуном. У нас же куча свободного времени и ресурсов, чтобы проводить допрос каждого такого идиота и экспертизу каждой карты, чтобы убедиться, а не двести ли ей лет! Знали бы налогоплательщики, на содержание каких умников уходят их налоги.

В зале повисла тишина.

– От имени ГБР, – сказала Сумико, – я требую, чтобы в интересах следствия, информация о картах была скрыта от общественности. Иначе правда утонет в океане лжи, и мы потеряем шанс отследить хоть часть карт.

– Какова его цель, агент Кайджин? Кроме того, что он играет? – Спросил шеф.

– Революция! – Ответил специальный агент.

– Тогда, может нам стоило бы усилить охрану основных административных зданий?! – Предложил я. – Если учесть, что, возможно, преступник взломал защитные протоколы «Инфинити», то стоит принять дополнительные меры по защите сената и мэра.

Сумико посмотрела на меня, как на идиота. Как же меня бесит эта выскочка.

– Разве, я сказала, что его цель государственный переворот?! – Переспросил она. – Я сказала, что его цель – революция! Надеюсь, объяснять разницу не нужно?!

В зале снова повисла тишина.

– Захватить власть в городе ему не интересно, – продолжила Сумико, – слишком просто для него, это не то, чего он хочет. Он хочет изменить каждого из нас, показать нам нашу сущность и сущность города, он обнажает наши души и заставляет снимать маски. Хочет хаоса, хочет падения Города Улыбок, ведь он очень разочаровался в этом городе. – Сказала Сумико, снова глядя на карты перед собой. – Таков его замысел!

– Почему вы так решили? – Спросил Шеф.

– Он убивает священника! Зачем?

– По-вашему, это он его убил?!

– Не собственноручно, конечно. Он никого не убивает своими руками. Бинты, что покрывают его тело алые, но не от чужой крови, а от его собственной, которую он проливает за грехи города. Он ловкий манипулятор, дергает за ниточки! Но Клоун причастен к убийству священника! Специальная квантово-проективная экспертиза, новая технология Исследовательского центра ГБР, показала, что, судя по расположению тела, пули, и судя по тому, как разбрызгались кровь и мозги, под каким углом пуля влетела в голову и прочих факторах, перед смертью, в последние секунды жизни, священник очень внимательно смотрел в окно, на крышу соседнего здания. Как вы думаете, кого он там хотел увидеть? Ревнивого мужа своей любовницы или наследника прихода? Вот уж не думаю! Именно там, по словам одного из очевидцев, появился человек в бинтах.

– Почему он выбрал священника своей жертвой? – спросил один из детективов. – Чтобы показать нам нашу порочность?

– Точно! – Согласилась Сумико. – Но это лишь часть правды. Для того, чтобы продемонстрировать порочность города, гораздо лучше подошел бы мафиози, тот же сутенер или

коррупцированный судья. Но священник, что срывал свою злобу на домашних куклах, явно не самая порочная личность. Тут дело еще и в другом. Смертью священника, Скорбящий Клоун хочет сказать нам, что Бог покинул Город Улыбок, а значит, и надобности в его жрецах больше нет. Это так же подтверждает и то, что тело священника исчезает, он не нужен. А на месте его гибели находят карту «Смерть». Может, она означает не смерть самого священника, может, все не так просто? Скорее это смерть идеи, веры, самого Бога?!

– Это лишь предположения, – сказал шеф, – но, несомненно, они кажутся весьма интересными и правдоподобными.

– Перед убийством священника, Скорбный Клоун убивает городского сутенера, снова не своими руками. – Продолжила Кайджин Сумико. – Вот здесь причина действительно в порочности. Клоун показывает нам, что в обновленном Городе, который он построит после разрушения нынешнего, не будет места разврату и пороку. Так же этим шагом он объявляет войну мафии, еще одному сосредоточию порока. Судя по всему, Клоун слишком зациклен на своем причудливом понимании морали и нравственности, он борется с грязью и грехами города. Для своей борьбы он создает себе армию секс-хьюмботов, а не реальных женщин, прошу обратить на это внимание! Ведь в отличии от реальных женщин, эти шлюхи не совершали своего грехопадения, они были уже сконструированы такими. А значит, по сути, они невинные овечки, которые просто не знают другой жизни. И в то же время их привлекательность и специализация, делают из них одновременно и приманку, и палача для любого похотливого самца, что возжелает их плоти. Идеальное воинство, не правда ли?

– Но это идеальное воинство было легко уничтожено одним лишь чистильщиком мафии!

– И это Клоун, разумеется, предвидел, – ответила Сумико. – Убив Фрэнка, он тем самым объявил войну мафии. И, конечно же, ждал ответного удара. Он знал, что его воинство секс-хьюмботов будет уничтожено, но это было уже не важно. Они выполнили свою роль, посеяли зерна хаоса. Очевидно, что рано или поздно, полиция или мафия покончили бы с ними!

– А Кейт? Это он ее спас?

– Скорее всего! Она ему все еще нужна!

– Почему же он не спас остальных, а только ее? Что в ней такого особенного, господа-умники? – Спросил я, и, скрестив руки на груди, выжидающе посмотрел на Сумико.

– О, она очень особенная! – Ответила та, проигнорировав выпад. Ее глаза уже горели страстью расследования, девушка была в своей любимой стихии. – Для него она много значит. Она лучшая из них всех, безупречная, и одна из самых совершенных игрушек Марка Голдмана, нашего Старшего Архитектора. Скорбящий Клоун отнял эту игрушку, он хочет, чтобы Марк был в бешенстве. Наверняка, наш Старший Архитектор тоже получил карту в его игре. Но какую? Какую же? – Начала бубнить себе под нос агент Кайджин. – Ах, да! – Вскрикнул девушка, она точно была не в себе. – Ну конечно же! Маг! Первый аркан! Он же Мастер! Ближе всего к Клоуну, его главный враг! Это же очевидно!

По лицам присутствующих я понял, что, кажется, Сумико была единственным человеком в этом зале, для кого это было очевидно! Эмилия внимательно смотрела на нее, было непонятно, о чем она думает. Офицер Коллинз прикусила нижнюю губу, и я на миг подумал, что тоже хотел бы укунить ее губы. Но я мгновенно отогнал неуместные мысли и сосредоточился на работе.

– Но кто же убил Вольфганга? – Спросил шеф. – Как, по-вашему, мисс Кайджин? Кейт была обезврежена, а Скорбный Клоун, как вы сами заявили, никогда не марает руки лично. Тогда кто убил чистильщика городской мафии?

– Был кто-то еще! – Ответила Сумико. – У Клоуна был еще как минимум один сообщник. Карта – ключ к ответу! Возле убитого Вольфганга нашли аркан Страшный Суд! Кто-то вынес ему приговор! За его грехи прошлого! А у чистильщика мафии и бывшего бойца без правил из ям Клоаки, грехов немало. Я внимательно изучила его досье. Это был вердикт! Кара!

Возможно даже, что для того, кто его приговорил, это было что-то личное. Очень вероятно, что это месть! Не могу сказать наверняка. Что показала экспертиза ножа?

Шеф нажал на кнопку, и на экранах мониторов снова появилась фотография окровавленного ножа.

– Самый обыкновенный кухонный нож, острый, отпечатков пальцев нет. Довольно старый, так что определить в каком супермаркете и когда его приобрели, не представляется возможным!

– Очередной тупик, значит! – Сказал кто-то из детективов.

– А что насчет побега из лечебницы Старшего Архитектора Джима Чеосборна? Это тоже дело рук Скорбящего Клоуна?

– Разумеется! – Ответила Сумико. – Клоун хочет сотворить в Городе Улыбок настоящий хаос. И Старший Архитектор Джим Чеосборн прекрасно подходит для этого. Он один из старейших жителей, создатель города и имеет зуб на всех горожан за то, что его планы разрушили, а самого его уперли в лечебницу. И это именно он организатор самого масштабного заговора против Города Улыбок. Идеальный союзник для Скорбящего Клоуна.

– Главврач клиники святого Лаврентия незадолго до происшествия обратился в полицию с просьбой выделить дополнительную охрану. При этом, он заявил, что сделать это ему порекомендовал Марк Goldman, во время своего последнего визита, за день до побега Джима Чеосборна.

– Старший Архитектор Марк, скорее всего в курсе всего происходящего в городе, и ведет собственную борьбу. Нам непременно нужно с ним поговорить, и объединить усилия! В конце концов, мы преследуем одни и те же цели – остановить террористов и защитить порядок в городе.

– Кайджин Сумико, как поймать Скорбящего Клоуна? – Вдруг спросил шеф и посмотрел на профайлера.

– Никак! – Ответила специальный агент. – По крайней мере, сейчас! У нас нет зацепок! Он не оставляет следов! И не стоит надеяться, что оставит в дальнейшем! Все, что мы можем, это пытаться предугадывать его будущие шаги и играть на опережение! И еще! – Сумико достала из колоды карту. И показала ее всем. Изображение тут же появилось в голо-шаре, висящем под потолком. – Скорбящий клоун обязательно захочет сам сыграть в свою игру. Это нулевой аркан, Шут! Его карта! Она ляжет на игровой стол последней! Мы должны его остановить до этого. Ведь, когда это произойдет – мы все проиграем! – С этими словами Сумико положила карту на стол.

Заседание длилось еще несколько часов. Было много споров, дискуссий, предлагались разные варианты действий. В конечном итоге, после звонка от мэра, а так же после пятиминутного телефонного спора нашего шефа с директором ГБР, всю городскую полицию отстранили от расследования, и в интересах следствия, под угрозой увольнения, запретили разглашать любую уже известную нам информацию о течении следствия. Теперь это было делом национальной безопасности, личной юрисдикцией ГБР.

Я был в бешенстве. Сегодняшний день просто-таки вывел меня из себя, и я пытался успокоиться в спортзале. Но получалось не очень. Чертова Кайджин Сумико! Долбанная гений-заянка, смотрящая на всех свысока! И я с силой ударил боксерскую грушу. Чертово Городское Бюро Расследований! Да кем они себя возомнили? Чем их специальные агенты лучше наших детективов? Вот так запросто отстранить всю полицию от расследования. Я с силой ударил по груше. Чертов Скорбящий Клоун, перевернувший вверх дном наш спокойный уютный город. Нанес еще один удар. И эти безумные Архитекторы, что вечно что-то скрывают и плетут свои интриги. Я снова ударил по груше. Эмилия! Я вспомнил, как пригласил ее на ужин, и она мне отказала, сославшись на то, что у нее много дел. А потом пошла к Кайджин, чтобы «задать ей несколько вопросов, связанных с расследованием». Сдалась тебе эта самовлюблен-

ная стерва. Эх, ты никогда не смотрела на меня, как на своего потенциального бойфренда, как на возможного мужа и отца твоих детей. С силой сжал кулаки. Я просто хотел, чтобы моя жизнь была спокойной и уютной, хотел приносить пользу обществу, защищать слабых, хотел любить и быть любимым, хотел добиться успехов. Но приходят такие вот одаренные выскочки и забирают у меня все, успех, признание и внимание возлюбленной. Приходят террористы, и забирают покой и уют, угрожают моему городу. Я со всей силы ударил боксерскую грушу. Еще сегодня утром, начинался прекрасный солнечный день, полный надежд, и вот уже под вечер навалилось столько дерьма.

Я закончил тренировку одним из последних, принял душ и выпил белковый коктейль. После чего оделся и отправился домой. Пошел пешком, решив прогуляться. Мне надо было проветрить голову, да и до дома не более получаса пешего хода. День выдался чертовски дерьмовым, но я не сдамся и не сломаюсь. Я продолжу сражаться за то, во что верю. И тянуть свою лямку заурядности. Буду выписывать штрафы за неправильную парковку и переход через дорогу на красный свет. А ведь так хотелось быть причастным к чему-то великому.

Я остановился и посмотрел на огромный стометровый экран у меня над головой. Милая анимированная девочка махала всем своей детской ручкой и предлагала покупать и потреблять больше всякой дряни, ведь мы самый процветающий город на земле. Что за лицемерие? Как будто, мы не знаем, что мы единственный уцелевший город на Земле. Конечно, мы самые лучшие, и самые худшие тоже. Не с кем сравнить. Как все достало!

Вдруг девочка на экране резко исчезла, оборвав свою фразу на полуслове. И экран на миг стал черным. Я очень удивился. Сломался что ли? Первый раз такое вижу. Но уже через миг изображение вернулось. Вот только на экране была уже не мультяшная девочка, а мужчина средних лет, одетый в изысканный полосатый костюм, его белоснежные волосы были зачесаны назад.

– Привет, мои милые горожане! Соскучились по мне? – Произнес он жизнерадостным голосом.

– Твою мать! – выругался я в голос. – Старший Архитектор, Джим Чеосборн! – Какого хрена? Террористы захватили главный городской канал? Нужно срочно прервать трансляцию, добром это не кончится. Но как же ее прервать?

– Покупайте, потребляйте, – Старший Архитектор передразнил голос анимированной девочки, а люди на улице один за другим останавливались и смотрели на экран, – потребляйте больше этого дерьма! Коэффициент счастья вырос еще на сто пятьсот процентов, мы теперь самые счастливые из всех городов на земле. Да потому, что мы – последний сраный город на этой сраной планете! – Проорал Джим со стометрового экрана. – Вы еще не устали от всего этого говенца? От этой промывки мозга? От этих фальшивых лживых лицемерных улыбочек? Этой вечной весны, города бесконечного карнавала со сладковато-приторным привкусом гнили?

А хотите я дам вам немного правды? Живительный глоток этого самого прекрасного и самого действенного яда на земле, этой кислоты, что с легкостью разъедает любую иллюзию? Хотите? Да пожалуйста, ловите пригоршнями, я как добрый дилер, отсыплю всем и каждому!

Итак, начнем дорогие мои! Знаете ли вы, милые сограждане, что пока вы здесь в Рондо с жиру беситесь, семь миллионов наших граждан, то есть примерно восемьдесят два процента жителей города, живут в полной нищете и грязи, влачат свое существование в трущобах, не имея нормальной медицины, образования, да просто хорошей еды, я уж молчу о каких-то там увеселениях и роскоши, которые им не снятся даже по ночам, когда они после тяжелого двенадцатичасового рабочего дня, выпив дешевого пойла, дрыхнут в своих вонючих грязных, полных клопов, постелях? Вы этого не знали? Что даже богатейшие из них не имеют в своем распоряжении ни единого хьюмбота, компьютеризированных домов, генной медицины, автомобилей и многого прочего. Вы этого не знали? Вы мне не верите? Когда вы последний раз

были за пределами стен Рондо? Когда посещали так называемый Промышленный Город Улыбок, который сами его жители именуют «плантациями»? Знаете ли вы что за чудное место Клоака? Чтобы попасть за стены, вам нужно выполнить такую сложную бюрократическую процедуру. Лучше потратить это время на очередные увеселения и наслаждения, а про жизнь за пределами Рондо узнать из специальных репортажей, скушать очередную порцию лжи, которую добрые Архитекторы специально приготовили для вас, чтобы вы ели, ни о чем не спрашивали и добавки не просили.

Но вам повезло, сегодня я утолю ваш голод полностью. Я так вас накормлю, что добавки не попросите! И так, узрите, как живут люди из окраины Города Улыбок. Очень занимательно, скажу я вам! – На экране начался ролик. Какие-то трущобы. Покрытые плесенью и грибами полуразвалившиеся избы. По небольшим, забитым мусором и отходами улицам, бегают замурзанные дети, одетые в лохмотья и тряпки. В руках у них игрушки, сделанные из соломы, дерева, опилок и марли. Дальше камера показала какую-то комнату изнутри. Закоптившиеся стены, облезлые обои кусками свисают вниз. На небольшой газовой плитке варится жидкая похлебка, в ней плавают несколько овощей, парочка синеватых куриных спин и какой-то давно отработанный жир. По столу бегают тараканы и жуки. Женщина в страшных лохмотьях сидит возле стола с пустым стеклянным взглядом. В ее руках бутылка странного пойла. По-видимому, это какой-то алкоголь самого низкого качества, в Рондо такую бормотуху не купишь, даже если бы захотел. Дальше показывают завод. Страшный шум и грохот. Десятки измазанных сажей и копотью уставших мужчин еле волочат телеги с раскаленным металлом. Машины скрипят и гудят. Грохот невероятный, и судя по поту, который вперемешку с сажей градом стекает с этих людей, там очень жарко. Один мужчина вдруг останавливается и начинает кашлять. Из его рта идет кровь. Он украдкой достает из кармана грязную тряпку, быстро вытирает губы и смотрит, не заметил ли бригадир.

Дальше камера показывает панораму города. Десятки заводов и цехов выпускают огромные клубы дыма. Весь город покрыт копотью и плесенью, а в воздухе висит желтоватый смог. Почти все люди на улицах кашляют, многие ходят в марлевых масках. Все одеты в какое-то тряпье и старые грязные вещи. Пыльные и грязные прилавки стареньких магазинов почти пустуют. Там лежат лишь некоторые низкокачественные товары. В продуктовых лавках лишь второсортная еда и дешевое пойло. Дальше камера вновь показывает панораму. И я вижу вдали, за закоптившимся грязным городом сияющие золотистые купола и чистенькие небоскребы Рондо.

Просмотрев ролик, все люди на улице стоят в оцепенении. Никто даже не может пошевелиться. Шок! Это даже очень слабо сказано! Неужели то, что нам показали, и есть Город Улыбок, тот самый прекрасный цветущий город достатка, благополучия и вечной весны, в котором мы живем? Просто в голове не укладывается! Но ведь нам этого не говорили, нам не рассказывали, как там, за пределами стен. Точнее, говорили совсем другое. Мы просто знали, что люди там живут «немного беднее». Но не настолько же! И мы ведь всегда что-то жертвуем людям из Промышленного Города Улыбок, есть целая система благотворительных организаций и они, как правило, собирают достаточно много пожертвований. Я сам не единожды жертвовал деньги и свои вещи.

После того, как ролик закончился, на экране снова появился Старший Архитектор Джим Чеосборн.

– Ну как, понравилось, дорогие мои горожане? Кажется, наш Город Улыбок не такое уж милое и доброе место, не правда ли? Я знаю, вы сейчас в шоке. И у вас возникают вопросы. Правда ли это Город Улыбок? Куда же уходят наши пожертвования? И если там так плохо, то почему жители окраины не переезжают в Рондо? На первый вопрос я отвечу вам сразу. Да, эти кадры были сняты действительно в Городе Улыбок. Вы ведь все заметили небоскребы Рондо на заднем фоне. Это не подделка, не монтаж, это – жестокая правда. А на счет второго и третьего вопроса, то вот вам еще небольшие ролики. Это так называемая Миграционная

Служба, – прокомментировал голос Джима, на экране показали людей в черной форме, что сжигают тонны одежды и давят бульдозером еду, – здесь вы можете наблюдать, как они уничтожают всю гуманитарную помощь, которую вы собирали для жителей окраины. Зачем они это делают? А это лучше у них самих спросить, а еще лучше у тех, кому они подчиняются. Дам подсказку, это управление не входит в состав ни одного из департаментов и не подчиняется ни сенату, ни мэру. Приказы они получают напрямую от известной лишь некоторым из вас неформальной организации, представители которой называют себя Архитекторами.

– А вот здесь вы можете видеть линии обороны между Рондо и Промышленным Городом Улыбок, – на экране появились высокие, хорошо укрепленные стены. Наверху стояли автоматизированные пулеметы и пушки, а внизу таблички «Осторожно, заминировано». – Это кордоны, которые не позволяют свободно перемещаться между двумя секторами города. О них вы опять-таки не знали. Все по тому, что они полностью автоматизированы, и обслуживаются лишь небольшим количеством людей. Как думаете кем? Конечно же, специальными инспекторами из Миграционной Службы. Вот как-то так, дорогие мои. Пора открывать глазки и просыпаться! Пора понять, что прекрасная сказка, в которой вы живете, для кого-то сущий ад и кошмар наяву. И стоит лишь преградам упасть, и толпы нищих обозленных жителей окраины разгромят, разворуют и утопят в крови ваш миленький уютненький Рондо! А я могу легко это устроить! Для этого просто нужно взломать защитный код вашего центрального компьютера, вашей цифровой богини «Инфинити». И я это уже сделал, теперь вы все мои заложники! – Глаза Джима заблестели еще большим безумием, он хитро улыбнулся и прокричал. – Приказываю вам свергнуть Архитекторов! И отдайте мне Старшего Архитектора Марка Голдмана! Или я открою ваш город для толпы голодных обозленных бродяг из «плантаций», и буду любоваться, как они отбирают у вас все. Даю вам двадцать четыре часа! А это небольшая демонстрация серьезности моих намерений!

Джим щелкнул пальцами, и тут же началось что-то невообразимое. Все машины в городе будто взбесились. Хьюмбот-официант в соседнем кафе воткнул вилку прямо в руку какой-то женщине, и та завопила на всю улицу. Все сигнализации включились одновременно, и пространство вокруг наполнила жуткая какофония звуков. Я услышал крик справа от себя. В небольшой парикмахерской на полу лежал мужчина, что держался руками за горло, из которого хлестала кровь. А над ним стоял хьюмбот с окровавленной бритвой. Кричала женщина, что сидела в углу, дрожа от страха. Хьюмбот повернулся в ее сторону и направился к ней. Я, не задумываясь, выхватил пистолет и всадил в него пол обоймы, стреляя прямо через окно. Хьюмбот задымился и неподвижный упал на землю. Я ворвался в парикмахерскую и подбежал к мужчине. Попытался остановить кровотечение, но было слишком поздно. Перерезана артерия, кровь уходила очень быстро, и человек умер прямо у меня на руках. Я посмотрел на свои окровавленные руки, на город, который поглотил хаос, и подумал – как же до этого дошло? Как все могло пойти под откос за одну только неделю? Наш рай, наша утопия была ложью? Или же это провокация террористов? Кто из Старших Архитекторов нас обманывает, Чеосборн или Голдман? Я совсем запутался. И я был зол! Все не должно быть так!

Вдруг трансляция с безумно хохочущим Джимом оборвалась, сигнализации тут же затихли, и все машины снова начали нормально функционировать. Экран на миг стал черным, а через мгновение изображение вернулось. Но на экране был уже не Джим, а какой-то молодой парень в очках и с растрепанными волосами.

– Уважаемые жители города, – сказал он мягким приятным голосом, – Город Улыбок подвергся нападению террориста и неуравновешенного безумца, уже известного многим, заговорщика Джима Чеосборна, что недавно сбежал из психиатрической клиники. Прошу вас не беспокоиться, и не воспринимать слова душевнобольного всерьез. Все показанные им видео являются подделкой, созданной при помощи компьютерной графики. Уже принимаются меры

по поимке этого опасного преступника. Прошу всех горожан сохранять спокойствие. Мы, Архитекторы, – и парень положил руку на сердце, – храним вас! Всегда!

После этого на экране появился знак в виде раскрытого циркуля, описывающего круг. Знак Архитекторов. Немногие его знают. Неужели даже они решили выйти из тени? Насколько же высоки ставки? Знак провисел всего несколько секунд, и его тут же заменила анимированная девочка, что продолжила рассказывать о том, как все в городе счастливы, и что нужно чаще радовать себя вкусняшками и подарочками себе любимым.

Вдруг изображение задрожало, на экране появилась новая картинка. Скорбящий Клоун и Джим стоят на коленях, сложив руки в молитвенном жесте, Джим шепчет какие-то слова. Звук нет, нельзя понять, что он говорит. Но они словно молятся. Рядом с ними стоит деревянный крест. На нем распято тело застрелившегося недавно священника Кевина Крокуса. Из его глаз бегут кровавые слезы, а на его голове венки из проводов.

Картинка снова исчезает и появляется парень в очках.

– Повторяю, вам не о чем беспокоится! Террористы скоро будут пойманы!

После чего включается реклама. Я еще несколько минут не отрываясь смотрел на экран. Но там больше ничего необычного не происходило. Словно все, что было, мне привиделось. Нелепый сон! Дурацкая галлюцинация! Вот только кровь на моих руках была настоящей!

И что все это значит? Один из Старших Архитекторов снова, как и много лет назад, объявил войну Архитекторам и городу? Скорбный Клоун на его стороне? Что вообще происходит и как это понимать?

Вдруг мой бандфон зазвонил и завибрировал. Я нажал на кнопку, и над экраном зависло небольшое голографическое изображение лица шефа полиции.

– Детектив Стронгборн, вы видели, что показали только-что по городскому каналу?

– Да, сэр! – тут же ответил я. – И видел весь тот хаос, что вызвали эти террористы.

– У меня для вас срочное задание! Это приказ самого мэра! Нужно арестовать Старшего Архитектора Марка Голдмана!

– Но сэр, – у меня почему-то резко пересохло во рту, и я тяжело вздохнул, – разве мы охотимся не за Скорбным Клоуном и Старшим Архитектором Джимом Чеосборном?

– Разумеется за ними! Они приоритетные цели! Но пока наши лучшие айтишники выясняют, откуда велась трансляция, поступил приказ сверху арестовать всех членов группировки, именующей себя Архитекторами. Мы не можем позволить им творить что вздумается и использовать Город Улыбок, как игровое поле для своих войнушек!

– Так точно, сэр! – Прохрипел я в микрофон на руке. Горло все еще было слишком сухим.

– Я проверил координаты чипов наших сотрудников, из всех офицеров вы сейчас находитесь ближе всего к дому Старшего Архитектора Марка Голдмана. На его арест выехала группа специального назначения, отряд SWAT. Ваша задача не мешать ребятам работать, просто составить протокол операции и присутствовать при транспортировке Старшего Архитектора к Центральному Управлению Полиции!

– Так точно, сэр! – Не густо, но хоть что-то. Самое ответственное задание за последние несколько лет. Участвовать в аресте одной из самых известных личностей города. Это серьезно!

– Высылаю вам координаты дома и формуляр для составления протокола. Ждите дальнейших указаний. До связи!

– Слушаюсь, сэр! До связи, сэр! – Надеюсь, он не услышал чрезмерных радости и возбуждения в моем голосе.

Бандфон издал писк, и я получил уведомление о двух новых файлах в почтовом ящике. Я тут же скопировал координаты в навигатор. Последний за несколько секунд проложил для меня самый короткий маршрут к дому Старшего Архитектора. Это было совсем рядом. Я подбежал к паркингу городских общественных автомобилей и провел перед сенсорной панелью своим полицейским жетоном. Мне тут же был выдан в аренду один из самых быстрых аэромобилей.

билей, бесплатно, разумеется. Привилегия городского полицейского при исполнении. Запрыгнул внутрь транспорта и активировал голографическую свето-звуковую систему. После чего на всех парах рванул в сторону моей цели.

Несколько минут, и я был на месте. Почти максимальная скорость и полицейская сирена сделали свое дело. Передо мной был красивый трехэтажный особняк с небольшим двориком. Судя по координатам, которые получил с центрального офиса, это и был дом Старшего Архитектора Марка Голдмана. Недалеко стояла машина спецподразделения. Видимо, операция захвата уже началась. После всего пережитого сегодня, я уже просто не мог оставаться в стороне. Мои нервы и так были на пределе. Надо было делать хоть что-то. Я решил обойти здание через задний дворик и проникнуть в середину. Если буду вести себя тихо и не лезть на рожон, то не подставлюсь под удар бойцов из SWAT, и, может, даже помогу захватить Старшего Архитектора, а то и сделаю это собственноручно. Хотя зачем мне это, я всегда уважал инженера Марка Голдмана, даже восхищался им. Но сейчас я слишком устал и перенервничал из-за всего дерьма вокруг. Мне надо было кого-то поймать, заставить кого-то ответить, найти виновника, выполнить свой долг. Сейчас это было очень важно. Важнее всего на свете. Да и приказы сверху не обсуждаются! Поэтому я достал пистолет, обошел соседний дом и нырнул в небольшую улочку. Осталось только добежать до дома Старшего Архитектора, и попасть в него через задний двор.

Вбежал в небольшой туннель. Я двигался достаточно быстро, но кто-то преградил мне путь. Все тело в окровавленных бинтах, на лице маска плачущего клоуна. А глаза... Они действительно были такими живыми. Они смотрели на меня с какой-то жалостью и сочувствием. Кажется, это было последней каплей. Я сегодня и так на пределе. Я дрожащей рукой направил на Клоуна пистолет:

– А ну стой! Ни с места, или я буду стрелять! – Крикнул я, а Клоун медленно направился в мою сторону.

– Стой! Кому говорю?! – руки дрожали, я был слишком напряжен.

Клоун медленно продолжил идти в мою сторону. Я нажал на курок. Еще. И еще. Клоун исчез и буквально через секунду появился возле меня. Что за черт? С какой же скоростью он двигается? Он оказался ровно передо мной, и дуло моего пистолета было направленно прямо ему в сердце.

– Стреляй! – Тихо сказал я. Хотя и не собирался этого говорить. – Стреляй, если считаешь нужным! Но ты уничтожишь единственный шанс этого города на спасение!

Мои руки задрожали еще сильнее, на лбу выступил холодный пот. Что за чертовщина? Я сказал эти слова, но я не собирался их говорить, это были совсем не мои мысли. Неужели легенды о клоунах не врут? Они действительно говорят чужими губами?

Клоун лишь молча смотрел и ждал моего решения. Я слышал, как бьется мое сердце. Я слышал, как бьется его сердце. Выходит, он тоже живой. Я видел блеск слез в его глазах, и почувствовал, что мои глаза тоже влажные. И этот жар, исходящий от него. Он не демон и не мертвец, не машина, он правда живой.

– Ты террорист! – Выдавил я из себя. – Зачем ты все это делаешь? Зачем причиняешь боль?

– Город смертельно болен, он умирает! – Ответил я сам себе. – Я – лекарство. Уколы бывают болезненными, а микстуры горькими, но иначе не выздороветь!

– Ты в говоре с Джимом Чеосборном, опасным психопатом, что хотел убить почти всех горожан!

– Он лишь временный мой союзник!

– Почему я должен тебе верить?

– Потому, что ты уже убедился, чего стоят твои старые идеалы! Потому, что ты увидел правду! Потому, что ты посмотрел в мои глаза! Потому, что ты нужен мне!

– Отойди, – ответил я, опуская пистолет, – мне нужно на задание.

– Те бойцы мертвы! Им уже не поможешь! – Сказал я сам себе.

Не веря своим ушам и собственным губам, я рванул вперед, прямо к дому Марка. Окно с треском разлетелось в клочья, а из него вылез Старший Архитектор в каком-то причудливом экзоскелете. Он походил на паука, восемь конечностей быстро заскрежетали по стене.

– Стойте! – Крикнул я, но реакции не последовало. Я открыл огонь из пистолета, но пули лишь отскакивали от брони. Несколько секунд – и Старшему Архитектору удалось сбежать. Я проник в дом и поднялся на этаж, из окна которого сбежал Марк Голдман. Весь пол был покрыт кровью. Здесь словно произошла адская бойня. Оторванные конечности бойцов специального назначения валялись разбросанные по всему коридору. Тактическая броня разбита и разорвана, винтовки сломаны, шлемы пробиты, головы прострелены или расплющены. Я думаю, если собрать все части этих тел, то я понял бы, что здесь лежат все десять бойцов. Еле подавил приступ рвоты и выбежал на улицу. Почему? Почему они это делают? Ведь они же сами создали этот город!

Скорбный Клоун был прямо передо мной, а я стоял на коленях и с силой пытался подавить рвотные позывы. Тяжело дыша, посмотрел на него.

– Я помогу тебе остановить Марка, если ты пообещаешь мне, что остановишь Джима! – Сказал я Клоуну, тяжело дыша.

Тот лишь кивнул в ответ.

– Что ж, – сказал я, вставая с колен и пытаясь хоть немного прийти в себя. – Тогда сокрушим Старших Архитекторов!

Клоун лишь молча кивнул и протянул мне какую-то карточку. Я взял ее в руки и внимательно рассмотрел. Снова эти Таро, значит теперь и я получил свою карту. Человек в красной мантии с золотом и короне восседает на троне, в одной его руке – поднятый меч, в другой – весы. Карта называлась «справедливость». Что ж, видимо справедливости действительно не добиться без меча в руке. Выхода нет, придется вступить в эту сложную кровавую игру и собственноручно попытаться сделать мир лучше.

Аркан XIX. Перевернутое Солнце. Закат Архитекторов

Мне всегда нравилось смотреть на город с высоты. Чем выше – тем лучше. Именно поэтому, я уже несколько лет жил в пентхаусе одного из городских небоскребов. Вот и сейчас так же наслаждался высотой, медленно поднимаясь в лифте. Я не любил лифты-капсулы, что достигают нужного этажа за несколько секунд. Мне нравилось медленно и плавно плыть вверх, находясь внутри стеклянной кабины, вроде той, которыми повсеместно пользовались люди еще до Рубежа, и любоваться уплывающим из-под ног городом. В наушниках играли Eurythmics, «Sweet Dreams». Я смотрел на дома внизу, что становились все меньше, тающий мир вечного фестиваля длиною в жизнь, и одновременно разглядывал свое еле заметное отражение на стеклянной стенке лифта. Мои вечно растрепанные волосы, пухлые губы, слегка высокомерный взгляд и это выражение лица, игривое что ли, как еще назвать? Я играю со всеми и всегда, вся моя жизнь – это сплошная игра.

Лифт останавливается на каком-то скучном совершенно не имеющем значения этаже, и в кабину входит солидный мужчина, на вид лет сорока, деловой костюм, строгий взгляд, в правой руке портфель. Мужчина тоже скучный и не имеет никакого значения. Насекомое из заурядного офиса или какой-то клерк, что всю жизнь ищет на корпоративного монстра, за гроши. О, боги Асгарда, и надо же ему испортить мое любование городом и собой! Этот тип начинает рассматривать меня. И по мере того, как он изучает внешний вид, я замечаю, как удивление на его лице сменяется недовольством. Он медленно поднимает взгляд от темно алых туфель, проходит им по обтягивающим кожаным штанам, смотрит на татуировки на руках, в виде драконов, на десятки браслетов и несколько разнообразных серебрянных перстней в форме улыбающихся черепов, на расстегнутую клетчатую красно-черную рубашку с закаченными рукавами и надолго задерживает взгляд на футболке. О, эта футболка, она не может не привлечь внимания. Я сделал ее специально под заказ, чтобы она получилась яркой, шокирующей и актуальной. По сути, эти три слова были девизом всей моей жизни. На футболке изображена молодая сексуальная брюнетка, что восседает на троне из черепов. Девушка была голой, в правой руке она держала огромный откушенный член, с одного конца которого, прямо ей в рот стекала густая сперма, которую она, запрокинув голову, пыталась с жадностью проглотить, а с другого – на ее красивую упругую грудь капала кровь. Картинка была действительно очень яркой и чувственной, она просто дышала страстью, поэтому и не удивительно, что мужчина так засмотрелся на изображенную на ней точную копию малышки Кейт, одного из лучших творений мастера Марка. Интересно, он-то хоть знает об этой хьюмбот-шлюшке, что неделю с таким рвением кастрировала мужчин в Городе Улыбок? Наверное, все-таки знает. Офисный планктон вроде него всегда внимательно следит за вечерними выпусками новостей.

Ох, какой скучный мудака! Я достал из кармана «чупа-чупс», распечатал конфету и положил в рот, после чего достал из другого кармана голографический планшет. Нажал на кнопку, и передо мной раскрылся маленький экран. Со скучающим видом открыл яойную хентай мангу, и начал медленно перелистывать черно-белые страницы с изображением романтических и сексуальных отношений между мужчинами. Краем глаза, заметил, что этот скучный тип с недовольством косится на мой планшет.

– Вам так не нравится, мой внешний вид, или то, что я читаю?! – Спросил я достаточно резко.

– Нет! – Сухо отрезал мужчина.

– И все же вы глаз с меня не сводите, – констатировал я очевидный факт, продолжая листать мангу, и следя за ним краем глаза. – Это значит, что я вам, либо не нравлюсь, и вы меня осуждаете, что вы только что сами опровергли, либо же наоборот кажусь вам настолько привлекательным, что вы взгляд оторвать не можете!

– Это не так! – Прямлился мужчина. Он вдруг посмотрел на мои губы, задержал взгляд на конфете, которую я медленно сосасывал, потом немного покраснел и потупил глаза.

Я чуть не рассмеялся. Я-то просто над ним подшучивал, думая, что он какой-то очередной ханжа, осуждающий мой стиль жизни. Но все оказалось не так просто. Бедняжка! Староват он для меня, я сплю только с молодыми мальчиками и девочками. Но, почему бы не повеселиться?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.